

Детективы
от Леди Ва-банк

Лариса

СОБОЛЕВА

Оберег
от порочной
любви

Лариса Соболева

Оберег от порочной любви

1

Он едва не закричал от ужаса. Второй раз не ошибаются, она встретила на том же месте. Или опять примерещилась? Тогда должна исчезнуть, следом пройдет и боль внутри, боль, ею причиненная, возникшая из воздуха и воображения. Второй раз Брасов не дышал и не сводил с нее глаз, поворачивая голову, затем корпус назад. Ему не мешали редкие капли, оставленные на заднем стекле морозящим дождем, а она не исчезала...

Она стояла, как и в прошлый раз, у края тротуара, узкие носки туфель касались бордюра, выкрашенного белой краской, за спиной высился газетный киоск. На ней был тот же легкий выцветший светло-красный плащ с закатанными по локоть рукавами, короткая черная юбка, кажется, трикотажная, красная кофточка с застежкой спереди. В руке она держала ручку от зонтика, а над головой раскинулся прозрачный купол с каплями, выглядевшими как ртутные шарики. Однажды в детстве Брасов разбил термометр, по столешнице разбежались капли и, когда он карандашом подводил их друг к другу, они соединялись в шарики, не оставляя следов. Тогда они напоминали капли дождя на стекле, в то же время были чужеродными, самостоятельными сгустками, он не знал, как опасно для здоровья играть ими... Причем здесь разбитый термометр? Дурацкая ассоциация.

Всего миг, а Брасов запомнил такие мелочи, как черные квадратные крапинки на красном полотне немодной кофточки. Дешевенький браслетик из разноцветных бусинок разной величины на запястье руки с зонтиком, выбившаяся прядь светлых волос упала на лицо... Что-то еще... Улыбка! Она улыбалась, совсем чуть-чуть, в сущности, движение губ даже нельзя назвать улыбкой, скорее, всегдашнее ее выражение – светлое и радостное. Стоп, кому она радовалась? Ему? И лет ей столько, сколько было тогда. Но ведь это невозможно!

Всего миг... Хрупкую фигурку закрыла маршрутка, следующая за «Мерседесом» Брасова, а за маршруткой – целая вереница автомобилей. Только после того, как она пропала, Брасов развернулся корпусом к лобовому стеклу и задышал часто-часто, громко и с переборами, будто находился в газовой камере.

– Вам плохо, Юрий Артемович? – забеспокоился шофер.

Брасов вздрогнул, с изумлением взглянув на парня, и вспомнил, что, вообще-то, едет на работу. Как странно, девчонка у дороги настолько выключила его из реальной жизни: водитель Игорь задал вопрос, а Брасов не расслышал.

– Что? – выдавил он, заставляя губы шевелиться.

– Вам плохо? Остановиться? Здесь нельзя, но могу свернуть.

– Останови... Нет, не плохо... Пить хочется.

– Так есть же. – Игорь открыл бардачок.

Жаль, нет ничего покрепче. Брасов, торопясь, вскрыл минералку, вода с шипением пролилась на брюки.

– А, черт! – стряхивая капли, ругнулся он.

Отпил несколько глотков, легче не стало. Вот если б сосудорасширяющего хлебнуть... Но спиртное в кабинете, пройдет целая вечность, пока он доберется до заветного шкафа.

Брасов с нетерпением ждал, когда Игорь припаркуется. Машина еще толком не остановилась, а он выскочил и бегом ринулся в кабинет, несмотря на статус руководителя и довольно плотную комплекцию. Он и в юности не отличался стройностью, когда же перевалило за тридцатник, вес прибавлялся пропорционально убывающим волосам – чем обширней лысина, тем больше стрелка весов отклонялась в нежелательную сторону. Борьба с весом длилась минимум один день в месяц, главный соблазн, еда, перекрывал все известные страсти, потому к тридцати семи Брасов напоминал огромный бурдюк, наполненный выдохшимся вином.

Он промчался мимо секретарши, в кабинете опрокинул рюмку коньяка в рот и замер, ожидая немедленной помощи. Чтоб она быстрее пришла, выпил вторую. Тело приобрело легкость за считанные минуты, Брасов почувствовал кайф, какой редко получал. Голова приобрела относительную ясность. Девчонка, стоявшая у дороги, перестала быть фантомом, нашлось объяснение: просто похожа. И взволновала похожестью, только ею. Той было семнадцать, этой примерно столько же, а прошло, простите, девятнадцать лет. Брасов рассмеялся: похожая девочка вызвала в нем ужас.

Спустя несколько секунд он уставился на поверхность стола, увидев на черной полировке – ее же.

Почему он решил, что крапинки на кофточке квадратные? Это невозможно было заметить, когда он проезжал мимо нее. Ах да, ОНА носила подобную красную кофточку с квадратными крапинками, ассоциации сработали, не более. Брасов просто знал: крапинки квадратные и черные, на самом деле их не было, на этой кофточке не было. Девчонка

пережидала, когда проедут машины, чтоб перейти дорогу...

Но она смотрела на Брасова! Она поворачивалась за его машиной, переступая в туфельках с узенькими носками, ни разу не взглянув в другую сторону. Значит, ее не интересовала проезжая часть, а только авто, в котором ехал он. То есть она поджидала Брасова, чтобы смотреть вот так? Этого не может быть, совпадение. Однако можно принять за совпадение один раз, но второй...

– Юрий Артемович, вы приболели?

Он забыл, где находится, поэтому содрогнулся, услышав заискивающий лепет секретарши. Не заметил, как та вошла.

– С чего ты взяла? – включился он в действительность.

– Вы весь мокрый. У вас температура?

Судя по ее вываливающимся из орбит глазам, обычно преданным и обожающим до тошноты, выглядит он как смертельно больной.

– Нет у меня температуры, – огрызнулся Брасов. Провел пальцами по лбу и удостоверился: мокрые. – Я бежал. Вспотел. Чего панику поднимать?

– Слава богу, – счастливо выдохнула она. – Звонили из администрации, просили вас приехать на совещание, оно начнется в одиннадцать.

– Бабки вымогать будут, не поеду. Позвони и скажи, я уехал.

– Куда уехали? Они обязательно спросят...

Терпеть он не может стрижки, у Лины она особенно противная: одна черная щетина на голове. И одежду носит из гардероба монахини, ненавидит Брасов черный цвет, а также ее черные колготки, которые, говорят, сексуально смотрятся на стройных ногах. И ее стройные ноги, напоминавшие ему о собственном лишнем весе, ненавидел. Единственное, что его устраивало в этой сорокалетней худосочной мымре – исполнительность, терпение и, как топор у палача, всегда под рукой. Он несколько раз взмахнул кистью, выгоняя ее:

– Придумай сама. Ну, давай, давай... иди.

Как только за ней бесшумно закрылась дверь, третья рюмка коньяка опрокинулась в рот, и потекла, потекла живительная сила, возрождая скорбный дух. Брасов крикнул, приложив ко рту кулак, облегченно вздохнул и вдруг недовольно поморщился: в дверном проеме снова появилась черная щетина и длинный нос.

– Извините, Юрий Артемович, я с напоминанием.

– Давай.

– Сегодня вы приглашены на банкет по случаю дня рождения...

– Помню.

– Извините. – Ее лицо трансформировалось в подобострастные складки,

вот прикажи он – ложись на пол и ползи, она ляжет и поползет по-пластунски. За эту падучую преданность Брасову хотелось убить Лину, а без преданности никак нельзя держать близко возле себя человека.

Брасов развалился в кресле, уставился в потолок. Конечно, девчонка всего-навсего похожа до жути, именно до жути, потому что всколыхнула в нем далеко не приятные воспоминания. Он забыл, а она всколыхнула. Ничего, пройдет, то было в юности, бес попутал.

Тори – уменьшительное от Виктории, так звучит приятней, имя ею придумано еще в школе. Ну а если вдуматься: дают ребенку нормальное имя, потом обращаются в ласкательно-уменьшительной форме и получается Вика, Виктоша, Тоша. На слух непрезентабельно, как кличка собаки, а где же имя? Тори не переделаешь на сюсюкающий лад, не скажешь же Торичка? Абсурд. Тори звучит объемно, с шармом, кстати, была она девочкой шикавой от слова «шик», тогда не говорили «супер». Во-первых, из хорошей семьи, в смысле – состоятельной, во-вторых, первая красавица в школе, в-третьих, училась на отлично, правда, стараниями педагогов, в те времена тоже кидали на лапу, лапы брали и тянули на «золото» за симпатичные ушки. Потом триумфальное поступление в институт, учеба, в результате диплом успешно погребен под руинами семейной жизни. Впрочем, Тори считала, что жена с высшим образованием – это неременный атрибут успеха мужа, лишь бы он соответствовал жертвоприношению. Роберт соответствует частично, да где же взять идеального мужчину? Принцы с королями, как показывает жизнь, давно вымерли, а то, что наплодилось, умеет только холить свое тело, да удовлетворять потребности. Редкие экземпляры способны добывать деньги. Роберт добывает, в остальном он как все.

Тори проверила загруженность стола. Официанты справились отлично. Чтоб не забыть, она заранее выдала им на чай по купюре и вышла покурить, заодно встретить гостей. Не успела сделать пару затяжек, как остановился знакомый автомобиль, из него с трудом вылез Брасов с букетом.

– Тори, ты королева! – Его первые слова после вручения букета.

Это не дешевый комплимент, Тори действительно достойна восхищения. Смуглая кожа сейчас в моде, а у Тори она отликает золотистыми оттенками – средиземноморский загар. Большой рот, выразительные глаза, волосы густые и волнистые от природы, фигура на пять с плюсом – одним словом, прекрасна.

– Только вшивый король не прибыл, – усмехнулась она беззлобно. –

Думаю, принимает поздравления от любовницы. Подарить ей нечего, так себя ему дарит.

– Тори, Тори... – укоризненно покачал головой Брасов. – Ну, что ты такое несешь? Роб преданный...

– Как кот, который гуляет сам по себе. Ладно, не будем о нем. Пойдем, Юрка, выпьем, пока гости не набежали. Признаюсь, я одного тебя могу терпеть, но недолго, до твоего нытья по поводу и без.

– По-твоему, я нытик? – обиделся он. – А раз нытик, значит, зануда. Я зануда?

– Еще какой, но я люблю тебя, – улыбнулась Тори и вдруг, осмотрев его с ног до головы, отчитала друга: – Юрка, ты стал еще толще! Это никуда не годится, жаль, ты не мой муж, я бы тебя загнала в тренажерный зал и не выпускала б оттуда, пока не потерял бы пару десятков кгэ.

– Не преувеличивай, – запыхтел Брасов, садясь за стол. – Поправился всего на два килограмма, с понедельника сяду на диету.

– Знаю, знаю твои диеты. Потом нажрешься пирожков с деликатесами, вольешь в себя литр спиртного и еще растолстеешь.

– Вот... Вот не надо, а? – забрюзжал он. – Как друг, ты обязана меня поддержать... Шампанское будешь?

– К черту, лей коньяк. – Она подняла рюмку, игриво улыбнувшись. – Ну, за моего неблаговерного, чтоб ему везло в деньгах, чтоб хватало на любовниц без ущерба для семьи. Юрка... – Тори подалась к нему, заговорила шепотом и с азартом сплетницы, которую сплетня абсолютно не касается, но до чертиков занимает: – Ты видел новую клячу Роба? Ммм, у моего мужа хреновый вкус. Представь себе, она на голову его выше, плоская со всех сторон, вся состоит из острых углов. По-моему, у нее анорексия. Я рыдала, когда увидела. От жалости к Робу. Мне кажется, у них садо-мазо в ходу. Сам посуди, к ней притронуться страшно, вдруг рассыплется на мелкие косточки. Как же Роб не боится? Значит, ей нравится, когда ее терзают, а то, что Роб тайный садист, мне хорошо известно.

Слушал ее Брасов, держа рюмку, и фонарел от цинизма. Вздохнул с сожалением, затем выпил коньяк, заел лимоном и резюмировал:

– Язва ты, Тори. Красивая, причем коварная. Вышла б за меня замуж, когда предлагал, не страдала б сейчас.

– Да я уж сто раз пожалела, Юрка, но каждому воздается по заслугам. Видимо, Роб мой крестик, кстати, не тяжелый. К тому же я давным-давно перестала страдать. Видишь ли, страдания портят внешность, то есть личико, на нем появляются мерзкие морщины и отпечатываются

неурядицы, мне это ни к чему. Твоя-то придет?

– А то! – наливая по второй, фыркнул Брасов. – Чтоб она пропустила пьянку и возможность языком почесать – как же народ узнает, что она самая умная?

Тори расхохоталась. Им обоим не повезло со вторыми половинами, а главное, оба это понимали, но относились к невезению с юморком.

– Все мы потаторы, – сказала она, беря рюмочку. – В просторечье пьяницы, не находишь?

– Я себя пьяницей не считаю.

– Ты еще и обжора. – Тори ласково погладила его по пухлой руке. – Ладно, не дуйся и успокойся, до конченных алкоголиков нам далеко, так что можем разойтись вволю. – Чокнулись и с удовольствием выпили. – Ой, Юрка! Знаешь, кто у нас будет сегодня?

– Губернатор, – хмыкнул он, ибо преподнесла Тори неизвестного гостя как нечто недостижимое, которое спустится с необозримых высот и осветит всех своим сиянием.

– Не угадал! – прищелкнула языком она. – Вчера прилетел Глеб Леденев, изъявил желание встретиться с однокашниками, Роб его пригласил.

– Да ну! Что понадобилось мегасветилу в захолустье? – без иронии удивился Брасов.

– Кажется, мать приболела, он хочет отвезти ее за бугор на лечение. Сколько мы не виделись? После университета заезжал пару раз, потом пропал, мы довольствовались только слухами: Глеб в науке, Глеб за границей, Глеб номинирован на какую-то премию...

Между прочим, Тори неровно дышала к Леденеву, но, как ни странно, он ее не замечал. Бывает и такое: на бесспорную красоту не кидаются, а для красоты это обидно и унижительно. Очевидно, в честь Глеба она нарядилась в пух и прах, блещет бриллиантами, чтоб он узрел, от кого отказался. Да и скрытое волнение наверняка связано с ним, но Брасов промолчал на сей счет, лишь пробубнил под нос:

– Последний раз я встретился с Глебом случайно на улице... лет десять назад. Он прилетел на короткое время по делам, то ли наследство получать, то ли... не помню. Что-то связано с деньгами, времени у него не нашлось на старых друзей. С тех пор я ни разу его не видел.

– Хм, значит, я – много больше десяти лет. Ужас! Отсчет уже идет на десятилетия... Извини, Юрик, гости прибыли. Как бы мне пережить всю эту мутотень?

– Ты у нас все выдержишь, – ободрил ее Брасов, похлопав подружку по

бедру.

Фривольность между ними позволялась, потому что души у них родственные, к тому же связывает немало – те же десятилетия, к примеру. Тори с улыбкой счастливой женщины ушла встречать гостей, а он обхватил пальцами подбородок и глубоко задумался. М-да, годы проносятся незаметно, каждый новый этап берется с боем, но вот он заканчивается, и можешь сказать: я выиграл! Следом новая ступень маячит, еще выше, еще труднее, взбираешься на нее – и так бесконечно, передохнуть некогда, куда уж заметить течение времени. Но нет-нет, а мелькнет черная тень из прошлого и сдавит горло невидимой рукой, врезаясь когтями...

2

Глеб не просто опоздал, а пришел в разгар веселья, когда гости прилично подвыпили. Сначала появился сноп белых роз, за ним гость, одетый довольно скромно, в светлый пуловер и джинсы – вовсе не для торжества. Только те, кто понимает, отметили: часы на его запястье безумной стоимости, как и дымчатые очки, обувь безупречная, а пуловер куплен не в местном бутике. Что до остальных (не понимающих), то вряд ли их обошла злорадная мысль: «светило» испытывает материальные затруднения, даже на костюмчик не наскреб. Хозяйка застолья подскочила, как ужаленная, толкнув мужа:

– Боже мой, кто пожаловал на наш скромный ужин!

Радостные возгласы, поднятые вверх руки хором приветствовали Леденева, ведь добрая треть в этом зале училась с ним в одной школе, некоторые в одном классе.

– Это тебе, – протянул Глеб розы. – Тори, ты меня убила! Изменилась до неузнаваемости.

– Страшненькая стала? – кокетливо улыбнулась она, зная, что оказаться страшненькой, даже если постарается, ей не грозит. По крайней мере, до глубокой старости, а старики все одинаковы.

– Раз в десять прекраснее, – отвесил он щедрый комплимент.

– Почему не в сто? – шутливо надула она губы.

– Отойди, – слегка взял ее за плечи Роберт. – Дай поздороваться. Рад, рад, что ты почтил нас своим присутствием.

– Зачем же так официально? – Леденев его обнял.

– А наш Роб вертится среди глав города, поэтому и дома базарит, словно на совещании, – съязвила Тори.

Ну, как у нас водится? Гостя надо накормить до отвала, будто до этого он сидел на хлебе и воде, напоить до лежачего состояния, чем и занялись все, кому не лень. Про именинника забыли, разумеется, закидали Леденева вопросами: где ты, что ты, как ты? Конечно, Глебу пришлось больше работать языком, чем вилкой, не успевал он одному ответить, как его перебивали новым вопросом.

– Дайте человеку поесть! – рявкнул Брасов. Кое-кто захихикал, мол, у кого что болит, тот о том и говорит.

Но в шумной компании и за длинным столом трудно что-либо

разобрать, кто-то двинул курить, кто-то танцевать, вышел покурить и Глеб.

– Не узнал? – подошла к нему Наташа со скептической ухмылкой.

Была славная девчушка, тихая, обязательная, скромная, но то, что увидел перед собой Леденев, неприятно поразило. Рановато состарилась, вероятно, скорбные морщины у губ и на лбу создают не совсем верное представление. Стояла она нетвердо, пошатывалась, сигарету подносила ко рту неуверенно.

– Узнал, – сказал Глеб. – Как живешь, Наташка?

– Спасибо, плохо. Я преподаватель, а учительствовать в наше время – дрянное дело, безобразно мало платят. Знаешь, какая самая большая проблема у таких, как я? Ходить на дни рождения к богачам. Выкроить можешь максимум пять сотен, да и то отказав себе во многом, а что на эти деньги купишь? Вот и носишься в поисках оригинального подарка, который потом выбросят за ненадобностью.

«М-да, время меняет людей, и не всегда в лучшую сторону», – с неудовольствием отметил про себя Леденев. Вслух спросил, хотя ему не хотелось продолжать диалог:

– А муж?

– Развелась. Так давно, что забыла, была ли замужем. Сожительствую с нашим Лешкой Семеренко. Иногда. Он тоже из породы неудачников, а подавал большие надежды. Все мы подавали...

– Хотелось бы с ним увидеться, ты передай...

– Да он здесь.

– Неужели? Я не заметил.

– А тебе не положено замечать, планеты ходят вокруг светила, а не светило за планетами бегают.

Ух, как выручила Тори, появившись среди курильщиков.

– Что вы так долго? Глеб, тебя заждались.

Ненавязчивая бестактность, явно оскорбившая Наташку. Что ей стоило из вежливости сказать: вас заждались? Неужели Тори не знает, что относиться нужно одинаково чутко ко всем гостям, раз приглашены? Конечно, знает, но за этой, казалось бы, ничего не значащей фразой открылось истинное отношение к подруге детства. Это уловил Глеб, ему, но не ей, почему-то стало неловко. Что-то невнятно буркнув, Наташа зашла в ресторан, а Тори задержала Леденева. Она была не в состоянии сдержать восхищения:

– Какой ты стал... солидный – не подходит, солидные мужчины обязательно с животами и лысиной, как Юрка Брасов. Нет, ты основательный, уверенный. А черты остались острыми, как у мальчишки.

- Наташка неважно выглядит, взвинченная какая-то.
- Злая. Не обращай внимания, она не в духе. Лешка успел накачаться, не получив на это ее разрешения.
- Они живут вместе?
- Встречаются урывками. Ты женат?
- Жених. Скоро сорок лет, а все в женихах хожу.
- Ммм... так ты завидный жених. Признайся, женщины тебя атакуют со всех сторон?
- Не сказал бы.
- Скромничаешь. Да, а как мама?
- Бодрячком. Ехать лечиться отказывается, не хочет отца бросать даже на день, думает, он погибнет без нее.
- Неразумно. Что делать будешь?
- Попробую уговорить. Черт, как раз выдалось время, которое могу посвятить маме, а она ни в какую!
- Ну, идем, идем. Давай встретимся в непринужденной обстановке, а то неудобно перед людьми, позовем всех наших и...
- Юность вспомним?
- Тори задумалась лишь на секунду, но и этого хватило, чтоб догадаться: не горит она желанием путешествовать в прошлое, что и подтвердилось.
- Разве нам не о чем поговорить? Я настоящее люблю, а что там за спиной, то ушло безвозвратно.
- Ладно, встретимся. Неделю я еще буду здесь.

Расклеился Лешка. Он вообще последнее время странноватый – будто витает в им же придуманной галактике, которая не состыковывается со средой обитания. И вид у него утомленный, и глаза загнанного зверька – непонятно, что его так угнетает. Обеспокоенный Барсов подсел к нему со своей рюмкой. Реакции нет, застыл, как мамонт в вечной мерзлоте. Налив в его рюмку водки (другие напитки друг не признает), Барсов протянул ему – не видит.

- Леха, – слегка толкнул его Барсов.
- А?

Глаза пустые или, точнее будет сказать, отсутствующие. Что-то творится с Лешкой, наверное, проблемы на работе – они, проклятые, гнут людей, но делиться он не любит, все в себе держит.

- Выпьем? – второй раз протянул рюмку Барсов. – Или ты уже под завязку?
- Да нет... – нехотя взял он рюмку, посмотрел в нее. – За что пьем?

– За Роба, сегодня его день.

Лешка одним глотком выпил водку, к закуске не притронулся. Поглядел на друга. Брасов аккуратно взял двумя пальцами кусок салами, пожевал, наконец, нашел, о чем спросить:

– Как живешь? Давненько не виделись.

– Нормально, – вяло заерзал Лешка.

Не надо быть особо наблюдательным, чтобы заметить в телодвижениях внутренний конфликт и услышать в слове «нормально» безнадежную неудовлетворенность.

– С работой нелады? – не сдавался Брасов. – Слушай, нерешаемых ситуаций не бывает. Хочешь, возьму к себе? Дело для старого друга всегда найдется.

– Спасибо, с работой у меня порядок, недавно оклад повысили. Налейка. – Опустошив рюмку, Лешка и на этот раз не закусил. Плохой признак. Вдруг спросил: – Помнишь фильм «Солярис»?

– Нет...

– Да помнишь, помнишь, – возразил Лешка, будто он лучше знает, что и когда смотрел Юрка. – Мы вместе с Робом у Тори смотрели по виду, он еще прикалывался. Ну, Тарковский снял, режиссер знаменитый... Там клубы океана в иллюминаторы станции долго и нудно показывали... Девку на орбиту запустил герой...

– А, помню. Я ни хрена не понял, еле высидел.

– Вот и я тогда не понял. А суть, Юрка, в том, что океан не где-то там в космосе, он здесь, он в нас, мы в него прячем себя. Что-то в этом роде говорит один из персонажей, но я дурак был, не услышал. А теперь добавлю: нам кажется, что мы себя надежно прячем, а на самом деле мы боимся океана и того, что он хранит. Но однажды – рано или поздно это случится с каждым – он забурлит и покажет нам, кто мы есть.

Плохо дело: Лешка заговаривается. Нет, правда, ему психушка светит в ближайшем времени, если не предпринять мер по спасению. Брасов, искренне уважая друга, не мог не протянуть руку помощи. Он обнял его за плечи, с бодренькой интонацией внушал:

– Брось самокопанием заниматься, Леха. Жизнь стоит того, чтоб не грустить, а пользоваться ее благами. Тебе пора прибегнуть к верному средству реанимации – переменам. Короче, в понедельник приезжай ко мне в офис с документами, оформим тебя управляющим одним из складов, для начала будешь получать на порядок больше.

– А смысл?

– Считаешь, в деньгах нет смысла? – рассмеялся Брасов, однако

получилось невесело. – Смысл в их количестве и в том, что они нам дают. Купишь своей Наташке духи «Шанель», авось подбредет. Машину, наконец, купишь...

– Ты не понял, Юрка. Смысла нет ни в чем, если эту самую жизнь начал с дерьма.

– Так, – ударил по краю стола ладонью Брасов, – возражения не принимаются. В понедельник у меня поговорим о смысле, а также о жизни и ее выражах. Придешь? Я спрашиваю, придешь?

Неожиданно Лешка рассмеялся, взялся за шею Брасова – насколько позволили пальцы, притянул и прикоснулся лбом к его лбу.

– А вот возьму и приду, что будешь делать?

– Я слов на ветер не бросаю, – заверил Брасов. – Ну, чего ты муру водишь, Леха? Взрослый мужик, а распустил сопли. У тебя есть друзья, я, например, приходи ко мне, не пожалеешь.

– Точно! – Он действительно оживился, а не притворился. – Мне не хватает перемен, а для начала, ты прав, надо поменять место работы, себя...

– Себя не надо! – поднял указательный палец Брасов. – Это опасно.

– Ладно, себя не буду. Значит, в понедельник?

– Мне свои люди нужны, а не чужаки, которые норовят облапошить. Хочется доверять, Леха, но доверие вещь коварная, обходится дорого. Да мы с тобой горы свернем, ты только присмотришься, освойся и... К нам Глеб идет. Короче, в понедельник часам к одиннадцати я весь к твоим услугам.

– Забито. Спасибо, Юрка, без тебя я бы не узнал, чего мне не хватает, теперь знаю: перемен.

Леденев поставил стул между ними, сел, положив руки обоим на плечи, улыбаясь, протяжно произнес:

– Лешка, не признал я тебя. Из-за бороды! Но тебе идет, импозантности и мужественности придает. Юрку издалека видно: это он, а не кто-то другой...

– Намекаешь, я толстый, поэтому бросаюсь в глаза? – надулся Брасов.

– Колоритный, – подправил Леденев. – Не комплексуй, хорошего человека должно быть много. Ребята, расскажите, как вы, чем занимаетесь?

– О боже, боже! – усмехнулся Лешка. – Одни и те же вопросы при встречах. У нас, Глеб, либо продают что-нибудь, либо служат тем, кто продает. Юрка вон процветает, а я так... серединка на половинку.

– Ты же киносетью заведовал.

– Пф, хватился! Кинотеатры пустили с молотка местные власти, бабки поделили, я организовал собственное дело и успешно прогорел...

– Не по своей вине, – вставил Брасов. – Подставили его...

Не договорив, он состроил недовольную мину: к ним подплыла его жена Зинуля:

– Глеб, столько слышала о вас, мой Юрик все уши прожужжал, я мечтала познакомиться. Меня зовут Зинаида.

– Очень приятно, – привстал Леденев и поцеловал даме руку.

– Вы же физик... – Без приглашения втесавшись в мужскую компанию, она потеснила мужа, сев на его стул. – Скажите, это все враки про нанотехнологии?

Брасов, стоя за ее спиной, закатил глаза к потолку, вызвав смешок у друзей. Юркины мысли легко читались: его жена дура, однако интересующаяся новейшими технологиями!

– Отнюдь, – сказал Леденев.

– А что это такое? – с умным видом спросила она. – Сколько ни читала статей, никак понять не могу. В чем смысл этих нано?

– Зинуля, – склонился к ней муж, – сейчас не совсем удобное время для научных дискуссий. С Глебом у нас будет отдельная встреча, он тебе все разъяснит.

Только она хотела сообщить мужу, что прерывать чужой разговор нехорошо, как ей помешала Тори с бокалом, привлекая всеобщее внимание:

– Господа, минуточку внимания! Хочу сказать тост. (Все зашикали, некоторые поспешили за стол). У всех налито? У меня тост. Роберт, тридцать восемь – это расцвет для мужчины. Есть и знания, и опыт, впереди целая жизнь и масса возможностей. Желаю тебе, чтобы эти возможности не исчерпались, а мы, твоя семья, всегда поддержим тебя, потому что любим. За тебя, дорогой!

– Друзья мои, – подскочил Роберт. – Хочу в ответ сказать, что без своей жены я был бы ничем. Тори самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал, мудрая и добрейшая. Она украшает мою жизнь. Я пью за нее!

Роберт чмокнул жену в щечку, дружно соединились бокалы и рюмки, улыбки засияли на лицах, а Леденев произнес:

– Им можно позавидовать.

– Можно, – согласился Брасов и совсем тихо добавил: – Но не нужно.

Празднование подходило к концу. Леденев устал от приставаний, его ведь тянули в разные стороны, хорошо еще, не все гости оказались знакомыми. Он первым и распрощался, его вышли проводить несколько человек, Тори напонила:

– Ты обещал посвятить один вечер нам.

– Помню. Позвоню.

– Я предлагаю у нас встретиться, – зачастила Зина. – Можно и заночевать, если засидимся, у нас дом огромный...

– Наш тоже не маленький, – заметила Тори.

– А я приглашу официантов и поваров, – рисовалась Зинуля, мол, мы с Юриком настоящие буржуа.

К ресторану почти бесшумно подкатила крутая иномарка. За рулем сидела молодая женщина. Леденев заторопился:

– Дамы, потом решим, где и когда, а сейчас извините. Наташка, выше нос. Пока?

Глядя вслед автомобилю, Роберт присвистнул:

– Видели, какая леди его возит?

– И какая же? – фыркнула Тори.

– Сверхсовершенство.

– Что ты там успел рассмотреть?

– Мордашку с восточной примесью и верхнюю часть. Остальное дорисовать нетрудно.

– Ну, все, все, пошли, – загоняла приятелей Тори. – Там еще торт и кофе с чаем. Жаль, Глеб не попробует...

М-да, уж кто вызвал зависть, так это Леденев.

3

В начале второго ночи Алексей поднялся на лифте, открыл квартиру, кинул ключи на полку. С Наташкой слегка поцапался, она рвалась к нему поехать, а он отказал наотрез, желал побыть один, по крайней мере сегодня и завтра. На прощание сказал ей:

– Не дуйся. Знаешь, нам пора определиться, не бегать друг к другу, а жить вместе. Моя квартира больше, так что за субботу соберись, в воскресенье вещи перевезем ко мне.

– Я не ослышалась? Ты серьезно?

А у самой глазенки заблестели, на щеках появился румянец, она прямо за считанные секунды расцвела и протрезвела.

– Я сказал, а ты думай. – И пошел ловить такси, оставив ее переживать свалившееся счастье.

Он выпил минеральной воды, потом из кухни двинул в комнату, на ходу расстегивая рубашку, включил свет. Засуетился в поисках сигарет и пепельницы, не помня, куда дел, а то и другое – на полке книжного шкафа. Алексей поставил пепельницу на стол, сигарету сунул в рот, достал из кармана брюк зажигалку, только хотел прикурить...

Его взгляд задержался на предмете, лежавшем посередине чистого стола. Вещица страшнее атомной бомбы, потому и приковала глаза. Ее не было, когда он уходил. Алексей не задумался, откуда она взялась, кто ее туда положил. Она, яркая, лежала на темной полировке, и этого было достаточно, чтобы умереть на месте. Он чувствовал, как нестерпимо защемило сердце, словно попало в стальные тиски, или в него воткнулись сотни иголок, но не умер. Шевелились волосы, по коже пробежал холодок, перехватило горло. А он стоял, не двигаясь, стоял мучительно долго, глядя на середину стола. Вещица не исчезала, хотя должна была бы раствориться, и тогда пришло бы понимание: привиделось, почудилось. Стало бы легче? Нет, теперь уже точно нет, даже если б исчезла. Но вещица здесь, и это знак – такой же реальный, как она сама...

Алексей отвел глаза в сторону, прикурил, затем снова бросил взгляд на стол. Не показалось, нет. В сущности, это уже не имеет значения. Он прошел к балкону, отодвинул шторы, распахнул дверь и вышел на воздух.

Сентябрьская ночь дохнула на него влажной прохладой, пахло угасанием. Внизу – апофеоз огней, больших и крошечных, разбросанных

хаотичным узором, бессмысленным и тесным. Вверху – бездонная пропасть, нависшая над хаосом, пугающая своей вечностью. Алексей спокойно курил, глядя перед собой, одновременно видя то и другое, находясь между небом и землей. Докурил до фильтра, окурок полетел вниз...

Понедельник удобен для благих починов потому, что с него начинается новая неделя. Многие как поступают? С первого числа я делаю то-то, или с пятого, или с десятого, а Брасов с понедельников. Он дал себе слово: не пью, не курю и не жру. С утра выпил апельсинового сока, съел салатик. В животе заурчало: хочу мяса, ветчины, котлет, на худой конец колбасы или сосисок штук пять с макаронами, можно хлеба с маслом и сыром, но чтобы масла было толщиной с палец, а сыра граммов двести.

– Шиш, – решительно сказал Брасов своему алчному желудку. – Зинуля, мне кофе без сахара.

Кофе без сахара потрясающая гадость, но он выпит. Это еще что! Со следующего понедельника он еще и зарядку начнет делать, обливаясь холодной водой. Как раз организм отойдет от сигарет, сразу нельзя давать нагрузку на сердце. Брасов с чувством выполненного долга плюхнулся на сиденье авто, водитель крутанул руль. Дышалось легко, обновление он уже чувствовал, так ведь ни единой выкуренной сигареты! И так будет всегда.

Подъезжая к знакомому киоску, Брасов напрягся, его глаза беспокойно забегали в поисках... А девчонки нет! И не должно быть. Настроение заметно взлетело. Ах как чудно начался день!

Лина в приемной, как всегда, в монашеском облачении стучала по клавиатуре компьютера.

– Должен прийти мужчина по фамилии Семеренко, зовут Алексей, немедленно его ко мне в кабинет и не мешать. – Брасов остановился у ее стола, потянуло сказать ей что-нибудь приятное, да комплименты делать он не мастак. – Лина, тебе не хочется одеться во что-нибудь светленькое?

– Это мой стиль. Вам не нравится моя одежда?

Расстроилась. Дура.

– Нет, мне нравится... но... черновато как-то.

– Что бы вы хотели видеть на мне?

А ведь скажи он: хочу видеть на тебе трусы и бюстгальтер, она придет на работу именно так, с нее станется. Осторожней надо быть.

– Я вообще-то... м... просто так... Кофе принеси. Без сахара.

Без сахара – это сигнал, что у шефа очередной закидон насчет здорового образа жизни. Лина кивнула, мол, сделаю хоть кофе, хоть отвар

из трав, удовлетворю все капризы, но взгляните на меня чуточку нежнее. А Брасов не ходок, потому что ленивый, ко всему прочему абы какая баба ему не нужна. Поэтому ухаживать, тайком встречаться, лгать жене и любовнице – лучше лишний часок поспать, телик посмотреть, поесть... Нет! Слово «поесть» вычеркивается из лексикона.

Единственное, чему он отдает себя, – работе. Это и отдых, и увлечение, и развлечение, и отдушина. Приумножать деньги не каждый умеет, для этого талант необходим, а поставить дело – ум. Вот и предался Брасов любимому занятию, да не заметил, как время пролетело, очнулся, когда на сотовый позвонила... Наташка! Она никогда не звонила, даже денег ни разу не занимала, гордячка. С голой задницей, но гордая. Его заинтриговало: чего это она удумала?

– Да, Наташа, – сказал он в трубку.

– Юра... – произнесла она и замолчала, всхлипывая.

– Я слушаю, говори.

– Юра, Лешка... Лешка...

Брасов механически поднял руку – на часах два, Лешка должен был прийти в одиннадцать.

– Что – Лешка? – теряя терпение, рявкнул он в трубку. – Да говори, черт тебя возьми!

– Лешка уме-ер, – завывала Наташка.

– Не понял... э... кто умер?

– Лешка умер. Семеренко...

– В честь чего это умер? – Нет, до него не доходила реальность внезапной смерти. – Наталья, ты не того... Как умер?

– Прыгнул с балкона.

– Что ты несешь, с какого балкона?

– Со своего. На тринадцатом этаже-е-е...

– Погоди, мне нужна ясность. Ты где сейчас?

– В морге. Возле морга. У двери-и-и...

Брасову стало жарко, как в сауне, он сдвинул узел галстука вниз, рука зашарила по столу, не нашла то, что искала, автоматически выдвинула ящик стола, нащупала пачку сигарет.

– В морге, – повторил он, вслушиваясь в слово. – Никуда не уходи, я сейчас приеду. – Брасов тут же позвонил Игорю. – Подай машину, поедем в морг.

Сигарета сама собой очутилась во рту, за ней и рюмка коньяка в руке, с их помощью Брасов пытался постичь невозможное.

Трехдневные попойки основательно подрывают здоровье. В пятницу Роберт отмечал день рождения с друзьями и нужными людьми, в субботу накрыл поляну для своих сотрудников, а родственникам, которые не любят толчеи и шума, отвел воскресенье. На даче отца отметили праздник в спокойной обстановке с шашлыками и без помпезности. Зная, что в понедельник будет отходняк, Роберт предупредил замов: если и явится на работу, то к концу рабочего дня. Проспал он почти до двенадцати, выпил водички, поплелся бродить по дому в поисках кого-нибудь, кто подаст завтрак. В гостиной застал Тори, да-да, именно застал, потому что она куда-то собиралась и наводила последние штрихи на лицо.

– Уходишь? – озадачился Роберт.

– Угу, – дала она краткий ответ, не вдаваясь в подробности.

– А кто мне завтрак подаст? Где Анька?

Анька – домработница, девушка молодая и расторопная, но непривлекательная. Тори ее выбрала с прицелом, чтоб хотя бы дома не залезли в ее постель.

– У Анны выходной. Ты не в состоянии сделать себе бутерброд и сварить кофе? Кстати, разберись, пожалуйста, с подарками. Те, что не нужны, отложи отдельно, отдадим нуждающимся.

– Всегда ты этим занималась. Сегодня у меня...

– Знаю, рыбалка. – Подкрасив губы, Тори захлопнула пудреницу.

– Какая рыбалка? – поднял он плечи, не понимая, на что намекает жена, а она намекнула.

– На которой рыбку удят.

У жены замечательная черта: никогда она не устраивает сцен, не скандалит, не оскорбляет и не грозит, хотя умна и просчитывает мужа, как ЭВМ. Неизвестно, что лучше: скандал с битьем посуды или такие вот намеки, сказанные невинным, доброжелательным тоном, как сейчас.

– Особенно хорошо она ловится на вечерней зорьке, правда, рыбы я ни разу не видела, но не всем же везет поймать. Может, у тебя сегодня футбол, после вы будете отмечать удачу или поражение.

– К чему футбол приплела? – возмутился он, наконец сообразив, что подразумевает Тори под рыбалкой и футболом. – Я не то хотел сказать. Сегодня у меня энергетический баланс на нуле! Я не в состоянии сортировать подарки, варить кофе... у меня голова трещит.

– Треск пройдет, лишь бы голова осталась на месте.

Тори поднялась с дивана, повесила на плечо сумочку.

– Куда ты несешься вся при параде?

– На рыбалку, – улыбнулась Тори. – Или на футбол. Женский. Точно

пока не решила. Приеду... не знаю когда. Ты уж тут сам хозяйничай. До свидания, дорогой.

Чмокнув обалдевшего мужа в щеку, она, играя бедрами, легкой поступью направилась в прихожую.

Конечно, Тори, намекнув Роберту, что и она не прочь сходить налево, торопилась не к любовнику, которого у нее нет. В почтовом ящике обнаружила вторичное извещение на получение то ли заказного письма, то ли бандероли – точно не поняла. Она села в машину и отправилась на почту. Ну а потом проведет время с подругами, чтоб досадить Робу, чтоб он знал: она востребована у мужчин. Иногда полезно встряхнуть идиота, не умеющего ценить добродетельную жену.

Это оказалась бандероль – маленькая, прямоугольная, на вес легонькая. Идя к выходу, Тори нетерпеливо вскрыла почтовую упаковку, кинула в урну. Еще один слой из тонкой бумаги. Полностью распаковала бандероль она уже в машине. То, что ей прислали, вызвало недоумение: в руках Тори держала старую потертую картонную коробочку с надписью «Серебристый ландыш» и грубым рисунком. Были когда-то такие духи, не духи, а кошмар – маслянистые, вонючие, стоившие дорого – шесть рублей. Открыв коробочку, Тори изумленно подняла брови: в картонном углублении лежал цилиндрический пузырек, наполовину заполненный желтоватой жидкостью.

Это что, подарок?! Ей?! Кому взбрело в голову прислать такое дерьмо? Эх, рано выбросила почтовую упаковку, не станет же она теперь рыться в урне, доставать бумагу, чтобы посмотреть, от кого бандероль.

Тори чуть наклонила голову и брезгливо принялась. Да, это духи, те самые – «Серебристый ландыш», давным-давно снятые с производства. Ну, может, их и выпускают, Тори не ходит по дешевым магазинам, не знает, что там продается. Кстати, коробочка старая, пузырек неполный... Значит, духи кто-то хранил с давних времен? Для чего? Чтобы прислать ей в подарок? Она эти духи не выносила. Нелепость.

Стоп, а может, в коробке лежит записка, объясняющая все это? Тори распотрошила ее, тщательно осмотрела, ничего не нашла. А если нечаянно выронила? Но и на полу авто пусто, значит, отправитель не удосужился написать пару слов. Небрежно завернув в бумагу дурацкий подарок, она кинула сверток на заднее сиденье. Не настолько Тори глупа, чтоб не понять: бандероль имеет какое-то значение, но какое?

Уткнув лицо в большую грудь Брасова, Наташа дала волю слезам. Он терпеливо выжидал, когда она наплачется, растерянно похлопывая ее по

спине. Как только рыдания уменьшились, а между всхлипываниями растянулись паузы, Брасов спросил:

– Когда это случилось?

– После дня рождения Роба. Ночью. – Наташа подняла лицо, глаза ее были безумными. – Я узнала только в воскресенье, поехала к нему... соседи... Не стала вам сообщать, думала, ошибка, а сегодня... Я его видела, Юра!

– Успокойся, теперь-то ничего не изменишь...

– Не верю, что Лешка сам... Он не должен был, понимаешь?

– Понимаю. Ты постой здесь, я пойду посмотрю на него.

– Не веришь мне? Это он, наш Лешка.

– Все равно пойду, возможно, что-нибудь выясню.

Брасов позвонил, дверь открыл санитар:

– Вы за трупом?

– Пока только хочу посмотреть на Алексея Семеренко. Я его друг. Можно?

Его пустили без проблем, провели по коридорам, показали. Брасов мужчина довольно крепкий, в смысле – нервная система завидная, а тут непрошенная слеза накатила при виде мертвого лица. Он вспомнил последний разговор с Лешкой до мелочей, планы не только на понедельник, невольно произнес:

– Неужели он сам?

– Сам, сам, – сказал второй мужчина, видимо, патологоанатом. Брасов не спросил, кто он, но почему-то так подумал.

– Вы уверены?

– Полагаете, его сбросили? – усмехнулся мужчина.

– А вы считаете, так не бывает?

– Отчего же? – пожал он плечами. – Бывает. Но когда сбрасывают, применяют силу, человек сопротивляется...

– Понятно, на теле следов насилия нет.

– Нет. И второе: человек кричит, когда падает, если его насильно сбрасывают. Кричит произвольно, это крик о помощи, хотя помочь никто не может. Ваш друг не кричал ни на балконе, то есть не звал на помощь, тем самым привлекая внимание тех, кто не спит или находится во дворе, ни когда летел. Есть свидетели. Молодые люди находились во дворе, когда он падал вниз.

– Может, его напоили снотворным, а потом...

– Не напоили. Алкоголь он перед самоубийством принимал, но, по результатам экспертизы был в приемлемом состоянии, не заметить, как его

выбрасывают, не мог. Больше скажу, в его квартире побывала милиция, дверь он закрыл изнутри, выламывали замок. Не волнуйтесь, законность соблюли. Соседи, они же были понятыми, показали, что жил ваш друг одиноко. Так вот следов присутствия еще кого-нибудь не обнаружено. Вам трудно с этим смириться, но ваш друг прыгнул сам.

Сам! В голове не укладывалось!

Брасов вернулся к Наташе, посадил ее в машину, спросив:

– Куда тебя отвезти?

– Домой. С работы я отпросилась. Юра, поможешь? Лешку надо похоронить, а я никогда этим не занималась.

– Помогу.

4

Елки-палки, чтоб получить тело из морга, нужны соответствующие бумаги, своеобразная накладная на труп! Брасов справился, остальное возложил на Наташку, дав в помощь людей, а деньги у Лешки лежали в бюро. Копил на машину, накопил себе на похороны. Итак, в среду.

Вторник Брасов посвятил работе, несмотря на скверное настроение, когда заниматься ничем не хочется, но его отвлекала только работа. Три склада, магазин стройматериалов и пять салонов электро – и бытовой техники – не хило, он иногда бесцельно носился по объектам, лишь бы устать до одури.

Утро среды началось со скандала с Зинулей. Брасов, собираясь на работу, наказал жене ехать к Лешке домой и помочь Наталье с поминками.

– Я что, кухарка? – взбеленилась Зинуля. – Вы все при деньгах, не могли скинуться и снять кафе?

– Народу будет немного, мы хотим помянуть Лешку в его квартире, поняла? Не смей перечить, один раз постоишь у плиты, не сдохнешь!

– Как ты со мной...

– Молчать, я сказал! Тоже мне барыня!

И дверью – хлоп! Он не любитель показывать характер, считая ссоры пустой тратой времени и здоровья, но в редких случаях, не встречая понимания со стороны Зины, его накрывает. В машине отдышался, Игорь посочувствовал:

– У вас будет трудный день. Мне когда подъехать?

– В половине второго, похороны в три...

Вдруг он почувствовал недостаток кислорода – она, опять она! На том же месте! Мираж... Нет, стоит у киоска на самом краю тротуара! В той же юбке и кофточке, в том же плаще нараспашку, в тех же туфельках, и смотрит! На него смотрит! Черты лица... не может быть!!! Этому надо положить конец, эдак недолго свихнуться.

– Останови машину, – приказал он Игорю.

– Здесь нельзя останавливаться, вон знаки...

– Останови! – гаркнул Брасов.

Игорь немного заехал на тротуар, машина стала, Брасов выскочил, оглянулся. Девчонка скрылась за киоском, направившись в противоположную сторону, он ринулся за ней, одержимый одним

желанием: догнать, посмотреть вблизи, услышать голос, потрогать. Народу полно, но, приподнимаясь на цыпочки, он видел длинный пушистый хвост из светлых волос, перетянутый заколкой, плащ светло-красного цвета, ремешок сумочки на плече. Он бежал, лавируя среди встречных и попутных прохожих.

Вот она близко... Вот осталось метра три... Брасов догнал, взялся за ее плечо и потянул на себя...

Девушка остановилась, повернулась к нему, глядя изумленно, а Брасов, открыв рот, не в состоянии был произнести ни звука.

– Вы меня? – спросила девушка. – Что вам?

Кофточка, юбка, плащ, волосы, рост те же. Девчонка не та! Не та девчонка – как это может быть?!!

– Из... извините, – вымолвил он через силу. – Обознался...

Пожав плечами, она продолжила путь. Глядя ей в спину, он стоял посередине тротуара, покрывшись липким потом, опустив руки вниз и ничего не понимая. У этой абсолютно другое лицо, незнакомое, с остренькими и невыразительными чертами, с веснушками на носу и щеках. Ее он никогда раньше не встречал. Но Брасов поклялся бы на чем угодно и чем угодно: только что у дороги он видел совсем другую девчонку, с лицом, которое он хорошо знает и помнит, отчего подкатывает к горлу неприятно-сладковатый комок и охватывает ужас. Ошибиться не мог, исключено, он в здравом уме. В то же время одежда на конопатой девочке тютелька в тютельку, что была на...

– Мерещится, – проговорил Брасов.

Но почему мерещится? Третий раз? На одном и том же месте? С этим «почему» он вернулся к машине, а там сотрудник ДПС.

– Вот хозяин, он приказал, а я что! – оправдывался Игорь.

– Старший лейтенант... – начал с представления гаишник, Брасов, доставая портмоне, его перебил:

– Пятихатки хватит? (Тот ни тпру, ни ну.) Держи штуку. Извини, старлей, мы торопимся. Игорь, за руль!

Какая уж тут работа! В кабинете он пошарил по шкафам, да все выпито. Выставив пустые бутылки на стол, Брасов позвал Лину, указал:

– Убери. – Когда она собрала в пакеты тару, он положил на стол деньги. – Сгоняй в магазин и купи водки, коньяка, виски, бренди. И сигарет... блок. Бар надо заполнить. Только быстренько, Лина.

– Хорошо, Юрий Артемович.

Пока она бегала, он курил одну сигарету за другой, обхватив голову руками, и вспоминал детали встреч с девочками, особенно с той, которую

он запомнил такой, какой видел всего полчаса назад. Ведь видел ее! А догнал другую!

Управились таким образом, чтоб остаться тесной компанией, в общем, кто праздновал день рождения Роба, тот предался и скорби. Современный человек, замороженный проблемами выживания, испытывает шок, когда приятель уходит из жизни самостоятельно. Очевидно, поэтому после первой поминальной рюмки все долго молчали. Несмотря на голод, практически не ели, мучимые вопросом: что за причины в буквальном смысле толкнули Лешку с тринадцатого этажа?

– В Древнем Риме уход из жизни не считался грехом, – сказал Федя, тоже однокашник. – Напротив, это было преимущество человека перед земными тварями и слабостью остальных людей.

– А я никогда не пойму самоубийц, – категорично заявила Зина. – Ситуация кажется безвыходной, на самом деле...

– Не стоит рассуждать на эту тему, – нервно бросила Наташа, затем опустила мокрые глаза и тихо добавила: – Пожалуйста.

Еще выпили. Обычно люди вспоминают эпизоды из жизни покойного, какой он был, делятся воспоминаниями, а тут все как сговорились не раскрывать рта.

Леденев пришел с подругой, она, конечно, притягивала любопытные и придирчиво-оценивающие взгляды. Ярко-выраженная восточная внешность на любителя. Однако Элла тем и привлекала внимание, что была по-киношному красива. Специфический разрез глаз не мешал. Помимо этого, на ней стояла жирная печать «девушки не отсюда». В чем выражалось «не отсюда», пожалуй, никто толком не объяснил бы. Вероятно, отличие в том, что Элла несуетлива, ненавязчива, молчалива. После длительной паузы Глеб позволил себе упрек:

– Вы жили в одном городе и, как я понял, виделись, неужели Лешка не делился с вами? Вы не заметили в нем перемен? Я полагаю, в человеке должны произойти изменения перед броском, – кивнул он на балкон. – И они, перемены, не в раз случились, а наверняка задолго до этого дня.

– У нас у всех сложности... – начал оправдываться Роб, пряча глаза.

– Не наезжай на нас, – сказал Брасов. – Лично я перемены заметил, последнее время Лешка был как не в себе, заговаривался...

– Последнее время? – перебил Леденев. – Сколько примерно это длилось?

– С месяц, – выручила Брасова Наташа. – Да, он резко изменился примерно месяц назад или чуть больше. Его что-то очень сильно

беспокоило... даже угнетало. Когда я приставала к нему с расспросами, Алеша отмахивался, смеялся и говорил, что я мнительна.

– Честно, Глеб, – приложил ладонь к груди Брасов, – ничто не предвещало такого конца. Я связывал его настроение с неудачами на работе, в пятницу в ресторане предложил перейти ко мне, он согласился, обрадовался, мы договорились встретиться в понедельник... и вдруг на тебе!

– Юра прав, ничто не предвещало, – сказала Наташа. – После дня рождения Роба он предложил мне к нему переехать.

– Значит, причин как таковых не было, но Лешка... – Язык Глеба не повернулся сказать «выбросился», в доме повешенного не говорят о веревке. – Странно.

– Более чем, – утвердительно кивнул Роберт.

И снова пауза, давившая на всех, как бетонная плита, молчание прервала Элла, поднявшись:

– Извините, я выйду покурить.

– Пожалуй, я тоже, – поднялась и Тори. Лучший способ избежать скользких тем, которые мучительны своею загадочностью.

– Открою балкон, – подхватила Наташа. – Там шпингалет заедает, нужно знать, как его повернуть...

– Нет-нет, – замахала руками суеверная Тори. – Туда я не пойду. Мы на площадку.

А вот она подругу Глеба с пристрастием рассматривала, ее страшно интересовало: где Леденев откопал девицу корейско-монгольского происхождения. У Тори заныла старая царапина, раной она не назвала бы первое трепетное чувство к Леденеву, все-таки ее залечило время. Однако быть отвергнутой – штука неприятная даже спустя много лет, наверное, это останется с ней навсегда. Пора было и разговор завязать.

– Глеб надолго приехал?

– Завтра повезем его маму на консультацию в Москву, если диагноз не подтвердится, вернемся сюда.

– Глеб говорил, что ушел в научный бизнес, правда, я не догоняю, что это такое, а ты чем занимаешься? У тебя есть работа?

– Есть. Любить Глеба.

– О! – выразила степень своего изумления Тори. Эллочка откровенна до неприличия, а по ее мнению, любовь к мужчине нужно скрывать не только от него, от посторонних тем более, иначе уронишь достоинство. – Считаешь, любить – это работа?

– Да. Трудная.

– И давно ты... трудишься? – не удержалась Тори от скептических нот.

– Пять лет.

– Ммм! Должно быть, у тебя призвание. Вы женаты? – А ведь Леденев ясно сказал: «Подруга», но в этом вся Тори, куснуть – ее маленькое хобби.

– Глеб привез меня познакомить с родителями.

Достаточно емкий ответ: знакомят с родителями, когда принято решение узаконить отношения, однако Тори дала свою трактовку:

– Значит, нет. Не обидно? Столько лет ты с ним, а он до сих пор не женился? О статусе жены мечтает всякая любящая женщина.

– Я же сказала: любить – работа трудная.

Неразговорчивая девушка Элла, не хочет полностью открыться и удовлетворить нездоровое любопытство. Жаль, не удалось задать еще несколько провокационных вопросов: на площадку вышел Роберт, он пожирал глазами Эллу, не стесняясь жены. К счастью, Тори никогда не испытывала к нему и половины тех чувств, какие когда-то вызывал Леденев, соответственно, и ревностью себя не изводила, только иногда презирала мужа, например, как сейчас.

– Девочки, все собираются на выход, – сообщил он.

– Я за сумкой, – сказала Тори, скрываясь в квартире.

Без жены он позволил себе более откровенно выразить взглядом свои ощущения, надо сказать, похотливые. Глазами Роберт раздел ее полностью, и представил...

– Глебу не понравилось бы, если б он увидел, как вы на меня смотрите, – на одной ноте бесстрастно проговорила Элла.

Разумеется, Роберт знал, что хорош собой. Редкая женщина не покосится в его сторону, но у подружки Глеба в зрачках стоял смертельный холод. Правда, его это не смутило.

– А вам нравится, как я смотрю?

– Нет. И вы не нравитесь.

Она скрылась за дверью, а он покрутил в воздухе растопыренными пальцами: мол, ну и фифа, мнит себя сингапурской принцессой, да не таких обламывали. Конечно, он с большим удовольствием положил бы ее на обе лопатки, и куда делась бы ее неприступность... Жена появилась, развеяв мечты:

– Не сразил Эллочку обаянием?

– Не язви. Поехали домой, я устал.

За ними потянулись остальные, Наташа отозвала Брасова и шепотом попросила:

– Останься, мне нужно поговорить с тобой.

– Зина, подожди меня в машине, – бросил он жене. Однако Наталья не спешила сказать, зачем он ей понадобился, она стояла рядом, опустив голову, Брасов взял ее за плечи. – Наташа, что ты хотела мне сказать?

– Алешка написал завещание.

– Завещание? – выпятил губу он. А ведь это многое объясняет. – Чего это ему вздумалось?.. То есть он предвидел свой конец?

– Думаю, чувствовал. Знаешь, кому он все оставил? Мне. А зачем? Зачем, если его здесь нет и никогда не будет? Без него мне ничего не нужно. – Опять по щекам покатались слезы. – Мы встречались урывками много лет, а мне хотелось видеть его каждый день, и вдруг Лешка говорит, чтоб я переехала к нему. Это была моя самая счастливая минута, но недолгая и обманчивая. Юра, ты понимаешь, что значит его предложение?

– Он предложил тебе стать его женой.

– Нет, не то... Юр, он не собирался умирать, он хотел начать новую жизнь вместе со мной, понимаешь?

Брасов догадался, на что она намекает: на убийство.

– Видишь ли, Наташа, эксперты утверждают, что он сам прыгнул.

– А мне кажется, Лешку убили. Здесь была женщина...

– Наталья... – протянул он, возведя очи к потолку. – Женщине не под силу сбросить мужчину с балкона, Алешку тем более, он же далеко не мелкий был.

– Вот, смотри, что я нашла на этом столе. Милиция не обратила внимания, а зря.

Она раскрыла ладонь, а у Брасова едва не выпрыгнуло сердце. Кровь резко прилила к голове, на время потемнело в глазах. Видел он только браслетик из разноцветных бусин разной величины, больше ничего. Состояние Брасова было похоже на временную смерть, продлившуюся несколько секунд, темнота рассеялась, проступила рука Наташи, браслет... Брасов отдал бы многое, чтоб никогда его не видеть.

– Юра... – мямлила Наташа, кусая губы и не поднимая на него глаз. – Этот браслет... тебе никого... не напоминает?

– Нет.

– Да и мне, в общем-то, нет... Я думала, тебе...

Оба лгали. И прекрасно знали, что лгут. Оба знали, что это за браслет, но сказать вслух не решались – страшно. И взять в руки страшно, однако Брасов подцепил пальцем, перебрал бусины, внезапно, сам того не желая, попросил:

– Отдай его мне.

– Бери.

О, она просто мечтала избавиться от браслета, впрочем, он тоже. Но не выбросил, когда шел к машине, а положил в карман пиджака. Всю дорогу браслетик из бусин, не представляющий никакой ценности, жег карман, будто там лежал раскаленный металл. Брасов, попав домой, тут же снял пиджак и закинул его в шкаф.

5

Утром Роберт торопливо поедал завтрак, Тори, подперев подбородок сцепленными в замок пальцами, насмешливо наблюдала за ним. Он настолько хорошо изучил супругу, что, ни разу не оторвав глаз от тарелки, догадался:

– Ну, говори, говори свою гадость, рвется же с языка.

Тори действительно хотела съязвить насчет его вчерашних алчных взоров, но именно потому, что Роберт раскусил ее, передумала:

– Как тебе Глеб и его...

– Сингапурская принцесса?

– Почему сингапурская? Может, она наша. Из тундры, чукча.

– Это ты со зла, – сказал он, посмотрев на жену тоже насмешливо. – Познакомился Глеб с ней в Сингапуре, она там переводчицей была, и забрал оттуда.

– Странно, все эти дальневосточные народности говорят с чудовищным акцентом, а Элла по-русски шпарит чисто.

– Не люблю, когда ты пользуешься жаргоном, тебе не к лицу. У Эллы папа то ли японец, то ли китаец...

– А чем отличаются японцы от китайцев?

– Не знаю, не пробовал. Так вот, а мама русская.

– Бедные русские женщины, от наших мужичков сбегают аж в Сингапур.

– Смесь кровей дает исключительно качественные плоды, Элла это подтверждает всем своим шикарным обликом.

– Да, одета она шикарно, а что до остального... на большого любителя. Наш Глеб и здесь решил устроить показуху: у меня даже подруга особенная, не такая, как у всех, а китайско-японских кровей. Кстати, кстати... Сейчас модно заводить подругу из Малайзии, Вьетнама, Таиланда. Мальчики вроде тебя выписывают экзотических девочек по каталогам.

– Ты загнула. Я за Глебом не замечал показухи, а выписывать проституток по каталогам он точно не будет. Не тот уровень.

– Уровень у вас, мужиков, один. Поскольку ты большой любитель экзотики, должна тебя предупредить: пролетишь. (Наконец нашла возможность сказать то, что вертелось на языке.) Эллочка на ответственной работе.

– Работает у Глеба? Мне так не показалось.

– Совершенно верно. У нее работа трудная – его любить. Сама так сказала. Теперь понимаешь, почему я упомянула каталоги?

– Ммм! – мечтательно покачал головой Роберт. – Тогда я завидую ему черной завистью. Если б у тебя была работа любить меня... А! – махнул он рукой, вздохнув. – В этом вопросе ты полная бездельница.

– Дорогой Роб, тебя сильно любить нельзя. Можно сыграть в ящик раньше времени из-за твоих рыбалок, футболов, мальчишников, задержек на работе, командировок и... упоительного вранья.

– Я никогда не вру тебе, – завелся он с полуоборота.

– Конечно, милый. Врут твои дружки, работники, знакомые, но не ты. Быстрее доедай, опоздаешь.

– Я опоздать не могу, я директор у себя же.

– Точность – вежливость королей, будь королем хотя бы на работе. Погоди, принесу другой галстук.

– Чем тебе этот не нравится?

– Ты неаккуратно ешь, поставил масляное пятно.

Тори повязала ему галстук, поправила воротничок, убрала с лацкана пиджака волос. Роберт признал про себя, что лучшей жены ему не сыскать, да он и не намерен бросать семью, красавицу Тори, правда, ее тоже нельзя сильно любить – на голову сядет.

Проводив мужа, Тори собрала прессу за последние три дня. Образовалась внушительная стопка. Легла на диван, накрылась пледом. После ужасной смерти Лешки было не до чтения, но пора отогнать от себя жуткие впечатления и отдохнуть, заставить себя читать. Журналы Тори откладывала. Сначала она пересмотрит газеты...

Выпал тонкий и небольшой листок, она подняла его с пола. Опять извещение. Тори села, подумав: «Что на этот раз?» Нехорошо заняло в груди, тревожно, надрывно. Собственно, почему? Кто-то прислал ей прошлый раз дурацкий подарок, может, сегодня выяснится кто. Вскочив, Тори понеслась переодеваться.

– Поворачивай! – зарычал Брасов.

– Куда? – растерялся Игорь.

– Направо! Живо! И остановись за углом.

– И здесь запрещено...

– Тормози, я сказал! – негодовал шеф, а водитель не понимал, чего ему приспичило свернуть и остановиться. – Я выйду, а ты поезжай. Позже сообщу, куда приехать.

Игорь присвистнул – никогда не подумал бы, что шеф умеет так бегать, просто спринтер. Что с ним происходит? Последнее время он какой-то полоумный, непредсказуемый. Игорь поехал искать парковку.

Тем временем Брасов осторожно выглянул из-за угла. Ага, она переходит дорогу! Между прочим, в неполюженном месте. Ну, теперь он будет умней, теперь станет следовать за ней тихонечко, выследит и выяснит, кто она такая. Только бы не упустить из виду.

Как одержимый Брасов переходил проезжую часть, пренебрегая опасностью. Завизжали колеса, кто-то дал по тормозам, авто остановилось в полуметре от Брасова, следом раздалось:

– Куда прешь, мурло? Охренел? Утопись, если жить надоело!

Брасов оставил оскорбления без внимания, главное – цель. Просигналили. Брасову, конечно. Обьедет. А цель уже на другой стороне идет по тротуару и разговаривает по телефону. По телефону! Значит, она настоящая, а не фантом. Разумеется, настоящая, прошлый раз он взял ее за плечо, оно было человеческое. Но повернулась к нему другая девушка! А до этого видел он эту, что сейчас идет вдоль улицы. Опять просигналили.

Все же Брасов перешел дорогу и попытался нагнать девчонку – в том же легком плаще, в тех же туфельках, с длинным хвостом пышных волос. Нет-нет, заговаривать с ней он не будет: боялся, что она снова превратится в другую, тогда он тронется умом. Брасов только посмотрит, куда она идет, потом подумает, что это за явление. А сердце как бухает... Ну, так нагрузка с непривычки бешеная для изнеженного организма, отвыкшего от беготни на своих двоих.

Расстояние между ними сократилось, Брасов теперь перебежал с одного конца тротуара на другой, сталкиваясь с прохожими, стараясь заглянуть ей в лицо. Ему надо было убедиться, что это та девочка, которую он видел десять минут назад на привычном месте у киоска, а не конопатая.

Брасов восторжествовал: она, она! Девочка свернула в переулок, здесь ему пришлось особо осторожничать, потому что народу мало, она могла, нечаянно оглянувшись, увидеть его. То, что девочка встречается не случайно, не вызывало сомнений, но чего она добивается?

Длинная дорога. Брасов задыхался, его мучила жажда, он не рисковал остановиться у торговой точки и купить воды. Не упустить ее – главная задача.

Вошла в элитный многоэтажный дом, оставив открытой дверь с кодовым замком. Он схватился за ручку, чтоб дверь не захлопнулась, не давая себе передышки, вошел. Ее, разумеется, уже не было, но какое везение – в этом доме есть консьержка, редкость в провинции! Сейчас он

все узнает...

– Здравствуйте, – сказал Брасов, опершись о стойку. – Только что в ваш подъезд зашла молодая девушка, вы не скажете, в какой квартире она живет?

– Девушка? – удивилась консьержка. – Какая девушка?

– В светло-красном плаще... старом. Кто она?

– Мужчина, сюда за последний час, кроме вас, никто не входил.

– Понимаю. – Брасов достал портмоне, вытащил пятьсот рублей и положил на стол, это значительная часть ее зарплаты. – Я хочу знать, живет ли она в этом доме, зашла ли к знакомым...

– Уберите деньги, – зашипела честная консьержка. – Без них скажу: никто сюда не заходил, у меня глаза и уши есть, я б увидела и услышала. Сижу на этом месте, чтоб всех замечать.

– Ладно. – И добавил тысячную купюру. – Кто эта девушка? У нее длинные светлые волосы... пепельные... собранные в хвост на затылке...

– Вы глухой? Нет, по-моему, у вас не все дома. Повторяю: никаких плащей с длинными волосами в подъезд не заходило.

– Вы не могли ее не заметить...

– В милицию звоню, – свирепо предупредила она, схватившись за телефон. – Зальют сливу, им и мерещится всякое разное, а я должна подтверждать то, чего не было.

От полторы штуки отказываются идиоты. Или ей нечего ему рассказать, то есть она не видела девчонку. Как не видела? Она же вошла сюда! Невероятно!

– Не надо звонить в милицию, я ухожу. – Брасов поплелся к выходу, но вернулся. – У меня нет плохих намерений, могу показать паспорт, мою фамилию вы встречали в газетах, я бизнесмен. Уважаемая! Мне нужно знать, кто эта девушка.

– Иди, иди. Проспись.

Брасов отошел от дома на достаточное расстояние, чтобы его ни консьержка, ни девчонка не увидели, а он видел подъезд. Позвонил.

– Игорь, ко мне. Я нахожусь...

Назвав адрес, он устало облокотился спиной о ствол дерева и не спускал глаз с подъезда дома, куда вошла девочка, боясь лишней раз моргнуть и нечаянно пропустить ее. Брасов уже не был уверен в своем здравом рассудке, потому что той девочки не должно быть. Но она есть, такая же живая, как была когда-то, из реальной плоти. Сходство потрясающее, но один раз Брасов ошибся. Или она – воплощение его воображения? Если воплощение осязимо, то на самом деле существует,

по-другому не бывает. В таком случае, почему консьержка не видела ее? Кто эта девчонка, что преследует, появляясь на дороге, когда он едет на работу, зачем въедается в него глазами? Почему на ней та же одежда? Хаос, сплошной хаос в голове.

На коленях Тори лежала коробка из-под конфет с надписью «Ассорти». Судя по весу, конфет в ней не должно было быть, казалось, там вообще ничего нет, настолько она легкая. Но ее прислали бандеролью, значит, что-то там есть. На этот раз Тори, освободив от почтовой бумаги посылку, положила обертку на сиденье рядом, отметив, что адрес отправителя есть. Позже она внимательно его изучит. Она не решалась открыть коробку, страшась, что оттуда, как из ящика Пандоры, вывалятся несчастья, от которых потом не отбиться. Однако магия притяжения сильнее разума, подсказывающего: не глядя, выбрось в первый попавшийся мусорный бак.

Во-первых, мусорную урну благополучно миновала, во-вторых, как же не посмотреть?

Тори взялась пальцами за боковые части коробки и чуточку приподняла крышку, отделившись свободно. Оттуда не вылетели с шипением и свистом адские тени, не заполнили автомобиль и не стали терзать Тори, хотя удушливый комок необъяснимого страха сжимал горло.

– Да что это я? – хохотнула Тори, поднимая крышку...

И сразу накрыла коробку, чтобы не видеть содержимое, от которого стало дурно. Не напрасно екало внутри от плохих предчувствий. Ей прислали большой привет из далекого прошлого. Тори достала сигарету, подумав, смяла ее и выкинула в окно, схватила обертку, лихорадочно расправила и вчиталась в обратный адрес. Руки начали мелко дрожать.

– Этого не может быть, – проговорила она панически. – Господи, столько лет прошло, почему сейчас? Что это?

Злая шутка, злая... Впрочем, такие вещи шутками не бывают, кто-то дает ей понять, что все знает, и духи «Серебристый ландыш», присланные раньше, теперь не являлись идиотской загадкой, а соединились с коробкой. Что за этим последует – шантаж, вымогательство, запугивание? Что? Но обратный адрес стоит на почтовой обертке, там же имя с фамилией...

Тори отложила обертку вместе с коробкой, завела мотор и сорвала авто с места. В таком состоянии находиться за рулем опасно, но она об этом не думала, вернее, думала о другой опасности – лежавшей в коробке с надписью «Ассорти». Тори механически обгоняла попутные машины, видя перед собой только цель. На ее счастье гаишники не встретились, она не остановилась бы даже по их велению, не задумавшись о последствиях.

Свежая могила, заваленная венками и живыми цветами, успевшими за ночь завянуть, вызвала в Наталье новый приток слез. А присесть негде, вокруг пустыня с холмами или без них, неподалеку могильщики копали ямы. Наташа одна приехала на кладбище, как положено по обряду, остальным некогда – работа, заботы, нежелание лишний раз беречь себя, а то и просто лень. Но у нее оборвалось главное: смысл, который невозможен без надежд, планов, желаний, потому, не находя себе места, не зная, как жить дальше, она оказалась здесь. Вместе с Лешкой похоронили и Наталью, во всяком случае, ее душа там, с ним лежит, а здесь только оболочка, не нужная даже ей.

– Почему ты это сделал?

Если б она настояла и после кабака поехала к нему, ничего не случилось бы. Но Наталья не осмелилась тараном вторгнуться в его пространство, деликатность не позволила, тем более что Лешка позвал ее к себе навсегда.

– Ну почему?! – взревела Наташа, схватившись за перекладину креста: устоять без опоры она не могла. Могильщики даже не взглянули в ее сторону, тут и не такое увидишь, их лопаты как врезались в плотную землю, так и продолжили без пауз. – Ты специально, да? Специально меня обнадежил и отправил домой, чтоб умереть?

Она наклонила голову к перекладине, ибо и голове в прямом смысле нужна поддержка. Рука Натальи скользнула по дереву, пальцы задели что-то. Маленький и легкий предмет упал на землю. Наталья глянула вниз – не рассмотрела, что упало в ворох цветов, наклонилась, пошарила рукой и достала...

У нее расширились глаза, потому что она подняла тот самый браслет из бусинок, который вчера отдала Брасову. Юрка знает, что это за браслет, наверное, захотел от него избавиться, как избавилась она, и вернул Лешке. Но беспокойство не проходило, беспокойство трепыхалось в груди, как второе сердце. Наталья достала телефон:

– Юра, ты сегодня был у Алеши?

– На могиле? Нет.

– Значит, это не ты положил... – Она замолчала, не зная, стоит ли говорить о находке, которая его не обрадует.

– Что положил? Наташа, ты меня слышишь?

– Да так, ерунда. – Она решила пощадить его. – Извини.

Сунув в карман жакета браслет, Наталья постояла с минуту, потом побрела к остановке маршруток, бормоча вслух:

– Он не сам... Нет-нет, не сам... Я знаю... чувствую...

Навстречу шла пожилая худая женщина в черной одежде, ее седую голову покрывал легкий черный шарф, обмотанный вокруг шеи. Концы его спускались по груди до пояса. Она шла прямо на Наталью, глядя ей в лицо, как будто собиралась что-то сказать. Сейчас полно людей, испытывающих дефицит общения, стоит им только слово бросить или хотя бы приветливо посмотреть – все, будет повод вывалить на тебя свои горести. А у тебя не будет возможности сказать, мол, я тороплюсь. Не уйдешь. Наталья сегодня не способна вникать в чужую боль, ведь старуха явно потеряла кого-то из близких, судя по траурной одежде. Наташа ускорила шаг и поспешила пройти мимо, заметив краем глаза, как жутко иссечено морщинами лицо прохожей – будто мятая фольга. А густые волосы полностью седые, белые, словно первый снег на темной земле.

6

Вот она – цель. Тори въехала в старый двор, знакомый ей каждым закоулком, окруженный трехэтажными постройками, выкрашенными в желтый цвет. Точнее, можно лишь догадываться, что когда-то цвет был желтым: штукатурка облупилась, как маникюр на неухоженных ногтях, выставив напоказ грубую кирпичную кладку. Здесь ничего не изменилось, разве что двор обнищал, ну и деревья стали большими, заслонили кронами небо. Это место Тори обходила десятой дорогой, но хорошо помнила подъезд, расположенный в углу, поэтому сразу остановила на нем взгляд, будто на входе в преисподнюю. Чутье подсказывало, что ответа она не получит, но кто откажется использовать единственную возможность? Ведь другой ниточки нет.

Прихватив коробку с почтовой оберткой, она вышла из машины. Перед обшарпанной дверью с глубокими трещинами, годившейся лишь для растопки костра, застряла. Много лет не переступала она порог этого дома, не переступала б и всю оставшуюся жизнь, да кто-то толкает ее сюда, написав этот адрес и подписавшись несуществующим именем. То есть имя существовало, но давно, потом оно ушло вместе с той, кому принадлежало.

Тори набралась решимости и вошла в свое прошлое. Здесь так же темно, те же деревянные и скрипучие ступеньки, так же разит нищетой, только дверь квартиры не напоминает прежнюю, которая открывалась перед Тори не раз. Сейчас на пороге стояла, выглянув из-за цепочки, пожилая женщина лет шестидесяти с большим довеском.

– Вам кого?

– Здравствуйте. Я получила бандероль, письма в ней не было, видимо, забыли вложить, но адрес... адрес ваш... Вот, посмотрите, мне прислали эту коробку, и... – Тори неуклюжа, руки всего две, а у нее сумка, коробка, бумага, ключи от машины. Она расправила почтовую обертку и показала старухе, чтобы та видела адрес. – Вот, видите? Здесь улица, номер дома, квартира...

– Я не слала бандеролей.

– Не сомневаюсь. Но может быть, ее прислал кто-нибудь, кто живет с вами?

– Я живу одна.

– Э... совсем одна? Вот, посмотрите, здесь написана фамилия, вы ее

должны знать.

Для многих пожилых людей очки – неотъемлемая часть лица, особенно дома они держат при себе «глаза», которые могут понадобиться в любую минуту. Женщина откуда-то выудила очки, нацепила на нос и читала, шевеля губами, потом взглянула на Тори и недоуменно сказала:

– Такая здесь не живет и никогда не жила.

В том-то и дело, что жила, но как объяснить это бабке, да и нужно ли? Логика подсказала способ продолжить разговор:

– А вы давно живете в этой квартире?

– Уж лет шесть. Сынок купил мне квартиру, раньше я в своем доме жила, но без мужика за домом следить большая морока, все развалилось. А тут тебе удобства, площадь маленькая.

– Значит, сын... Как мне его найти?

– Не найдешь, он далеко, в Магадане живет.

– Тогда скажите, пожалуйста, у кого он купил квартиру?

Двадцать лет назад здесь жили другие люди, Тори надеялась восстановить цепочку из жильцов и, может быть, что-то понять.

– Не знаю. – Заметив, как расстроилась приличная молодая женщина, бабка обнадежила: – Я по коммунальным платежкам погляжу, мне долго приходили бумажки на имя бывшего хозяина, а это ж не дело. Побегать пришлось, чтоб на меня присылали, все храню.

– Когда вы посмотрите?

– Через денек приходи, покажу. Их же отыскать надо.

– Спасибо. Только вы не забудьте...

– Не-не, не забуду. Вижу, надо тебе.

– Очень надо, очень. До свидания.

Тори поспешила в машину, ехала... на автопилоте, не задумываясь, куда и зачем.

– Наташка? – Глеб укладывал чемоданы и сумки в багажное отделение, слегка удивился ее появлению, вроде бы не договаривались, что она придет проводить. – Что-нибудь случилось?

– Нет-нет, все нормально.

Он достал пачку сигарет, протянул ей, щелкнул зажигалкой и поднес огонек, закурил сам, заметив:

– Но у тебя глаза заплаканные.

Наталья вынула из кармана солнцезащитные очки, надела их и жалко улыбнулась:

– Так лучше?

– Что тебя привело ко мне?

– Ноги. Просто не знаю, куда себя деть.

– Пройдет. Человек свыкается с обстоятельствами, свыкнешься и ты. – Не то сказал, не так. – М-да, утешитель из меня никудышный, извини.

– Да нет, все правильно, свыкнусь, пройдет время. Понимаешь, Глеб, Лешка не сам прыгнул, я это знаю.

– Знаешь? – Уголки губ поползли вниз, он озадачился. – То есть хочешь сказать, тебе известны факты, неизвестные остальным?

– Наверное.

– Наташа, так не бывает. «Наверное» – это предположение, построение догадок, а «знаю» – это конкретность. Если ты действительно владеешь информацией, то обязана ее раскрыть.

К счастью, он не видел ее глаз, иначе прочел бы огромное желание поделиться, а также не меньшую уверенность, что этого не нужно делать. Наталья приехала к нему, подчинившись внезапному порыву открыться Глебу, повиниться хотя бы перед ним, без этого невозможно показать браслет и сказать, чем она обеспокоена. Однако сейчас, стоя напротив него, она не открывала рот от стыда, малодушия, которое проявила давно и которое подавило ее сейчас. Можно было бы забыть, Наталья и забыла, да вдруг пришло напоминание. И с Лешкой, она полагала, произошло нечто страшное, непонятное, как-то связанное с этим браслетом, но как – неизвестно. Она надеялась, что Глеб проявит участие и поможет разобраться. Надеялась до того, как пришла сюда.

Очевидно, он почувствовал, что ее раздирают противоречия, потому задал наводящий вопрос:

– Ты боишься? Кого?

– Себя, – выкрутилась Наталья, а может, вырвалась правда.

Вовремя из подъезда появились мать Глеба и Элла, а то стоило ему чуточку надавить, понесло бы Наташку на духовный стриптиз. Зачем возвращать его в неприятные моменты перед длинной дорогой? А она-то сама чего так взволновалась? Из-за ерунды, лежащей в кармане? Какая разница, как браслет попал на перекладину креста? Глупости все это, просто совесть нечиста, и как ни заталкивай ее на дно души, она имеет подлую привычку вылезать в неподходящую минуту.

Тем временем Глеб помог матери устроиться на заднем сиденье, Элла, поздоровавшись, села за руль. Он снова подошел к Наталье, провел ладонью по волосам, не решаясь сказать: извини, мне сейчас не до тебя.

– Недолго ты погостил у нас, – вздохнула Наталья.

– Неделю.

– А почему отец вас не провожает?

– Так он на работе. Их поколение без работы существования не мыслит. Слушай, я скоро вернусь, в любом случае маму привезу, тогда и поговорим не на бегу, а нормально, не торопясь, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Наталья.

– Да, тебе же нужны деньги, – достал он бумажник. – Я на девять дней никак не успею...

– Нет-нет. – Наталья, отказываясь, положила ладонь на бумажник. – У Алеши я нашла достаточно, на все хватит, спасибо.

– Ну, как знаешь. Возьми визитку, в случае чего – звони. До встречи?

– Угу.

Автомобиль сделал полукруг, разворачиваясь, и заскользил со двора, а Наталья присела на скамейку у подъезда, торопиться ей некуда.

А Тори, съехав с проселочной дороги в сторону, заглушила мотор, с изумлением огляделась. Вон куда ее принесло... С одной стороны дикие деревья и кустарники, с другой тоже, короче, лесочек. Лес – это когда бескрайнее пространство, в котором легко заблудиться и не найти дороги назад. А здесь не заблудишься, куда ни пойдешь – выйдешь то к дачному поселку, то к трассе, то к деревне, то к протоке, где есть натоптанные тропинки.

Не хотела Тори сюда попасть, а попала. Кто двигал ее руками, когда она держала руль? Явно черт. Он же ее рукой открыл дверцу, подтолкнул выйти из авто, Тори снова огляделась. Никого. Тишину нарушали нестройные голоса птиц, унылые, как похоронная музыка. Все без изменений, а не была Тори здесь давно, природа стареет медленней, чем люди.

Она пошла к оврагу, словно на некий зов, погружаясь острыми каблуками в рыхлую землю. Точного места не знала, но шла в полной уверенности, что найдет. Поверху вдоль оврага заросли плотные, Тори ступала осторожно, чтоб ненароком не свернуть шею, из предосторожности держалась за стволы. Спустившись по склону и увидев протоку, Тори опустилась прямо на выжженную траву, закурила.

Гладь воды зеркальная, сюда даже ветер редко забегает, а иногда над поверхностью выпрыгивала рыбешка, затем от нее шли идеально ровные круги. Нехорошо на душе, тускло.

– Господи, зачем я здесь?

Тори отбросила сигарету, кинув последний взгляд на расплывчатую, вдававшуюся в берег кромку воды, и вдруг заметила белое пятно на дне

оврага и близко к воде. Она вскочила и, не понимая, что это такое, диссонирующее с остальными красками. Оттого, желая рассмотреть ближе, спустилась вниз.

Это был букет белых гвоздик. Цветы живые, их положили недавно... Положил тот, кто прислал бандероли. Тори кинулась назад, взбиралась по склону, скользя и падая, вымазалась в грязи. Потом она бежала, проваливаясь в ямки, удивительно, как не переломала ноги.

Обессиленно рухнула на водительское сиденье, замерла. И что теперь? Только ждать. А пока – домой, там спокойно продумать варианты защиты. Да, в этих подарках кроется нечто зловещее, похожее на предупреждение, но то, что бандероли не чья-то гнусная шутка, Тори уверена.

Наступила ночь. В салоне машины, без света Игорь дремал, слушая под тихие звуки музыки, как шеф лает с женой по телефону:

– Я сказал, задерживаюсь! Что еще не ясно?

– Что за работа в десять часов ночи? – тявкала озлобленная Зинуля. – Юрка, не лги! Где околачиваешься, с кем? Пример берешь с дружка своего?

– Какого дружка?

– Как будто не знаешь, какого! Роба! Он любит «задерживаться» у любовниц, ты туда же? Со своим давлением и тахикардией? Не помрешь на бабе?

Водитель ухмыльнулся. Глупая женщина. Зря наезжает на шефа, уж Игорю доподлинно известно, что баб у Юрия Артемовича не водится.

– Дура! – И Брасов выключил телефон, чтоб не звонила.

Вообще-то, он мирный, ругаться не любит, не любит дискомфорта ни в каком виде. Брасов взял из пакета бутерброды, за которыми бегал Игорь – сам-то не мог оставить пост наблюдения, – и ел, запивая водой. А девчонка не выходила! Живет в том доме, что ли? Тогда с консьержкой у нее сговор. Но отказаться от денег – неслыханное дело, нет, на такой подвиг не способна ни одна пенсионерка, подрабатывающая дежурством в подъездах состоятельных людей. Стоп! Дом элитный, девочка одета плохо, старомодно...

– Игорь, – осенило Брасова. – Сгоняй вокруг дома, посмотри, есть ли там запасной выход.

Парень нехотя отправился. Шеф доел бутерброды, смял бумагу и выкинул в окно – наверняка здесь метут по утрам дворники, уберут. М-да, одетая бедненько девчонка не может проживать в элитном доме, исключено, нереально, как банкир в трамвае.

– Запасных выходов нет, – сообщил Игорь, падая на сиденье. – Юрий Артемович, мы долго здесь будем стоять?

– Всю ночь. Так, не возражай, каждый твой час оплачу в двойном размере. Спим по очереди и по два часа. Если увидишь, что из того дома выходит женщина, сразу буди меня. Спи первый.

Вопросов у водителя вертелось на языке достаточное количество, чтобы разозлить шефа до белого каления, но Игорь знал свое место, потому ограничился протяжным вздохом и поудобней устроился, чтоб вздремнуть.

Брасов сверлил глазами темноту, точнее, подъезд, спрятавшийся в полумраке, но и другие подъезды, если оттуда выходили люди, мигом брал во внимание. Она там и когда-то выйдет, а он ее...

Завершающий поцелуй, длившийся нескончаемо долго, Роберт прервал, потому что настала пора посмотреть на часы. Эту деталь, часы, он не снимал никогда. У женщин есть побрякушки – сережки, колечки, цепочки, у мужчины – безжалостное и неуловимое время, подчиняющееся своим жестким правилам. Время, которое должно быть всегда с ним, ибо это контроль, о нем нельзя забывать. Еще лобызая Нелли, он протянул руку к выключателю бра, включил свет и поднес запястье к глазам.

– Одиннадцать, ё!.. – подлетел с постели Роберт, забыв, что секунду назад находился во власти упоительной неги.

Он лихорадочно натягивал одежду, но поспешность обычно ведет к рассеянности: не находятся то носки, то трусы, а потом оказывается, они рядом. Нелли повернулась на бок, подперла рукой голову и с тоской, означавшей, что она удручена, произнесла:

– Опять несешься? Тебе плохо со мной?

– Хорошо, – застегивая «молнию» на брюках, бросил он. – С тобой замечательно, но пора домой. Я и так задержался сверх нормы.

Нелли упала спиной на подушки, окончательно расстроившись, и пробубнила на одной ноте:

– Норма... домой... Со мной ты всегда в рамках нормы, по регламенту, в строго отведенное время. Стремись домой, как будто нельзя подольше остаться, все равно же будешь ей врать.

– К тебе я стремлюсь больше, – и закрутился на одном месте, как юла. – Где мой галстук?

Она закинула руку назад, сняла галстук со спинки кровати, протянула:

– Вот он. Наступит когда-нибудь такой день, когда тебе не надо будет бежать домой?

– Наступит. Скоро я поеду в командировку, то есть Тори скажу, что еду в командировку, а мы с тобой махнем дня на три в дом отдыха.

– А мне хочется, чтоб «командировка» продлилась годы.

Затянув узел галстука, поправив воротничок, Роберт присел на кровать, обнял Нелли, вздохнув:

– Я бы с радостью стал мусульманином, у них там многоженство разрешено, и взял бы тебя второй женой, но моя первая не согласится.

– А я тоже хочу быть первой. И единственной.

– Лапуль, ты же знаешь, что это невозможно.

– Почему?

– Не могу я бросить Тори и детей.

– И на том спасибо, что хотя бы честно признаешься, а не кормишь пустыми обещаниями. Ладно, иди домой.

Но как уйти без прощального поцелуя – жаркого, страстного, достающего до самого дна? А как трудно оторваться от губ и тела Нелли, от навязчивого желания раздеться и залечь с ней на всю ночь, снова получить кайф, который не получает ни один наркоман, – заоблачный. Однако часы не имеют совести, тикают, сволочи!

– Не скучай без меня, – сказал он нежно.

– Буду. Ну, иди, иди.

Роберт спускался по лестнице не в безумной спешке – ноги не шли. Спускался и размышлял над своим тяжелым бытием. Чего ему не хватает? Огненного жара, чтоб мозги отключались. Тори во всех смыслах образцовая жена, но в постели холодная и вялая, как медуза. Тем не менее без нее Роберт не может обходиться. Тори неоценимый советчик, ее ум всегда найдет выход из тупикового положения и подскажет, каким образом разыграть шахматную партию, выгодную для него. Фактически она сделала его успешным, да что там – продолжает делать, без нее он закиснет, не будет могучей, непотопляемой личностью, только для мужчины этого маловато, не хватает чуть-чуть. Нелли не построит интригу, в результате которой он получит дивиденды, не обработает того-другого нужного человека, заставив его лить воду на мельницу Роберта, но она умеет принадлежать. Когда он с ней, возникает ощущение, будто оба улетают к звездам в безвоздушное пространство. Роберт менял женщин, долго его связи не длились, а с Нелли он уже год, лучшей у него не было, да и не нужна ему другая, что подтверждается теми самыми недолгими связями, после которых он спешит к любимым женщинам. Ну, увлекающийся он – что тут поделать? А любит Нелли и жену, обе нужны ему, обе дороги – как быть? Однако Нелка не хочет с ним расставаться,

всеми силами задерживает его у себя и заговаривает о статусе жены. Пора срочно везти ее на отдых, там снова обработать. После поездок по крайней мере пару месяцев она не ноеет.

Сев в автомобиль, Роберт закурил, чтоб забить аромат духов подружки и, набирая номер на мобиле, в сердцах выговорил:

– Господи, почему я не родился мусульманином? Алло, Вадик? Это я, Роб. Слушай, прикрой меня, если вдруг чего... Мы сегодня пульку расписывали, ага?.. Э, разбежались в начале двенадцатого... Спасибо, я знаю, на тебя можно положиться. – И завел мотор.

7

Она поставила лампу на край тумбочки, чтоб локальный свет точно падал на коробку, и весь вечер перебирала «хозяйство», полулежа на кровати, подложив под спину подушки. Тори казалось, что надпись «Ассорти» тоже несет скрытый смысл, но, блуждая в предположениях, так и не определилась ни с одной версией, установила крышку вертикально, время от времени фокусировала на ней взгляд.

А в коробке лежали нарисованные куколки наподобие Барби: с талиями и женской грудью, в отдельных купальниках, аккуратно вырезанные и наклеенные на тонкий картон для прочности, затем снова вырезанные ножницами. Всего пять. Эту блондинку рисовала сама Тори, правда, у нее неважно получилось, смешно: лицо кривое, один глаз ниже, второй выше, да и фигура не удалась. Остальные четыре нарисовала Женька, она была мастер, мечтала податься в модельеры и уделяла творчеству все свободное время. К каждой куклке прилагались комплекты одежды, выполненные в определенной цветовой гамме. Для брюнетки одни цвета и стиль, для рыжеволосой другие и так далее. Все вырезалось, одевалось при помощи бумажных зажимов, создавались коллекции по временам года, устраивались дефиле.

Девочки учились в десятом классе и были достаточно взрослыми, чтобы иметь интересы, соответствующие возрасту, они, как говорится, созрели для отношений с мальчиками, а игрались в кутюрье. Но это сейчас школьницы покупают в аптеке противозачаточные средства и тесты на беременность, в те далекие годы сексуальная революция делала только первые шаги, стало быть, целомудрие считалось неотъемлемым качеством всякой порядочной девушки. Впрочем, с мальчиками обе дружили, но именно дружили, ну, неумело целовались, не более.

Родители Женьки не имели возможности одевать ее с толкучки в импортные шмотки, стоившие баснословные деньги, она многое умела сделать своими руками. Шила, вязала, вышивала, переделывала старую одежду, которую ей отдавали для экспериментов, в неузнаваемую и эксклюзивную, конечно, для того времени. Например, мама Тори отдала Женьке кучу шерстяных свитеров, вполне сносных, та их распустила, скомпоновала пряжу и связала пальто, с изнанки и без подкладки смотреть страшно – одни узелки, зато лицевая сторона – оригинально. Да, Женька

одевалась не хуже модниц, ее вкусу можно было позавидовать, от нее Тори много почерпнула, поэтому и дружила с ней. Хотя не только поэтому. Женька была другая – увлеченная, одухотворенная, мечтательная, хотелось ее понять...

– Ты не спишь?

Тори подняла голову. А, это муж. Снял пиджак, расстегивал рубашку.

– А который час? – поинтересовалась она, беспорядочно забрасывая вырезки в коробку.

– Двенадцать. Без пяти. С Вадиком пульку расписывали, увлеклись... накурились... Устал чертовски.

– Никто не сомневается.

– В чем? – насторожился Роберт, приготовившись к защите, следовательно, нападению.

– В твоей усталости.

А придаться не к чему, Тори говорила вяло и безотносительно, будто ее мысли заняты не мужем, а чем-то посторонним. Да и лицо у нее какое-то странное.

– Ты не заболела? – осведомился он.

Вот тут Тори среагировала, как на красный сигнал светофора, округлив глаза: Роб не имеет привычки заботиться о других, будь то родственники, друзья, дети. Нет, он не отрицательный типаж, в нем много положительных качеств, например, не тиран, не скряга, просто воспитание получил однобокое, привык к обожанию. А привычки вредны, во-первых, не всем они нравятся, во-вторых, отвыкать тяжело. Тори играла в игру: тебе хочется обожания – получай, попытки Роберта обнаглеть она умела пресечь, в общем, тоже создала в семье свое неприкосновенное пространство. Но последнее время ей поднадоело играть, то ли устала, то ли обленилась, то ли окончательно разлюбила. Короче, кризис.

– Абсолютно здорова, – сказала она.

Тори поднялась, сорвала с кровати покрывало, бросила его в кресло, а она аккуратная, скомкать и кинуть вещь не в ее характере. Жена переделалась в ночную сорочку, молча улеглась. Без сомнения, с ней что-то не так.

– Ты расстроена, – озаботился Роберт. – Если из-за меня, то извини, я же азартный игрок, не заметил, как время...

– Я знаю. Ложись спать. Или будешь ужинать?

– Нет, я не голоден. – Роберт набросил халат и вспомнил, что надо бы смыть с себя грех. – Душ приму...

Тори повернулась на бок, подложила под щеку сложенные ладони,

зажмурилась, но вырезанные из бумаги платья, костюмы, юбочки и блузки замелькали перед глазами, как в калейдоскопе. В ушах звучал комментарий Женьки:

– *Весенняя коллекция выполнена в пастельных тонах, доминантный цвет – стальной и все оттенки розового.*

– *Серый и розовый?* – рассмеялась Тори. – *По-моему, жуткое сочетание.*

– *Стальной – не серый, – поправила Женька. – Это благородный цвет, спокойный и светлый, не люблю мрачность, к тому же он будет гармонировать с пасмурной погодой, весной часты дожди. А развеселит его розовая деталь, хочется яркости и нестандартности.*

– *Чересчур необычно, я в такие цвета не оденусь...*

Тори встала, накапала валерьянки, выпила и снова улеглась, приняв ту же позу и надеясь, что в скором времени забудется крепким сном без сновидений. Войдя в спальню, Роберт учуял запах валерьянки, которую нередко подавала ему жена, сама она как будто не пила микстуры, у нее стальная нервная система в отличие от него. Но это же ему приходится изворачиваться и дома, и на работе, и вообще – какие тут будут нервы? Истонченные. Роберт просчитал ее состояние однозначно: довел. Придется доказывать верность на деле, а ведь без дураков устал, не рассчитывал на двойную порцию постельной работы. Он забрался под одеяло, прижался к спинке родной жены, тронув ее за плечо. Тори не повернулась к нему лицом, тогда Роберт потерся носом о затылок жены, нежно бормоча:

– Ну, прости, прости. Не подумал, что из-за моих азартных игр ты станешь пить валерьянку. Я же с Вадиком и его друзьями... в тесной мужской компании...

Уж чего ей сейчас не надо, так это секса, к тому же Роб наверняка врет, заранее обеспечив себе алиби. Тори похлопала его по руке, сжимающей с намеком ее плечико, сказав:

– Угомонись, я часто пью валерьянку, чтоб заснуть быстрее или от головной боли, мне помогает. Сегодня то и другое вместе. Спи.

А ему только того и надо, завтра он выжмет из себя максимум, но не в данную минуту, ибо уже выжат. Роберт чмокнул жену в плечико, перевернулся на спину, слегка пожурив ее:

– Ты излишне эмоциональна, нельзя так затрачиваться.

– О чем ты?

– Это смерть Лешки на тебя подействовала. (Утром он не сказал бы, что

она затратила эмоции, Тори была обычной, но Роберт всегда ищет причины плохого настроения жены не в себе, а вокруг.) Видишь ли, он сделал выбор, значит, ему он показался оптимальным, а нам остается только принять.

– Цинично. Но ты прав, нам не остается ничего другого. Спи.

– Спокойно ночи.

Несмотря на валерьянку, Тори заснула не скоро. Ее терзал вопрос: «Что за знаки я получила? Почему мне их прислали? Почему не Робу? Он бы мне сказал, значит, не получал, а по идее должны ему...»

Сначала неудавшаяся попытка вытянуть ноги отозвалась покалыванием и подергиванием в мышцах, потом в сознание врзался храп, Игорь приподнял веки. Мать честная, он же в автомобиле с шефом, да еще вздумал заснуть, когда должен бодрствовать! Игорь резко сел, но чуть не застонал от боли – тело жутко занемело. Переждав, он приоткрыл дверцу, шагнул на землю, захватив бутылку минеральной воды.

Утро далеко не раннее и прохладное, на траве еще поблескивала роса, хотя солнце поднялось высоко. Игорь умылся около авто, встряхнулся, посмотрел на часы и залез назад уже бодреньким, чувствуя зверский голод. Достав с заднего сиденья пакет с едой, он принялся жадно поедать остатки ужина.

Шеф спал, свесив голову набок, его губы смешно вибрировали от выдыхаемого воздуха, руки беспомощно повисли вдоль тела. Недруги Брасова многое дали бы, чтоб сейчас очутиться на месте водителя и придушить шефа – ни тебе свидетелей, ни тебе сопротивления, бери голыми руками. Случалось, и у Игоря появлялось жгучее желание выпрыгнуть из автомобиля на полном ходу, предоставив Юрия Артемовича изменчивой злодейке судьбе. Но мечтать не вредно, а работу с приличным заработком найти нелегко, посему остается терпеть перепады настроения Брасова. О, шеф пошевелился, отрыл глаза.

– Что, уже рассвело? – меняя положение, спросил Брасов. – Нет, день наступил. Почему не разбудил?

– Да вы так сладко спали, пожалел. – Разумеется, о том, что сам проспал все на свете, Игорь ни слова не скажет. – Не переживайте, из дома выходили одни мужчины. А вон как раз женщина идет.

– Где? – подался шеф к лобовому стеклу, но сразу же упал спиной на сиденье. – Не та. Который час?

– Девятый. Вы бы хоть сказали, как выглядит дама, которую мы поджидаем...

– Нормально выглядит, как все.

Стало быть, у шефа все женщины на одно лицо. Интересно, что это за лицо, случайно не жены ли? Так вечером она скандалила по телефону, значит, Брасов караулит со вчерашнего утра не Зинулю. Игорь пребывал в полнейшем недоумении. Была бы у шефа зазноба, кто, как не водитель, знал бы об этом? Но порочных связей за ним не числится, с другой стороны Брасов не дурак, чтобы выставлять свои похождения, с третьей – Игоря частная жизнь шефа не должна касаться, на этом можно поставить точку.

В то же время Брасов рассуждал про себя, что для молоденькой девчонки нетипично сидеть взаперти целый день, весь вечер и все утро. Разве она не учится в школе, к примеру, или колледже, или институте? Если же нигде не учится, то работает, значит, обязательно выйдет.

Просидели в машине еще полтора часа, Брасову позвонила Лина:

– Юрий Артемович, вы здоровы?

– Я здоров, а что?

– Но вас второй день нет. У меня в приемной заведующие сидят, на сегодня вы назначили совещание, что мне им сказать?

К сожалению, совещание нельзя отменить.

– Сейчас буду. – Брасов положил трубку в карман, взглянул на дом последний раз и досадливо отдал команду Игорю: – Поехали.

Проезжая мимо киоска, он все глаза проглядел, но девчонка в красном плаще не стояла на прежнем месте, а чутье, от которого никуда не деться, подсказывало, что он увидит ее.

Тори влетела в комнату подруги с диким воплем:

– Женька, мама тебе туфли передала, примерь.

– Фу, как ты меня напугала. Какие туфли?

Тори отодвинула на столе учебники, за которыми Женя корпела, готовясь к экзаменам, водрузила коробку и открыла:

– Смотри. Чудо, правда?

– Ах... – приподнялась Женя со стула, взявшись за грудь.

Туфельки – действительно недостижимая мечта: классическая модель, с узеньким носком и на шпильке, ярко-красного цвета, в таких, конечно, каждый день не походишь – жалко. Тори достала чудо-туфельки, сунула в руки Женьке:

– Примерь.

Та надела, прошлась, любуясь своими ногами и придерживая фонтан пепельных волос, вдруг подняла глаза на подругу:

– Они же дорогие.

– Конечно. Италия.

– Думаю, родители денег не дадут...

– Какие деньги? Мама купила мне без примерки, а они зверски жмут. У тебя нога меньше, значит, туфли твои. Считай, это тебе подарок к окончанию школы. – Тори упала на кровать. – Уф, не дождусь, когда мы ее закончим. Ненавижу школу, нашу вонючую столовую, уроки, шум на переменах и слово «нельзя». Ты на выпускной платье сшила?

– Нет еще. – Женька налюбоваться не могла на туфли. – Теперь придется придумать другой наряд, я пойду в них.

– В красных? – приподнялась Тори. – Нехорошо. Все будут во всем белом, как невесты, а ты в красных туфлях? Мне дядя везет из-за границы ажурное, длинное, белое...

– Платье невесты непрактично, куда ты потом в нем пойдешь?

– Не думала об этом. Хм, найду, куда сходить, например под венец. Шучу. Я покурю? – спросила Тори разрешения.

– С ума сошла? Мама унюхает – мне достанется, – не разрешила та.

– А я в форточку.

Из потайного места сумочки Тори достала сигарету и зажигалку, запрыгнула на подоконник, в этом доме оконные проемы огромные, форточка как раз на уровне лица...

– Где ты все время витаешь, о чем думаешь?

Очнувшись, Тори увидела, что положила на тарелку мужа с рыбой и рисом... кусок яблочного пирога, тем не менее она осталась верна себе, ничуть не смутившись:

– Ты запрещаешь мне витать и думать?

– Думай сколько угодно, но у меня отдельное питание: рыба отдельно, а пирог – к чаю.

– Извини. – Тори взяла пирог и отправила в мусорное ведро.

– Но теперь рыба пропахла ванилью, – возмущенно сказал он. – Крошки. И на гарнире.

– Нет проблем.

Рыба с гарниром последовали за куском пирога, а Тори вновь уселась за стол, как показалось Роберту, отсутствуя, хотя преданно смотрела на него, подперев подбородок кулаком. Все, что так или иначе мешает его стабильности, вызывает у него раздражение, он быстро забывает, что сам напакостил, и если к нему предъявить претензии, то их число составит миллион. Глядя перед собой на пустое место, где должна стоять тарелка,

Роберт нахмурил брови, а это второй маленький признак большого недовольства, и произнес:

– Вообще-то, я еще не позавтракал.

– Нет проблем.

Она взяла чистую тарелку, механически положила кусок жареной рыбы и риса, не забыла полить соусом, поставила перед мужем. Роберт начал есть, озадаченно поглядывая на жену, которая снова как будто была здесь, и в то же время далеко отсюда.

– Почему ты не ешь? – спросил он.

– Не хочется.

Внутри Тори что-то слегка подломилось, непривычное ощущение тревоги вытеснило остальные чувства, привнеся взамен синдром ожидания. Так она определила свое состояние: синдром ожидания. В результате появилась несвойственная ей рассеянность. Главное, не знала, чего ждать и откуда, следовательно, не могла выстроить линию защиты, хотя от кого и почему она должна защищаться?

– Нет, с тобой что-то не так, – вывел он.

– Не с той ноги встала.

– Это поправимо. Пойди приляг и встань с нужной. – Он изволил пошутить. – Мне пора. Сегодня я...

– Задержишься на работе.

– Приду раньше, – надулся Роберт. – Перестань меня подначивать.

Иногда его очень задевало ее неадекватное отношение к его похождениям. Лучше б она поскандалила, по крайней мере, тогда стала бы понятней. Друзья уверяли, ему повезло с ней, да Роберт и сам так считал, но разве это нормально, чтоб жена сквозь пальцы смотрела на «задержки» и отлучки мужа? Подобные мысли – яд, а он не склонен отравляться, посему быстро находил удобный вывод: мол, Тори не хочет расшатать их крепкий брак. А что – крепкий, замешан на любви и товариществе, поэтому Роберт, сколько б ни было у него связей на стороне, ни за что не расстанется с Тори.

– Ты забыла меня поцеловать, – напомнил он.

– Наклонись.

Пришлось наклониться, хотя ритуал провожания установила она и сама же неукоснительно его исполняла, доведя до автоматизма. Но сегодня Тори принудительно чмокнула Роберта в щеку, значит, точно встала не с той ноги, что со всяким случается. Но это скоро пройдет, тогда он и сообщит ей о надвигающейся «командировке».

Тори ждала почту, с опаской и вниманием просмотрела ее, но ни

извещения, ни письма, вопреки ожиданиям, не получила. Она готова была к выходу, бросив газеты на стол, села в машину и поехала к бабуле, обещавшей найти платежки.

8

У Брасовых уклад заведен с точностью до наоборот. Увалень Юра отличался миролюбивым характером, но исключительно потому, что ленив. Зинулю не переспоришь, не вдолбишь, что ночь он провел в машине с водителем, потом поехал на работу, а тратить нервные клетки – себе дороже. Второй день жена не разговаривала с ним, ее малопривлекательные губы превратились в тоненькую ниточку – до такой степени она их сжимала, видя Юрика. Но скоро ее терпение лопнет, стены сотрясет сумасшедший ор, нашпигованный упреками и обвинениями. Зато на людях она слаще патоки.

Угораздило же его жениться на середнячке. Зинуля не блистала красотой и в юности, с возрастом, который не так уж велик, стала безусловной посредственностью, не располагающей к нежностям – это мягко говоря. Усыхала. Должно быть, от злобы и зависти. Теперь он на собственном опыте знает, как ошибаются мужики, беря в жены серенькую мышку! Думают, она будет хорошей матерью и хозяйкой, верной супругой без особых запросов, станет стоять у плиты, готовясь встретить трудягу мужа и с благодарностью взирать на него, как на домашнее божество. Но кто мог предвидеть, что из славненькой девчушки выродится министр землетрясений? Кто мог знать, что непривлекательность некоторые компенсируют умствованием, сомнительным всезнайством, амбициозностью и тривиальным хвастовством, а слово «мало» станет ее генеральной линией? Мало денег, мало места в доме, мало почета, мало шуб, мало... мало... мало... Короче, из «мало» сделать «много» обязан Брасов, но потребности-то женушки неиссякаемы.

Вот такие невеселые мысли навеяла злющая рожица жены за завтраком в пятницу, а еще он, грешным делом, подумал: как Зинуля не подавится куском, заработанным им? Не завести ли любовницу. Кстати, идея неплохая – с любовницей по крайней мере он всласть отыгрался бы, если б имел кого на примете. Но кандидатур нет, хочется, чтоб хотя бы чуточку нравилась.

Посмотрев на часы – это должно быть сигналом для Зинули, мол, ухожу, можешь начинать землетрясение (как правило, она портит ему настроение перед работой), Брасов встал из-за стола. Землетрясения не случилось, ну и прекрасно.

Он и не подумал изменить маршрут, может быть, его подсознание жаждало встречи с девчонкой, чтобы распознать: кто она на самом деле. Второй день ее не было у киоска, и это не принесло облегчения.

Вечером, набрав продуктов в супермаркете – на носу девять дней, помочь некому, а в руках много не унесешь, приходится по частям закупать, – и расплачиваясь в кассе, Наталья опять увидела ее. Не заметить старуху в траурном одеянии невозможно, она выделялась именно черным цветом, как бельмо на глазу. Сначала на кладбище чуть не налетела на нее, вчера старуха фланировала у школы, сегодня в магазине объявилась, стояла у стены за кассами, наверное, ждала кого-то. Видимо, она тоже узнала Наталью, так как уставилась на нее. Нет, это, скорее всего, случайность, потому что, когда Наталья, механически забрасывая в пакеты продукты, не спускала с нее глаз, она никак не показала, что видит ее, смотрела, как смотрят в пустоту, а не на живого человека.

Она прошла мимо, старуха проводила ее равнодушным взглядом. Кажется, бабка только сейчас вспоминала, где видела женщину в терракотовом жакете. Горе сближает, очевидно, поэтому Наталья слегка улыбнулась ей, но в ответ – ни намека, что старуха заметила маленький знак внимания.

В троллейбусе она забыла о ней, просмотрела список, вычеркивая то, что куплено. Как быть со спиртным и минеральной водой? На плечах не притащишь, только за несколько ходок, надо бы попросить тех, у кого есть машина. Позвонила Брасову:

– Юр, ты не сможешь закупить спиртное и воду на поминки? Не хочу брать в магазинах около Лешкиного дома, в мелких точках одну отраву толкают, надо в солидном месте покупать.

– Помогу, хотя сейчас отравы и в солидных магазинах полно. Тебе когда?

– Когда будешь свободен.

– Ну, сам я не стану таскать бутылки, водителя пришлю. Назначай день и время.

– Завтра вечером. У меня вторая смена, уроки закончатся в пять.

– Завтра в пять Игорь будет у школы.

– Спасибо, Юра, к тебе одному можно смело обращаться и не получить отказа. Ты-то придешь в воскресенье?

– А как же.

– Своей Зине скажи...

– Сама ей позвони.

– Хорошо, позвоню.

Наталья догадалась: у Брасова со стервой Зинулей очередная размолвка. А она теперь с Лешкой не поссорится и не помирится, не заснет у него на плече, прижавшись крепко-крепко, не будет тешить себя надеждами, что он в конце концов созреет и предложит жить вместе. Так ведь предложил! Никогда Наталья не была так близка к цели, но потеряла ее безвозвратно. Она могла бы еще родить, а что – вполне, некоторые за сорок рожают и не боятся. Но теперь на себе можно поставить большущий жирный крест, в этом возрасте и с ее принципами с мужчинами легко не сходятся, к тому же, надо отдать должное, она далеко не мечта поэта, заурядная со всех сторон. Вот так в тридцать семь все закончилось. От пессимистичных мыслей навернулись слезы.

В Лешкиной квартире Наталья переложила скоропортящиеся продукты в холодильник, остальное на полки. Посидела на кухне и выкурила сигаретку. В прихожей постояла, но так и не зашла в комнаты, хотя нужно было взять деньги. Там все напоминает о Лешке. Вряд ли когда-нибудь она сможет находиться здесь одна, для нее балконная дверь всегда будет западней, куда угодил Лешка. Наталья ушла.

Изучила ведь Роба от и до. Тори до смешного знакомы бегающие глазки, суетливость, ложная рассеянность, за всеми этими признаками стоит банальная ложь. Но что-то сдвинулось в ней. Пока она не задумывалась – что именно, просто сказала себе: не хочу. Собственно, кто предписал ей закрывать глаза на «шалости» Роба? Не сама ли прикинулась слепой? Ее позиция странная и неадекватная, главное, ничем не объяснимая. Если б Тори полностью зависела от мужа, боялась его потерять, любила бы до беспамьтства – тогда понятно. Но у нее огромный дом, в котором живет одна мама, кстати, не жалующая зятя; есть собственные деньги, полученные от отца по наследству, даже собственное предприятие на паях с матерью, куда заглядывает она раз в месяц, да и то, чтоб повидаться с родительницей. Изредка Тори разбирается в бумагах, помогая матери выкрутиться из скользких обстоятельств, она же юрист по образованию. На ценных советах деятельность заканчивается. Так какого же черта она терпит блудливого мужа? Впрочем, не терпит, а проявляет снисходительность. Ради чего?

Когда Роб вчера объявил, мол, завтра еду по делам, Тори даже не спросила, почему он уезжает под выходные. Не на Курильские же острова отправляется, куда самолетом лететь долго. Только заметила:

– В воскресенье Лешке девять дней, Наташка позвала нас, значит, тебя

не будет на поминках?

Роберт смастерил скорбную и одновременно озабоченную мину, а сказать-то нечего, кроме как:

– Да, нехорошо... Но, Тори, мы живые, у нас накопилась уйма неотложных дел, которые не терпят отлагательств.

– У тебя, – уточнила она.

– Что – у меня?

Кажется, он не слышал то, что говорил! Тори усмехнулась:

– Накопления. Ладно, раз они не терпят отлагательств, поезжай.

Возможно, именно то, что Роб не захотел отдать дань памяти другу, пожертвовав всего-навсего уик-эндом с пассивой, и сдвинуло Тори с привычной оси. А не пойман – не вор, значит, пора поймать, так сказать, с поличным. Да-да, внезапно появилась страсть к разрушению, наверное, это закономерный процесс, ибо подготовлен несуразностью бытия. Упаковывая чистые и отутюженные рубашки (слава богу, не она их гладит), Тори не чувствовала вражды к Робу, мало того, ее самолюбие не рвалось на части. Предвидела удар, который нанесет мужу, оттого даже повеселела.

Он застегнул баул, подошел к жене, обнял за плечи, прощаясь:

– Всего два-три дня... максимум четыре...

– Угу, – загадочно улыбнулась Тори.

– Сейчас такси приедет.

– Так иди, – и подставила щеку.

Поцеловав ее, он подхватил баул...

Едва за ним закрылась дверь, Тори схватила приготовленную сумку с платком, на бегу накинула плащ (его взяла у подруги, чтоб Роберт не узнал ее по знакомой вещи) и кинулась к выходу. Подождала, когда зеленое такси отъедет от дома, выбежала на улицу, забралась в автомобиль подруги, который оставила утром на противоположной стороне улицы (специально поднялась ни свет ни заря, чтобы съездить за ним), и утопила педаль газа.

Нагнала такси быстро. Машина остановилось у знака, пропуская автомобили по главной дороге. Тори притормозила, за незначительное время успела повязать платок на голову, обмотав концы вокруг шеи, и надеть солнцезащитные очки. Такси повернуло вправо, она бессовестно, никого не пропуская, втиснулась в поток машин, штуки три авто просигналили, явно обложив матом ее агрессивное вождение. Аварии не случилось, Тори, держась расстояния, преследовала зеленую тачку. Поворот. Свернула и она. Еще поворот, пришлось увеличить расстояние,

так как дорога оказалась свободной. И еще поворот. Теперь можно приблизиться...

Когда Тори в первый раз узнала, что Роберт завел подружку, то не поверила, решив: злыдни и завистники, которым плохо, если кому-то хорошо, вбивают клин между нею и мужем. Таких случаев сколько угодно, супружеские пары ведутся на клевету, особенно те, которые часто ссорятся, но Тори с Робертом успешно обходили острые углы, представляли собой идеальную пару. Второй раз подруга, видевшая Роберта в обществе молодой сексапильной особы, предупредила: дескать, придержи мужа, он несколько распустился. Не заставили себя ждать и подробности: в кабаке Роб и бедрастая девица танцевали, ворковали, приблизив лица до касания носов, он целовал ей ручки. Не верить подруге не было оснований, но ревнуют закомплексованные, неуверенные в себе женщины. Да и мало ли, с кем Роб пьет шампанское в ресторане, может, это была необходимая встреча по работе, он делал все (вплоть до обольщения), чтобы договориться...

Позже мама пришла в ярость, застукав бабу прямо в доме (правда, не в постели), когда Тори с детьми уехала отдыхать. Тут уж и ангел взбунтуется, но раскричаться, пролить потоки слез, жаловаться подругам – это не ее методы. А гордость, а достоинство, а реноме куда девать? Кинуть к ногам Роба? Скорее он достанет зубами свой локоть, чем она унижится...

Ага, «зеленка» во двор въехала, что и следовало доказать – Роб солгал, будто едет в командировку. Разумеется, Тори не заехала во двор, а припарковалась у тротуара, побежала за такси и выглянула из-за угла дома. В эту минуту Роб заходил в подъезд, однако без баула, значит, скоро выйдет. Один ли? Тори метнулась назад к машине, из сумки вытащила фотоаппарат и вернулась.

А вот и он. Не один, с каланчой. Тащит чемоданчик подружки, видимо, нарядов набрала она много на три-четыре дня. Тори щелкала фотоаппаратом, фиксируя буквально каждый их шаг – как муж укладывал чемодан в багажник, как открыл заднюю дверцу перед подружкой, как сел сам. Все, хватит. Тори побежала в машину, выждала, когда «зеленка» выехала, и двинула следом. Какая прелесть – целуются, не стесняясь таксиста! Тори рискнула и стала в хвост «зеленке», притормозив на светофоре, щелкнула несколько раз, это уже серьезный компромат, лишь бы фото получилось.

– Ты мне изменяешь, – жестко начала Тори. – Давай цивилизованно обговорим будущее. Я могу с детьми переехать к маме. Тебе же тоже надо где-то жить со своей лахудрой. К тому же дом построил ты, он твой. С детьми я позволю тебе видеться, когда угодно, но при условии: твоя баба при ваших свиданиях присутствовать не будет. Ты доволен?

Ни издевки, ни злости, ни страдания, одна решимость. А Роберт приобрел бледный вид, веками хлоп-хлоп, ладошки прижал к груди, возмущенно подняв плечи до ушей:

– Я изменяю, я?! Какая сволочь...

– Сволочей много, – спокойно перебила Тори. – Например, моя мама.

– Теща? Она меня терпеть не может, ты это прекрасно знаешь.

– Хочешь сказать, мама тебя оговорила?

– Да!!! – возопил он. – Где доказательства? Не пустой треп, а факты? Где, где, где? Тори, не делай глупостей, не слушай никого, тем более тещу. Или хочешь, чтоб наши недруги злорадствовали? Ты моя жена, нас многое связывает... Нет, я никуда тебя не пущу, выкинь эту идею из головы! А теща... пусть не попадается мне на узкой тропинке, я ей устрою...

– Попробуй только причинить маме хотя бы мизерное беспокойство, тогда я тебе устрою, – пригрозила Тори.

– Ты мне веришь?

– Поживем – увидим, верить тебе или нет.

– Останешься?

– Но предупреждаю: еще раз узнаю – не обрадуешься.

– Не узнаешь, – пообещал Роберт.

А от подколок, шпилек, насмешек Тори не смогла удержаться, это стало своеобразным ритуалом: напоминать Робу, что она не верит ему, притом нисколько не озабочена его свинством. Парадокс: по наблюдениям Тори, мужчины ревностно относятся к женам, которые не дорожат ими, тем не менее... Не была она обойдена слухами: муженек шалит. Помимо друзей ей звонили неизвестные доброжелатели, но Тори решила делать вид, будто ни сном ни духом. Так проще. Если б вздумала поднять эту тему, пришлось бы сдерживать слово и уйти, а на примерах она знала: женщин, вечно прощающих мужей, не ценят и не уважают. Хороший дом, прекрасные дети, благополучие, Роб ее побаивается – кто еще имеет столько даров от судьбы? А все эти переживания только сокращают жизнь. Понимала, конечно, что когда-нибудь наступит предел и ее занесет...

Вот и занесло на вокзал, все-таки они уезжают на балдеж под кодовым названием «командировка». В ожидании поезда на перроне, поставив чемодан и баул у ног, Роберт обнял каланчу за то место, где должна быть талия (она же прямая, как метла дворника), сцепив руки на поясице, и слегка прикоснулся губами то к шейке, то к губкам возлюбленной. Что-то лепетал при этом. Она стеснительно посмеивалась, потом глядела на него, готовая отдаться прямо на перроне. Замечательные изобрели аппараты, не надо подносить к глазу, смотри себе в экран и увеличивай, украдкой Тори щелкала парочку. Увлечшись, подошла очень близко, став за бабищей, продававшей газеты и журналы, разложенные на кустарной стойке, и сделала несколько кадров практически в упор из-за ее спины. Затем села на скамейку чуть в стороне.

Притащился поезд, Роберт подхватил поклажу, его метла достала билеты. Ого, в спальный вагон сели, Тори запечатлела и этот исторический момент, он действительно исторический. Поезд тронулся, Тори тихо сказала:

– Счастливого пути, милый, и отличного тебе уик-энда.

Дома она остаток дня провела за компьютером, увеличивая и подправляя снимки. Великолепно получилось, супер! Отпечатав кадры, Тори рассортировала фотографии по группам, скрепила и отложила – пусть ждут часа ИКС.

9

Брасову домой ехать и видеть ниточку губ Зинули, ее злющую мордочку неизвестного зоологии зверька – легче застрелиться. А тайная мысль о любовнице нет-нет да и посетит, это стало навязчивой идеей. Перебрал знакомых, те, что ему нравятся, на адюльтер не пойдут, а о тех, что не нравятся, и думать не стоит. Несколько раз Брасов вызывал по пустякам Лину, оценивал: годится или не годится. Не-а, не то. Она, конечно, спит и видит себя с ним, но не возбуждает. Кстати, Зинуля тоже не возбуждает, причем давно. А если приласкать Наташку, нуждающуюся в любви и утешении? Брасов позвонил ей и попросил отложить покупки на полтора часа, в назначенное время подъехал к ее дому.

Вышла Наташка из подъезда – скукоженная, угрюмая, с походкой подагрика, клюнутая во все места жареным петухом. Какой полоумный захочет женщину, не имеющую ничего общего с прекрасным полом? Она же «нечто», подобие женщины, непонятно, чем держала Лешку, ведь хороший человек еще не повод, чтобы спать с ним. Ну и как быть Брасову, решившему досадить жене? Проститутку снять – фу, малявки, ищущие богатого дяденьку, чтоб доить его, не прельщают. Где выход? План потерпел фиаско, а болтают, будто нет ничего проще – завести любовницу. Где, кого, как? Сами попробовали б, не болтали б попусту.

Наташка села на заднее сиденье и подозрительно озиралась по сторонам, словно боясь, что налетят террористы и кинут в нее бомбу.

– Ты кого-то ждешь? – поинтересовался Брасов.

Застал ее врасплох. Она стушеввалась, захлопотала лицом и ответила вопросом:

– Кого мне ждать?

– Тебе видней. Ты по сторонам смотришь, как будто ищешь знакомых. Игорь, гони в ближайший супермаркет.

А ее глаза произвольно искали старуху. Слишком часто она встречается, сегодня опять Наталья видела ее у школы, даже дважды: когда спешила на работу и когда шла после уроков домой. В сущности, ничего странного в этом не было бы, если б черная старуха не въедалась в нее стальными глазами, будто скромная учительница заняла у нее миллион рублей и не отдает. Объяснение явлению есть: Наталья, к примеру, обидела кого-то из ее внуков, бабка не решается подойти к училке и обрुшить на ее

голову проклятия. Но детки сейчас... нервы у каменного истукана сдадут, воспитанием следует заниматься, а не учителей прессовать. Если это так, то старуха еще появится. Надо будет самой подойти и спросить, чего она мнется.

В супермаркете купили воды на любой вкус, спиртного – упиться можно до белой горячки и, как ни возражала Наталья, а оплатил Брасов. Потом доставили бутылки к Лешке, после чего отвезли домой Наташку, не горевшую желанием ночевать в квартире самоубийцы.

Брасов подоспел к ужину, оба чада – дочь пятнадцати лет и двенадцатилетний сын – поздоровались, их мать одарила мужа и добытчика царственным молчанием. Ну не мерзавка, а? Брасов сел за стол, поставив руки на бедра и оттопырив локти в стороны, сама поза намек: подаст мне кто-нибудь ужин или я буду голодным в этом доме? Зина (так бы и врезал) не шелохнулась, дочь Анжела, мельком изучив лица родителей, догадалась поставить папе ужин. Брасов ел, поглядывая на дочь, вернее, на ее уши, усыпанные золотыми шариками. И под нижней губой золотой шарик, и в носу...

– Пап, чего ты на меня так смотришь?

– Сколько у тебя сережек в ушах?

– Семь в одном и семь в другом, люблю симметрию.

– Уши не отвалятся?

– Да ну тебя. Пап, дай денег.

– Сколько?

– Сколько не жалко. Мы сегодня поклубимся на Лысине.

– Это где? – перестал он жевать. – И что такое поклубиться?

– У памятника Ленину, он же лысый. Там молодежный клуб, ну, потусуемся. Дашь денег? Обещаю: в одиннадцать буду дома.

И дал, а то подать ужин будет некому. Фыркнув, Зинуля ушла, за ней сорвалась Анжела, Брасов остался с сыном, поговорил, думая не о его проблемах, а о своих. Он здесь, как в гостях, Зинка окончательно оборзела, надолго ли хватит его терпения? Ух, если Брасов разойдется... убедится она, что в сравнении с ним гестапо отдыхает.

Муторное это дело – поминки, но и в них есть некоторая польза. Первое: обычно школьные друзья лишь поддерживают контакт в основном по телефону, и то крайне редко, собираются только по случаю, опять же редко, к тому же изобретательно. Покойный Лешка собрал немного, человек пятнадцать, все так или иначе знакомы. Второе: общение. В нем испытывают недостатку подавляющее большинство, а тут разговоры о

политике, доме-быте, работе, споры. Не скорбеть же целый вечер. Лишь Наташка, наготовив на полк (с утра вкалывала, бедняга), а потом подвыпив, тихо роняла слезы, но это ничего, это пройдет. Выходили на лестничную клетку курить, продолжая спорить по пустякам, далеким от смерти, после пили.

Брасов устал, Зинуля «блистала» категоричностью, раздражая его, и была лидером среди спорщиков. Ну, многознание не есть ум, а знания у нее поверхностные, однако она умеет преподнести велосипед за достижение современной техники. Он вышел покурить, за ним увязалась Наташка. Поднеся зажигалку к ее сигарете, которой она с трудом попала в пламя, Брасов понял, что ей пора бай-бай. Наталья выпустила густую струю дыма и, не в силах стоять на ногах, облокотилась локтями о перила.

– Глеб звонил, сказал, он с нами.

– Угу. Как его мать?

– Забыла спросить.

Паузы возникают, когда не о чем говорить, собственно, с пьяной бабой ни одна тема не представляет интереса.

– Какой длинный пролет, – произнесла она мечтательно, перегнувшись через перила. – Где-то там дно... Я не вижу. Ты видишь дно?

Брасов глянул вниз, колодец сужался, но нижний этаж просматривался.

– Вижу, – сказал он.

– А я нет. Кажется, внизу пустота, если полететь, будешь падать, падать, падать... И никогда не упадешь. На высоте у многих появляется желание прыгнуть. Тебя не тянет попробовать полетать? Меня тянет.

– Наташка, брось. – Брасов взял ее за плечи и выпрямил.

– Нет-нет, – нервно хохотнула она, – я не решусь. А Лешка...

– Наталья, прекрати, – строго перебил Брасов. Неровен час, выкинет фортель, доказывай потом, что ты просто стоял рядом и не успел ее задержать. – Докурила? Иди, сейчас будем выметаться. Отвезу тебя домой.

– Я не поеду... – Наталья кинула окурок в баночку, которую поставили у перил, он плюхнулся рядом. – Не попала. Я останусь здесь, с Лешей.

– Наташка, его нет, а ты пьяна.

Он подобрал окурок и кинул в банку.

– Для меня Алеша есть, я останусь с ним. Не спорь, не спорь... (Брасов и не собирался, женщинам бесполезно что-либо доказывать, они из вредности будут стоять на своем, тем более под градусами.) Не спеши уходить, Юрка, Лешке приятно, что в его доме сидят друзья. Его душа сейчас...

На площадке с сигаретой появилась Тори, Наталья, не договорив, ушла

в квартиру. Как ни пьяна она, а помнила оскорбительную фразу: «Глеб, тебя все заждались». Вроде мелочь, но не забывается.

– Брасов, дай прикурить. – Тори поднесла ко рту сигарету, он щелкнул зажигалкой, потом прикурил сам.

– Наталья упилаась, несет всякую чушь, – сказал он. – Хочет попробовать полетать, как Лешка.

– Ой, не переживай, не полетит. Она подпольная выпивоха, а пьяницы любят потрепаться на тему жизни и смерти, предстать несчастными.

– Нам пора сваливать. Твой-то где?

– Уехал в командировку с любовницей.

– Хм! Ты так спокойно говоришь...

– Что же мне, рыдать?

– Не поверю, будто тебе безразличны походы Роба налево. Ты гордячка, не хочешь, чтобы тебя жалели...

– А ты поверь. Что же касается жалости, то мне ее не видать ни при каких обстоятельствах. Таких, как я, не жалеют, а злорадствуют – дай только повод.

Глаза у нее, словно у хищника, причем крупного – полосатого или пятнистого, а когда Тори прищуривается, создается впечатление, будто она через секунду тебя растерзает, получая наслаждение. Но вся правда в том, что Брасов позволил бы ей себя терзать. Он отвел взгляд в сторону, чтобы пронизательная Тори не прочла его тайных желаний.

Бывает, не ждешь, потому не готов к предложению, соответственно, дико теряешься. Так и вышло, она огорошила Брасова.

– Давай встретимся в... неформальной обстановке.

– В смысле? – пролепетал он, вытаращившись. – Что ты имеешь в виду под неформальной обстановкой?

– Гостиницу, – ничуть не смущаясь, сказала Тори. А ведь сделала, пардон, непристойное предложение. – Номер в гостинице.

Узел галстука сдавил горло, Брасов его потянул вниз, сглотнул комок и, не веря своему внезапному счастью, выговорил:

– Ты... это... серьезно?

– По-моему, за мной не ходит слава великой шутницы.

– Отомстить Робу хочешь?

– Не-а. Хочу оторваться раз в жизни. Ты равнодушен ко мне со школьной скамьи, мне пора вознаградить тебя за постоянство. Да и сама хочу узнать, как это бывает, когда любят. Ты шокирован?

Герметичность Тори дала трещину, и Брасов, несмотря на цинизм, понял: капитулирует перед обстоятельствами, которые она оберегала ото

всех без исключений. Роберт неисправим, ее самолюбие уязвлено, по-другому и не может быть, в принципе она проиграла, как и Брасов. Так почему бы не соединиться двум не очень счастливым людям хотя бы на один вечер?

– Шокирован? Не так чтобы очень... – через небольшую паузу ответил Брасов, а вторая его фраза была выстраданной, потому скорой: – Тогда сегодня, сейчас.

– Бросишь свою Зинулю? А последствия?

– Это мои трудности. – Он достал телефон и, глядя на нее в упор, сомневаясь в решимости Тори, спросил: – Я заказываю номер?

– Заказывай.

Женщины убрали стол в считанные минуты, распределив обязанности, чтоб никто не остался в барынях. Наташка не в состоянии мыть посуду, но хорохорилась, просила оставить все, как есть, мол, завтра у нее уроки во второй смене, да ее не слушали. Однако уехать отказалась наотрез, еле держась на ногах, провожала приятелей. Брасов не стал уговаривать ее поехать домой, не до того, подхватил под руку Зинулю и дотянул ее до машины. Она ни звука не проронила, а ведь он обошелся с ней грубо, причем при всех, наверное, разгон собралась устроить дома, ну, мечтать не вредно. Зина губы поджала, брови свела, угрожающе сопела – вот и отличный повод, впрочем, за поминальным столом она вела себя не лучшим образом. Открывая дверцу авто, Брасов прорычал ей в лицо:

– Долго будешь игнорировать меня, ставя в дурацкое положение? Я тебе что, тряпка, подкаблучник? Может, ты меня содержишь, поэтому возомнила о себе черт знает что? Тоже мне царица нашлась! Я тебе покажу, кто из нас хозяин. Игорь, заводи мотор.

– Не смей на меня орать при водителе! – огрызнулась Зина и не сдержалась, бросила оскорбление, как ей казалось, справедливое: – Свинья!

Ой, зря она это сделала, зря. Брасов затолкал ее в салон, наклонился, отдавая приказ Игорю:

– Вези ее домой. Не вздумай остановиться! Если захочет выйти, пусть на ходу выскакивает. А ты, дорогая, сходи завтра к врачу, пусть выпишет тебе таблетки от злости, я оплачу счет. Игорь, трогай! – И захлопнул дверцу.

Как же послушаться? Чтоб Юрий Артемович выгнал? Водитель резко сорвал автомобиль с места, а Зина, заметил Брасов, что-то кричала, но кому – ему или Игорю? Не все ли равно?

Успокоился он мгновенно, вообще-то сильно и не затрачивался, вызвал

такси и, ожидая машину, курил, прощаясь с теми, кто выходил из подъезда. Подъехала тачка, Брасов заглянул в салон и сказал:

– Ждем.

Тори появилась последней, собственно, таков был уговор, только Брасову все казалось, ею двигал внезапный порыв, достаточно десяти минут, чтоб решимость улетучилась. Но Тори шла к нему, а перед его глазами промелькнули последние полмесяца с повергающими в ужас непонятностями, вернувшими его в прошлое и заставившими пожалеть о многом. Может быть, осталось жить совсем немного (почему-то ударила такая мысль), и сейчас некто свыше смилостивился над ним, даря шанс, о котором он грезил наедине с самим собой.

Когда Тори подошла, он не посмел спросить: мол, не передумала? Кто знает, что услышал бы в ответ, поэтому Брасов молча и решительно открыл дверцу, тем самым приглашая ее. Тори села, значит, не передумала. С облегчением Брасов плюхнулся рядом, весело бросив таксисту:

– К гостинице «Орхидея».

Номер числился под названием «апартаменты». Большой двухкомнатный люкс со спальней, кроватью (одной, но огромной), разумеется, ванной, а первая комната – гостиная в домашнем стиле. Что такое «домашний стиль»? Прежде всего, ковер на полу! Правда, порядком утрамбованный клиентами. Помимо ковра, имелись кресла, столы разной величины, телик с DVD-проигрывателем, музыкальный центр, всевозможные шкафы, посуда, даже самовар. На столе перед креслами поставили фрукты в вазе, закуски на двух тарелках, конфеты в коробке и бутылку коньяка, хотя для этого случая больше подходит шампанское, но Тори сказала: коньяк.

Первый приступ счастья у Брасова схлынул, да и бравада Тори спряталась, видимо, сказалась непривычная обстановка. Усевшись на краешек кресла, она изучала интерьер. Да, предстояло сначала акклиматизироваться, освоиться – не только в номере, но и друг с другом, конечно. Брасову отводилась лидирующая роль, а опыт соблазнителя у него на нулевой отметке. Он налил в рюмки коньячку, чокнулись.

– Ну... – А за что пить? За ударный секс-час в ближайшее время? Брасов предложил тост на все случаи: – Будем?

– Угу, – поддержала Тори.

Выпили. Вот когда палочкой-выручалочкой является сигарета, она на некоторое время прекрасно заменяет болтовню, немного смягчает неловкость.

– Я сниму туфли? – спросила Тори.

– Конечно. А я пиджак?

Итак, часть одежды долой, глядишь, как-нибудь остальное скинут. Тори забралась с ногами в кресло, «лидер» стух: по-видимому, она намеривалась просидеть так всю ночь. Пауза. Натянутая пауза. Еще закурить, что ли?

– А давай еще по рюмочке? – вспомнила Тори.

Обрадовавшись, Брасов развел руками в стороны, мол, я только за, контакт проще наладить, когда тормозные центры заблокированы алкоголем. Выпили, на этот раз закусили дольками лимона, Тори морщилась от кислоты, Брасов поедал лимон, будто ему безразлично, каков он на вкус. Однако леди покраснелась, глаза ее заблестели, взяла конфетку.

– Юрка, скажи честно, ты изменял Зинке?

– Нет. Некогда было.

– Вот и я нет, – тяжело вздохнула она, словно на ее плечах лежали мешки с песком и ей трудно их тащить. – А возможностей было... Наливай.

– Ты потом вырубись и заснешь.

– Ме-а, не засну. Нас с тобой не ценят, значит, разрешают нам пуститься во все тяжкие, а в жизни стоит все попробовать.

– Идем?

– Куда?

– Пробовать.

– А душ?

– Там, – указал Брасов. – Иди первая, в ванной должны быть халаты... то есть я видел. Махровые.

Тори отправилась в душ, зашумела вода.

10

Ключ повернулся осторожно, почти не издав щелчка. Все же он был, щелчок. Сначала один, затем второй. После секундной паузы ключ вошел во второй замок, повернулся, щелкнув громче. Прошла еще минута, дверь оставалась в покое, словно тот, кто поворачивал ключи, ошибся квартирой. Но он не ошибся, а всего лишь слушал, что происходит внутри. Наконец дверь подалась, тихо скрипнув. Мужчина сделал шаг в прихожую, замер, оставив вторую ногу за порогом, всматриваясь в полумрак. Из комнаты слабо бил свет ночника, но какого-либо движения или шорохов не слышалось.

Мужчина вошел, тихонько прикрыл дверь, но не плотно, чтоб потом открыть без проблем, и начал двигаться к комнате. Он шагал абсолютно бесшумно, его руки, обтянутые перчатками, касались стены, словно он нуждался в опоре, хотя, может быть, держась за стену, легче ступать, не издавая звуков. Так он достиг дверного проема, одним пальцем отодвинул штору и заглянул в комнату.

Наталья спала на диване, свернувшись калачиком и накрывшись пледом. Она не разделась, не постелила себе постель, только принесла подушку с пледом из второй комнаты, улеглась и практически сразу провалилась, ведь набралась достаточно, чтоб не мучиться бессонницей. Но мужчина не видел ее лица – слишком низко была опущена голова, – потому осторожничал и не торопился. Убедившись, что она спит, дошел до стола, за которым поминали Алексея, остановился напротив Натальи. Нет, она не почувствовала, что некто посторонний проник в квартиру, не открыла глаз, даже не шелохнулась. Через открытую балконную дверь врвался свежий воздух, вздымая занавески, сентябрьской ночью он особенно прохладен и, заполнив комнату, дает крепкий сон. Мужчина приблизился к Наталье и чуть наклонился, заглянул ей в лицо...

Тем временем Брасов хлопнул рюмку коньяка, снял галстук, отстегнул запонки. Он и не думал, что в постели может не получиться фейерверка. Долгие годы мысленно спишь с женщиной, а потом получив эту женщину, и в ответственный момент перегорает некий механизм внутри и – все, облом, стыдоба. К счастью, сомнения его не терзали, голова была занята тем, как подступиться к Тори, с чего начать. Она ему не помощница, самой

неловко, хотя идея «встретиться в неформальной обстановке» принадлежит ей. Брасов не осмелился бы столь откровенно предложить переспать. Но как дошло до дела, ей неловко! Никогда бы не подумал.

Появилась Тори в розовом халате, забралась в кресло, закурила. Брасов рванул в ванную, облился холодной водой и поспешил назад. Не сбежала. Но как только увидела его, залилась смехом, хохотала, запрокинув голову и сотрясаясь всем телом.

– Что смешного? – протянул Брасов обиженно.

– Халат... на тебе не сходится... И обтянул...

Похолодев, Брасов кинул взгляд вниз – зря запаниковал, нижняя часть закрыта, он тщательно подпоясался, а что до верхней... так не сошелся халат на груди.

– Маловат, – пожал он плечами. – Ничего смешного.

– Ой, прости, Юрка, – успокаиваясь, сказала Тори. – Это глупо... смеяться... не буду. Я захмелела, мне все кажется смешным... глупым... нелепым. Юрка, между нами нет... ну, это... когда нахлынет и люди дуреют. Страсти нет, поэтому мы какие-то... недоделанные.

– Это у тебя страсти нет.

– Ах есть? Тогда идем. – Тори подскочила, двинула в спальню, остановилась. – Юра, давай сначала просто полежим... м... привыкнем.

– Хорошо. Ну, иди, иди.

Подошли к кровати с разных сторон. Не сговариваясь, откинули одеяло и уставились друг на друга. Опять чертова неоправданная пауза.

– Что не так? – спросил Брасов.

– Свет. При свете мне будет несколько... Выключим?

А это с удовольствием. Не ложиться же ему голым, его «дивная» фигура – символ великой любви к хлебу насущному (с маслом) не доставит удовольствия Тори, а в темноте все кошки одной масти – невидимой. Оба нажали на выключатели настольных ламп, она скинула халат и легла на самом краю, укрывшись до подбородка. У Брасова вышла заминка, халат-то он еле натянул на мокрое тело, теперь стаскивал, выворачивая наизнанку. Фу-ух, стащил, бросил на спинку, залез под одеяло и замер.

Тишина... как в реанимации. Или в морге. Надо было телевизор включить, чтоб вякал, или музыку, чтоб фон создавала, сетовал про себя Брасов. Интересно, долго так лежать? В кино это здорово показывают: разделись, легли и готово, кажется, чего уж проще.

– Юр, тебе не холодно? – поинтересовалась Тори, а он думал, она уже сон видит.

– Под одеялом – с чего бы? – проворчал он.

– А я облилась холодной водой, теперь мерзну.

Как похоже: и Брасов облился холодной водой, остужаясь до способности контролировать себя. Он не верил, что Тори отважится на секс с ним, в последний момент убежит с извинениями, что же ему тогда останется – рвать зубами занавески в номере? Но леди замерзла, Брасов переместился на середину, предложил:

– Двигай ко мне, я теплый. – И придвинулась. Он просунул руку под нее, обнял за плечи. – Правда, дрожишь. Ты... ты в чулках?!

– Ну, да. В них женщина сексуальней.

– Так темно же, не видно.

– А воображение? – И вдруг на нее снова накатил приступ смеха. – Ой, Юрка, какие мы с тобой идиоты. Оба. Конченые. Безнадежные.

– Не спорю.

Внезапно начала хохотать, внезапно прекратила:

– Жизнь проходит. Невесело проходит, хотя... не в веселье дело. Не хватает главного... а что это такое – главное, не знаю. Представляешь? Только знаю, что оно должно быть. Но его нет. И у тебя нет, у Лешки не было, из наших ни у кого нет.

– Будет. – Под сурдинку он целовал ее пока только в висок, голову, нос. Свободная рука смелее ползала по телу, натываясь на проклятое белье. – И чего мы мнемся, однажды у нас случилось, помнишь?

– Помню. Но так хочется чего-то необыкновенного...

– Какие наши годы, Тошка, все еще впереди.

Тошка? Никому не позволяла себя так называть, тем не менее Юрка Брасов, которого она знала с пятого класса, произнес это друацкое имя по-особенному, нежно. А что плохого в простецком обращении? Давным-давно ее повело на вычурности, быть не такой, как все, даже в мелочах, она создавала внешнюю атрибутику, но, по сути, была и есть как все. Заблуждаются на свой счет прямоходящие бараны, коих большинство, а у Тори достаточно здравого смысла, чтоб пересмотреть вчерашний день и послать его к черту. Во всяком случае, уже сейчас она, переступив через внутренние барьеры, не испугалась и не пожалела об этом. На ее долю не досталось ни трогательной или страстной любви, ни надежной дружбы, она сама себе приятна, умела и умеет поставить умников на место, сказать остроумную колкость, а в сущности одиночка. До недавних пор Тори не то чтоб устраивало ее положение, но было терпимо, бывает ведь и хуже, а сейчас... Сейчас Юрка Брасов целовал ее губы, что не вызвало отвращения, напротив...

– Еще, – сказала она, когда он сделал паузу, расстегивая бюстгальтер,

да никак не мог разъединить застёжку, неумеха.

И был еще поцелуй, более сильный, потом еще, Роб так никогда ее не целовал. Вообще-то, к черту распутного Роба, ему сейчас неплохо, надо полагать, а уж ей будет сверх хорошо, она постарается.

Роберту действительно было весьма недурственно, он занимался тем же, чем его жена, разумеется, деловые встречи не предвиделись. Роберт уехал отдыхать, побыть с Нелли. После поездок, которые так редки, какое-то время все будет тип-топ и с нею, и с Тори, он получит передышку. Как раз с женой проблем меньше всего, однако ее ехидные подначки на нервы действуют, тем не менее ничего серьезного она предъявить не может. Он упивался полной свободой, когда не нужно держать под контролем время, потом сломя голову нестись домой и оправдываться перед женой, чувствуя, что она знает правду.

Упивался до тех пор, пока Нелли не преподнесла сюрприз, отчего его прошибло ударом молнии. Беременна! Избавляться от беременности и не думает, да и поздно – три месяца. Роберт переваривал убийственную новость молча, Нелли лежала под боком, огорченная отсутствием его реакции. А чего она ждала? Что он подскочит, схватит ее на руки и закружит, хохоча и лепеча всякие глупости от счастья? У него есть двое детей, куда третьего, тем более на стороне? Дотянула! Ни слова не сказала, сама приняла решение. Нет, она намеренно не предохранялась, Нелли запланировала ребенка, решив взять Роберта в капкан. Ой-ой-ой, вот это бабахнула! Конечно, он в состоянии обеспечить Нелли с ребенком, но она-то ждет от него поступка, то есть надеется, что он бросит Тори и переберется к ней в однокомнатную каморку, станет образцовым папочкой и мужем, наступит идиллия семейного счастья. В понимании Нелли. Уй, как пошло, а главное, с его планами не совпадало.

– Который час? – осведомилась Нелли ни к селу ни к городу.

– Второй. Половина второго. – Он повернулся на бок, подпер голову рукой, кипел, само собой, но кипение загнал внутрь. – Ах да-да, тебе нужно соблюдать режим... витамины... Детка, мы же с тобой условились: я не брошу Тори и детей, ты согласилась...

– Помню.

Но свела бровки. Личико стало страдальческим, чего Роберт не выносил. Женщинам кажется: выставит напоказ чувства, ее пожалеют, пойдут на уступки, лишь бы она была довольна. Не тот случай. Роберт не терпел давления ни в каком виде, любовница не для того существует, чтоб беременеть и вынуждать партнера лечь под ее каблучки.

– Почему столько времени молчала? – спросил он.

– Что бы изменилось? Мне тридцать лет, с каждым годом будет сложнее и решиться, и родить. Я же не заставляю тебя бросить семью, а с ребенком в твое отсутствие мне не будет тоскливо.

Уловки, типичные уловки глупой девочки. Ну, какая из нее жена? Нелли не обладает достоинствами Тори, которая умна, умеет себя подать, с ней не стыдно появиться где угодно: хоть в Кремле, хоть в Виндзорском замке. А у Нелли мягкий характер, она чувствительна в отличие от жены, Роберту не хотелось бы ее терять. Но потери неизбежны, разговоров будет... Ребеночка не скроешь, Тори обязательно узнает (доброжелатели наперегонки побегут докладывать), не стоит обольщаться, что она снисходительно отнесется к появлению у мужа потомства от любовницы. Опрометчиво Нелли поступила, уж если Роберту суждено будет сделать выбор, то чаша весов переместится не в ее пользу. Не могла позже сказать, перед отъездом назад, в поезде под стук колес и на разных полках проще было бы пережить удар.

– Все-таки ты должна была со мной посоветоваться, – только и сказал Роберт.

Не получив желанных обещаний, способных перевернуть жизнь ее и Роберта, Нелли провела ладонью по его щеке и повернулась на другой бок. Наверное, спрятала лицо, чтоб он не видел ее слез – тоже пошлость.

– Конечно, я негодяй, да? – психанул он. – Но пойми, это неожиданность, которую надо переварить.

– Переваривай. Спокойной ночи.

Откуда теперь ему взяться – спокойствию? Возвращаться надо, дома обдумать положение, иначе Нелли вынудит наобещать сахарные горы, а он к резким поворотам не готов, он их не хочет.

На рассвете Брасов и Тори забылись некрепким сном. Не так-то много времени прошло. Как раз когда сон становился глубоким, раздался звонок.

– Это тебе, – вяло проямлила Тори.

– Слышу, – заворчался он.

– Кто?

– Понятия не имею.

– Ты не выставляешь мелодию, чтоб знать, кто беспокоит?

– Не на все номера.

– Возьми трубку.

– Да ну их всех к чертям собачьим. О, перестали. Тори... – Брасов обнял ее, да и она прижалась к нему. – Ты не пожалеешь?

– Уже не жалею.

– Хочешь, брошу Зинку?

– Это предложение руки и сердца? – захихикала Тори.

– Именно. Хочешь?

– Так сразу? Я не люблю принимать скоропалительных решений, лучше повременить... Опять. Думаю, это срочно, раз звонят в такую рань. Возьми трубку, а то вдруг потом пожалеешь.

Несмотря на то, что Брасов натянул халат, пошел в первую комнату, где оставил пиджак, Тори слышала только его голос:

– Слушаю... Ты чего так рано?.. Нет, я не могу... Прости, прямо сейчас не могу. Позже нельзя?.. Да что случилось, ты скажешь, наконец?.. Ладно, намекни... Даже так? Сколько сейчас времени?.. Через час буду... Должен я хотя бы умыться и одеться? – раскричался он, негодуя. – Сказал: через час. Жди.

К его последней фразе Тори вышла, завязывая халат:

– Что случилось? Кто звонил?

– Наташка, – одеваясь, буркнул Брасов. – Сказала, случилось нечто ужасное, но отказалась говорить по телефону.

– Лешкин призрак приходил? – пошутила Тори.

– Не удивлюсь. Она вчера набралась как раз до той стадии, когда призраки чудятся. Кажется, Наталья записала меня в няньки, а я ведь не Лешка. Черт ее возьми! Один раз мне посчастливилось – и на тебе, Юрий Артемович, лети к несчастной, обиженной богом и людьми. Я закажу кофе.

– Заказывай.

Сделав заказ, Брасов наблюдал, как Тори одевается, а она в его глазах виделась неповторимой, поэтому робко сорвалось с языка:

– Я закажу номер еще на сутки?

– То есть ты приглашаешь меня еще на одну ночь?

– На всю жизнь, – уточнил он. – Но ты не согласишься.

– Почему же? Может быть...

– Тогда я договариваюсь с администратором.

– Договаривайся. Гулять так гулять.

Если бы у Брасова были крылья, он бы взлетел до потолка, нет, пробил бы крышу.

11

Наталью он застал на ступеньках возле квартиры. То ли она дремала, то ли задумалась, прикрыв веки, но, выйдя из лифта и подойдя к двери, Брасов увидел сиротливую фигурку. Он подошел к ней:

– Наташка...

– А! – вскочила та. Увидев Брасова, Наталья упала спиной на стену, покачала головой, опустив ее вниз, словно приходила в себя. – Это ты... А я испугалась.

– Здравствуйте вам! – фыркнул он. – Разве ты не меня ждешь?

– Тебя, тебя.

– Почему торчишь на лестнице?

– Идем, Юрка, в квартиру, кое-что покажу.

Наталья открыла дверь, вошли, но она указала глазами на комнату, Брасов прошел, остановился в проеме и оглянулся с немым вопросом, мол, что тут я должен увидеть?

– Посмотри на стол.

Она произнесла фразу трагически, дрогнувшим голосом, притом выглядела нелепо. Усмехнувшись, Брасов перевел взгляд на стол... Чистая полированная поверхность, а на ней... В замешательстве Брасов приблизился к столу, чтоб не ошибиться, затем снова оглянулся. И на этот раз Наталья поняла его вопрос, она обошла его, стала так, чтоб видеть столешницу, и облокотилась плечом о застекленный книжный шкаф.

– Я проснулась сегодня на рассвете от того, что хотела пить, – начала она. – Сходила на кухню, выпила воды и вернулась с полным стаканом, чтоб ночью далеко не ходить. Поставила его на стол, не обратив внимания на... это, – указала подбородком Наталья. – Снова легла и заснула. Проснулась около восьми, встала и хотела взять стакан... Тогда увидела. Ночью здесь кто-то был и положил.

– Почему ты так думаешь? – Мысленно Брасов прошелся по лицам всех, кто вчера поминал Лешку, подозревая, что кто-то из них оставил браслет на столе.

– Потому что вчера его здесь не было! – выкрикнула Наталья со слезами. – Не настолько я была пьяна, чтоб ничего не видеть. Тори ушла последней, я закрыла дверь на два замка, потом принесла подушку с одеялом, потом легла и заснула. Стол был пуст, поверь, пожалуйста. Я

помню, Юра. Представляешь, как мне стало... гадко. Я спала, а кто-то вошел в квартиру... ходил по этой комнате... а я не почувствовала, ничего не слышала. Со мной могли сделать все, что угодно. Юра, как он вошел? Как он вошел, если дверь была заперта на два замка? Как увидела я этот браслет, кинулась к выходу, не могла здесь находиться... боялась. Мне казалось, этот человек еще здесь. Но дверь, Юра, была заперта! Будто сюда не входили! Но кто-то вошел! Кто-то же положил этот браслет! Я позвонила тебе...

– Не реви. Паникуешь зря.

Брасов метнулся в прихожую и, чтоб лучше видеть, включил свет. Он тщательно осмотрел дверь с обеих сторон, но замки, в которых легко поворачивались ключи, он проверил, не выдали способа проникновения в квартиру.

– У кого еще могут быть ключи?

– Только у меня. Лешкины тоже у меня.

– Ты уверена?

Она не ответила, лишь выразительно взглянула на него, дескать, мне ли не знать. Брасов задумчиво потер небритый подбородок и попросил:

– Свари кофейку. И поешь чего-нибудь... я не завтракал.

Наталья двинула в кухню, Брасов, взяв браслет со стола, последовал за ней, сел на стул и перебирал пальцами бусинки. Она поставила на огонь турку, достала из холодильника тарелки с едой, которую вчера не съели.

– Я не все рассказала, – произнесла Наталья, уходя из кухни. Вернулась она с жакетом. – Помнишь, звонила тебе на следующий день после похорон?

– Не помню.

– Я спросила, был ли ты на кладбище. А помнишь, я отдала тебе такой же браслет?

– Да, он в другом пиджаке лежит.

– Вот. – Наталья достала из кармана еще один браслетик и положила его на стол. – Это я нашла на Лешкиной могиле, на перекладине креста. Думала, ты его положил, позвонила тебе, а ты на кладбище не приезжал.

Брасов повесил на пальцы оба браслета, сравнил – один к одному. И не сомневался, что в пиджаке лежит точно такой же, значит, по счету третий. Кто-то шутит, нехорошо шутит, зло.

– Юра, что означают эти бусинки? – Закипел кофе, часть с шипением пролилась на плиту. Чертыхнувшись, Наталья подхватила турку. Разлив кофе по чашкам, она села напротив Брасова. – Почему ты молчишь? Раз их подбрасывают, хотя...

– Подразнить, – огрызнулся он. Но, заметив, что его грубость огорчила Наталью, положил ладонь на ее руку и мягко сказал: – Наташка, я не знаю, кто и чего хочет, подбрасывая браслеты. Ты больше не ночуй здесь.

Она не договаривала, и он решил не открывать перед ней душу с поселившимися там страхами. Во-первых, не хотел выглядеть малость сумасшедшим, а только так она расценит его фантастический рассказ о преследовательнице в блекло-красном плаще с дивными волосами. Собственно, девочка перестала его преследовать, возможно, ее вообще не было, всему виной его больное воображение... Ну и как об этом рассказывать, когда сам признает: больное воображение? Во-вторых, кто такая Наташка? Для него никто, близкими друзьями они не были, все терпели ее из-за Лешки, сама по себе она никому не интересна. В-третьих, Наталья догадывается, на кого указывает браслет, но молчит, почему же он должен обсуждать с ней эту тему? При всем при том, пожалуй, впервые Брасов серьезно задумался над внезапным и необъяснимым уходом Лешки из жизни. Что заставило его прыгнуть с балкона? Не в браслетике ли причина? Но Лешки нет, а есть Брасов, Наташка...

– Может быть, ты прав: хотят подразнить, – сказала она, прервав его рассуждения. – Но почему меня?

Ответить – значит углубиться в тему, которой он избегает и делает вид, будто не понимает, что все это значит: кто-то знает их тайну.

– Дураков много, – отмахнулся Брасов, отставил пустую чашку, к еде он так и не притронулся, аппетит пропал. – Собирайся, отвезу тебя домой, извини, мне пора на работу. Я заберу браслеты?

– Забирай. Только знаешь, что мне кажется? – Брасов не хотел слышать, что ей кажется, потому что наверняка ему пришла в голову та же идея, он не ошибся. – Браслет, Юра, появится. Еще один... или два... или три... Не в том дело.

– А в чем?

– Я не зря нашла такой же браслет, когда Лешка... Если кто-то так легко зашел сегодня ночью в квартиру, то не исключено, что тогда он же был здесь.

– Тебя не убеждает медицинская экспертиза?

– Убеждает, – закивала она вяло. – Но теперь подсовывают браслет мне, значит, настала моя очередь...

– Не болтай ерунды! – подскочил Брасов, а самого пот прошиб. Кому браслеты, а кому видения, неизвестно, что хуже. – Выдумала тоже: ее очередь! Это у тебя на нервной почве заклинило, посиди дома, отдохни. Возьми отпуск за свой счет.

– Ты в своем уме, Юра? Меня с работы попрут, если я в начале учебного года в отпуск попрошусь. Ладно, справлюсь. Поехали. Не хочу здесь оставаться. Хорошо хоть, сегодня у меня вторая смена и всего два урока.

Он лично закрыл дверь на оба замка, подергал за ручку на всякий случай, удовлетворенно крякнув, пошел к лифту.

Подбросив до места Наталью, Брасов подумал, что сегодня девчонка будет опять стоять у киоска. Всю дорогу внутренне готовился к встрече, а киоск одиноко высился у дороги, ни пятнышка красного Брасов не заметил. Он вглядывался и в лица, ведь она могла сменить одежду, но похожей девушки не было.

Дома Тори выпалась, перекусила чашкой кофе и бутербродом, изучая бумажку, которую ей дала бабуля. На листочке выведена каракулями фамилия с инициалами предыдущего жильца, у которого сын старухи купил квартиру, больше ничего. Ну, еще отдала платежку столетней давности, хотя для чего Тори выпросила ее? И фамилия не распространенная, а в справке сказали, что лиц с этими инициалами аж три человека. Нужны полное имя с отчеством, а также год рождения. И где это все взять, тем более когда прошло много лет? Соседей поспрашивать? Может, среди них есть такие, кто дружил с Чернобаем В. Г. и продолжает дружить, или хотя бы перезванивается.

Не забыла Тори перетрясти почту, опять пусто. Что это все значит? Практически подряд пришло два извещения на бандероли, теперь тишина. Ведь с какой-то целью их прислали, понятно, что это напоминание, но зачем? Чего они (он, она) ждут от Тори? И последний вопрос: кто? С вопросами она определилась, с ответами... Ответы, вероятно, последуют позже от тех, кто прислал напоминание. Но хотелось бы упредить их действия. Только восстановив цепочку покупателей квартиры, можно что-то нащупать. Как это сделать?

Тори закурила...

Покуривать она начала в конце девятого класса, поначалу не нравилось – и подташнивало, и голова кружилась, отвратительное послевкусие долго держалось во рту. Потом втянулась. Много не курила, так, две-три сигаретки в день, чтоб привыкнуть. По мнению Тори, сигарета в тонких женских пальчиках придавала шарма, независимости, сблизжала во время общения и... выросли. Но при всем жгучем желании независимости и стремлении к взрослости Тори пряталась где угодно, лишь бы ее не

застукали.

Многие родители, выбирая платье на выпускной вечер, исходили из целесообразности, чтоб потом оно не висело в шкафу, а вошло в разряд нарядных. И все же большинство девочек были в белых, а среди них выделялась роскошью Тори в заграничных кружевах, Юрка Брасов дара речи лишился, глядя на нее нецеломудренными глазами. Отличилась и Женька, сшила-таки отличное платье, правда, скромное, но сочетание белого и красного цветов сделало ее яркой. Все волновались перед получением аттестатов, Тори попросила Женьку покараулить ее за углом школы и быстренько выкурила сигаретку. Когда они вбежали в актовЫй зал, там уже яблоку негде было упасть. Медалисты удостоились чести получить аттестаты первыми. Директор вызвала сначала Глеба. Перед вручением с гордостью сказала:

– Дорогие родители и выпускники, я держу медаль высшей пробы, золотее ее не было и не будет. Своим трудом, упорством, талантом Глеб заслужил ее по праву. Он и товарищ прекрасный, и на всех олимпиадах побеждал, и спортсмен. Держи, Глеб. Если б в исключительных случаях давали бриллиантовую медаль, она была бы твоя.

– Ах, ах, ах, чуть не прослезилась, – съязвила Тори.

А вручая медаль ей, директор повела носом – учуяла сигаретный запах, несмотря на обилие духов, которые вылила на себя девушка. Но теперь-то ее власть закончилась, Тори улыбалась ей, как в журналах.

У Женьки было две четверки (не совсем справедливых). Получив аттестат, она вздохнула с сожалением:

– Не дотянула даже на серебро. Алгебра и физика меня доконали.

– Это физичка с математичкой тебя доконали, – ввернула Тори. – Станешь знаменитым модельером, наши училки еще будут гордиться тобой и говорить, что знали: из тебя получится выдающаяся личность.

– Теперь все экзамены придется сдавать, а так – всего один.

– Ты-то сдашь. А я боюсь, что и один провалю.

– Не провалишь.

– Конечно, мамуля с папулей заплатят. – Стоя на пороге большой жизни, Тори уже была слегка циничной, а также прозорливой. – Наступает власть денег, Женька, они будут решать все – кому учиться, кому руководить, кому иметь здоровье, а кому под забором сидеть с протянутой рукой.

– А папа говорит, начинается власть негодяев и дураков.

– Одно исключает другое. Да, деньги плодят негодяев, но дураки не умеют их делать. Ох, когда эта мура закончится? Надоело.

После вручения ринулись за накрытые столы, многие бывшие школьники впервые попробовали спиртное, но с прыжка через запреты начинается взрослая жизнь. Тори умудрилась наклюкаться, в туалете разревелась, а слезы и она вещи несовместимые. И не говорила Женьке с Наташкой, чем вызваны рыдания, безусловно, причина была веская, но Тори лишь зло вымолвила, утирая платком слезы:

– Отдамся первому встречному.

– Не болтай, – сказала Женька.

– Не веришь? Мне не веришь?

– Лучшие пости часок, скоро рассвет, как раз придешь в норму.

– А я хочу и сделаю.

Тори вышла в коридор. Чуть в отдалении сидел на подоконнике Юрка Брасов, следовавший за ней по пятам. Она к нему, приказала:

– Иди за мной.

– Куда? – Юрка с готовностью спрыгнул с подоконника.

– Узнаешь.

– Тори! Тори, остановись! – кричала Женька.

– Отстань!..

– Мама! – Вадька кинул ранец на диван, шмыгнул носом. – Можно, я пойду к Саньке?

– Почему ты один вернулся из школы? Где Катя?

– У нее танцевальный кружок. Ма, можно?..

– Сначала обедать, – строго сказала Тори.

– Ну, ма... Я у Саньки...

– Нет. Скажи тете Ане, чтоб покормила тебя.

Домработница появилась без зова (Тори вышколила ее) и увела мальчика. А хозяйка вновь погрузилась в думы: как найти Чернобая? У Брасова спросить, какие существуют пути поисков. М-да, недооценила Юрку в свое время, хотя считала на два-три хода вперед, он куда предприимчивее Роба, между прочим, и в постели больше навыков. Вот тебе и увалень!

Сентябрь заканчивался дождями и серой подсветкой. Серый асфальт, темно-серые здания, блекло-серое небо... Только листва на деревьях, еще зеленая, но уже тронутая желтизной, раскрасила убогость. Полил обложной и холодный дождь, это надолго, так ведь осень, пора. Но приятного мало.

Поежившись от сырости и холода на пороге школы, Наталья раскрыла

зонт, бросив взгляд в конец школьного сквера. Никого. Нет, ошиблась. Черный монумент без зонта под проливным дождем стоял у ворот.

– Опять! – процедила Наталья и решительно направилась к старухе.

Примерно на половине пути та, явно заметив, что училка идет на нее, вышла за ограду. Наталья ускорила шаг. Когда очутилась за воротами, увидела старуху на углу, она приостановилась и оглянулась. Теперь у Натальи не было сомнений: черная ворона караулит ее.

– Послушайте, женщина! – крикнула она. – Подождите!

А старуха – шмыг за угол, вероятно, глухая. Или намеренно не хочет разговаривать? Зачем тогда ждет ее каждый день, сканируя глазами? Наталья побежала к углу, надеясь догнать, но преследовательница бесследно пропала. Улица пуста, здесь и машины ездят редко, куда ж она делась? Такси поймала? Непонятное поведение, странное. Наверное, бабка не в своем уме, видит в Наталье что-то знакомое, а заговорить не решается по причине сдвига.

12

– М... – сладко потянулась Тори, улыбаясь новому дню и Брасову.

– Выспалась? – Он навис над ней.

– Угу. – Тори положила ему руки на плечи. – Юрка... мне так здорово...

Ей действительно хорошо, а будет еще лучше, когда... Впрочем, желательно ничего не планировать, ведь заманчива сама перспектива, ее не следует загонять в придуманные рамки, потому что неизвестность заставит ориентироваться на месте. В этом самый смак. И в настроении – оно обещает быть великолепным.

Юркины губы задерживались на ее лице, шее, груди, вызывая после короткого сна отток мыслей и приток энергии иного свойства. Тори позволила себе подключиться, вероятно, ее подогревал факт тайного сговора, когда получаешь удовлетворение от сознания изощренной мести. А осознание ведет к раскрепощению и физическому блаженству – это так естественно. Тори всегда тяготела к запретному плоду, однако, надо отдать ей должное, держала себя на коротком поводке, не разрешая распусться. А ради чего?

Утомленные, но довольные Брасов и Тори принялись одеваться.

– Юрка, тебе противопоказаны большие нагрузки, никак не отдышишься, – заметила она.

– Я ловлю момент, пока твой каприз упал на меня. Лучше умру на тебе, чем...

– Чем где?

– Чем под Зинкиным боком, слушая ее шипение.

– А если она узнает?

– Подавится собственной слюной. Или отравится. Нет, то и другое вместе. – Брасов притянул ее, крепко сжав. – Ты не ответила. Хочешь, брошу ее, построю нам хатку в три этажа, хочешь? Я даже похудеть могу, чтоб тебе больше нравиться.

– Не знаю, Юра, пока не знаю. Нужно время. Нам обоим нужно.

– Мне нет. Ладно, я вызвал водителя, отвезу тебя.

– Ты что, он же расскажет твоей Зинуле...

– Хм! Мой водитель нем и глух, когда надо. Да и не боюсь я Зинки.

– Ну, ты закусил удила.

Брасов закрыл номер, а когда шли по коридорам, она вспомнила:

– Я хотела тебя спросить. Как найти человека?

– Какого?

– Неважно, потому что не он один меня интересует. Такая ситуация: есть квартира, но она переходила от продавцов к покупателям, нужно восстановить цепочку до первого продавца. Как это сделать?

– Понятия не имею. Попробуй в Федеральную регистрационную службу обратиться, они могут поднять документы, не задаром, конечно. Если не выйдет, подумаем, как быть.

– Спасибо, я до этого не додумалась.

– Эх ты, а еще юрист.

– Ну, случается провал в памяти. А на улице дождь, со вчерашнего дня льет.

– Когда увидимся?

– Юра, ты хоть дома появишься, – рассмеялась она. – Отдохни. Я не хочу, чтоб ты умер. Ни на мне, ни вообще.

От машины Тори перебежала к дому, отряхнула зонтик и вбежала в прихожую. Сбросив туфли, сунула ноги в тапочки, повесила плащ...

– Где ты была?

Тори повернула голову – мама родная! Роб!

– А что, прошло четыре дня? – изумилась она.

Опа! Это называется: мы вас не ждали, а вы приперлись. У Роберта непроизвольно задергалось правое веко.

– Я закончил дела раньше. Приезжаю домой, а тебя нет... между прочим, ты не ночевала дома, я по состоянию спальни определил.

С сумкой и одетая, хлюпая носом, из комнат вырулила Аня.

– Что такое? – озаботилась Тори. – Что случилось? Аня, вы куда?

– Я уволена, – потупилась та.

– Да, я ее выгнал, – задиристо сказал Роберт. – Спрашиваю, где ты, а она мне ни слова, партизанка хренова. Иди, иди, – бросил он домработнице.

– Стойте, Аня, – елейным голосом произнесла Тори. – Увольняю и беру на работу я. Роб, запомни: Анна уйдет только вместе со мной. Идите в дом, Аня, и займитесь своими делами.

У Роберта челюсть упала вниз, а жена прошествовала мимо него в кухню, взяла тарелку и начала перекладывать из кастрюль еще теплые блюда, которыми Анна кормила детей перед школой. Он приплелся за ней и не нашел слов, чтоб выразить возмущение. Ведь видно же: жена где-то шлялась!

– Ты будешь завтракать? – бросила через плечо мужу. – Лично я умираю от голода.

– Пожалуй, – выдавил Роберт.

Зная его любовь к обильному завтраку, Тори достала ветчину и два вида сыра, мигом нарезала, поставила на стол сливочное масло, печеночный паштет – выбирай, что душа пожелает. И желудок.

– Минуточку! – что-то вспомнила она и умчалась.

Роберт был, мягко говоря, озадачен, но за то небольшое время, что она отсутствовала, мало-мальски пришел в себя. Тори вернулась с сумочкой, кинула ее рядом на стул, словно после завтрака собралась опять убежать, и придвинула к себе тарелку. Роберт, уложив руки на стол, к еде не притронулся, а задал прежний вопрос:

– Так где ты была?

– На рыбалке, – не задумываясь, ответила жена. – Сделать тебе бутерброд?

– На рыбалке?! Какая рыбалка в эдакую погоду? И когда ты отправилась... рыбу ловить?

– Вчера вечером. – Как ни в чем не бывало Тори положила ему на тарелку бутерброд с паштетом.

– В костюме от Версаче? И в модельных туфлях?

– Не пойму, ты меня в чем-то подозреваешь?

– Да уж, подозреваю, – процедил Роберт, став багровым, что должно было по идее привести Тори в чувство. – С кем же ты удила... рыбку (особо подчеркнул он) в дорогушем костюме и туфлях на шпильках?

– А разве я спрашивала когда-нибудь, с кем ты удишь... рыбку? – Тори тоже сделал акцент на «рыбке». – Вот и ты не спрашивай.

– Моя жена не ночевала дома, между прочим, в мое отсутствие! А я не имею права спросить, с кем она была?

– Не имеешь, – улыбалась Тори, будто речь велась не о ней. – Потому что сам не ночуешь дома в мое присутствие, между прочим. Ты кушай, кушай.

– Я тебя всегда предупреждаю, в каком месте буду находиться и с кем, – прорычал он, сатанея. Тори издевалась, хотя к ней трудно придраться, но он-то знал, что это за рыбалка.

– В таком случае, предупреждаю: скорей всего, сегодня я... распишу пульку. Преф дело долгое, следовательно... не жди меня до утра. Не понимаю, чем ты не доволен? Я же говорила: теперь буду ходить на рыбалку, на футбол...

Роберт стукнул по столу ладонью, подскочил, опрокинув стул, который

сделал небольшой кульбит в воздухе. Тори лишь слегка вздрогнула и продолжила завтрак, а он ходил, ходил, пока в кухню не заглянула Анна:

– Простите, я слышала грохот... Что-нибудь случилось?

– Нет-нет, Аня, ничего, – сказала хозяйка. – Это Роберт Павлович стулья бросает.

– Пошла вон! – гаркнул он домработнице.

Анна плотно прикрыла дверь, а Тори сделала ему замечание:

– У тебя скверные манеры.

– Манеры? – взбеленился Роберт. Его перекосило от гнева, негодования и оскорбления. – Какие манеры, когда у меня растут рога! Я чувствую их вот здесь! – постучал по лбу несколько раз. – Признавайся, я рогат? Ну, ну же, я жду. Я рогат?

– Да, – просто и скромно сказала она, настолько просто, что ее «да» больше соответствовало согласию на предложение выйти замуж.

Внезапно отчего-то успокоившись, а может, не веря в свершившийся факт и взяв паузу для осмысления, Роберт выпрямился. Всего, что угодно, он ожидал, но не этого.

– Не-ет, – протяжно произнес он.

– Да. Да. Если ты не слышал, еще раз повторяю: да.

А Брасов находился в это время на подъеме, чувствуя в себе безграничные силы с возможностями. Что бы ни утверждали скептики, существует стихия, способная перевернуть все с ног на голову или, скорее, наоборот. Брасов чувствовал себя крепко стоящим на ногах. Вот что значит – в руках та, которая дает толчок к высвобождению. Одновременно он не исключал, что Тори не решится изменить свою жизнь, проще говоря, уйти к нему. Брасов отдает себе отчет, понимая: это сделать непросто. Но он стал другим, и как бы ни сложилось, прежним уже не будет.

Единственный раз Брасов напрягся – когда проезжали киоск. Нет, только не сейчас. Снова увидеть ее, снова ощутить терпкий привкус вины и не задаваться вопросами: кто она, откуда, что означают ее появления? Разумнее было бы изменить маршрут и ехать в объезд, пусть больше времени уйдет, но... Вот именно, но! Тогда Брасов не увидит ее, не сможет проследить за ней, не узнает, что она затеяла.

Он напрягся до такой степени, что, отстегнув ремень безопасности, подался к лобовому стеклу, по которому туда-сюда ходили дворники, убирая потоки воды.

– Вы кого-то ищите? – полюбопытствовал Игорь.

– Нет... – неуверенно сказал Брасов.

Неуверенно, потому что ждет и в то же время не хочет видеть.

– Я почему спросил: здесь останавливаться нельзя.

– Знаю, знаю, – отмахнулся шеф.

Есть! То есть проехали киоск, а девчонка не показалась! Может, не заметил ее? Брасов оглянулся и смотрел назад до тех пор, пока киоск не исчез из поля зрения. Нет, не заметил, а она всегда старалась быть на виду. С облегчением Брасов упал спиной на сиденье, зажмурился и тряхнул головой, чтоб выбросить девчонку из головы. Кто-то пошутил. Глупо и неудачно пошутил, а потом испугался. Юрий Артемович Брасов не какой-то там вахлак, он уж если возьмется выяснять имена шутников, то, будьте покойны, выяснит. Тогда держитесь, ибо пощады не дождетесь.

Однако на смену эйфории пришло беспокойство: у Лешки браслетики появляются таинственным образом, ему девица является – не одних ли рук это дело? Лешки уже нет на свете... а браслетики Наташка находит в его квартире. Может, она права, теперь подкидывают черную метку ей? А ему, Брасову, что тогда грозит? Ерунда, Лешка погиб по дурости. Связывать его смерть с паршивыми браслетиками, которые ни одна современная девочка не станет носить даже за плату, полный идиотизм. В таком случае, кто их подбрасывает после его смерти, для чего? Наверняка подбросит еще... А ведь есть способ поймать с поличным: нанять детектива, пусть он подежурит в Лешкиной квартире. Вот так, быстро и легко, Брасов находит верный путь к решению задачи, а сейчас хватит голову ломать.

В приемной Лина держала трубку возле уха. Вскинула на него глаза, кому-то сказала перепуганно:

– Он пришел... зашел только что... – Зажав трубку ладонью, шепотом и вытаращив глаза, будто Брасову звонили из Министерства обороны, сообщила: – Это ваша жена! Хочет вас слышать!

– Переведи в кабинет, – открывая дверь, бросил он. И не торопился взять трубку, сел в кресло, закурил, глядя на телефон с неудовольствием, жутко не хотелось портить себе настроение. Но трубку снял. – Это я, слушаю.

– Ты что себе позволяешь?.. – взяла агрессивный тон Зина.

– Пока ничего. Но берегись, если позволю.

– Ты в своем уме? Что с твоим сотовым? Я звоню ему (Брасову, надо полагать), а он недоступен! Дома не появляется несколько дней подряд! Что мне, скажи на милость, думать?

– Что хочешь.

– Я не намерена терпеть...

– Не ори, – на спокойной ноте перебил он.

– Все, с меня хватит! – ни на йоту не снизила тон Зина. – Совсем совесть потерял! Сегодня приедешь домой, поговорим.

– Не приеду.

– Что-что? Ты... ты... Я подаю на развод!

– Заметано. – И положил трубку, да тут же и забыл о диалоге, существуют куда более важные проблемы. – Детектив, детектив... – Брасов нажал на клавишу переговорного устройства. – Лина, найди мне номер телефона детективного агентства, срочно.

К третьему уроку шла Наталья, правда, не спешила, времени полно, но по привычке сократила дорогу через школьный сквер, и вдруг... Нет, это не вдруг, а нервирующее постоянство. Чертова старуха! Пристроилась под деревом прямо на травке, опять без зонта, словно дождь ей нипочем! Кажется, наизусть выучила расписание Натальи, во всяком случае, попадаетея ей точно по часам. Чего добивается эта старая ведьма, глядя на нее с немым укором? Где Наталья перешла ей дорогу? Ну, сегодня черной вороне не удастся уйти. Невзирая на открытые туфли, пойдет по мокрой траве, ноги промокнут, – Наталья свернула с дорожки и решительно пошла к преследовательнице. В раздевалке у дежурной есть сменная обувь, она долго не задержится и простуду не схватит.

Старуха не стала дожидаться училки, приподняв подбородок, будто зовя ее за собой, развернулась и зашагала через сквер к третьему выходу, пробитому хулиганьем в ограде. Это ж надо – железные прутья вывернули, еще и камни в фундаменте разбили, чтоб не задираь высоко ноги, переступая! Виновников не нашли, но через лаз ходят школьники и учителя. Наталья прибавила скорости, почти нагнав старуху, решила для начала быть вежливой:

– Послушайте, я вас запомнила еще с кладбища. Вы каждый день встречаетесь мне. У вас какое-то дело? (Старуха молча шагала, не оборачиваясь.) Но вы ведь меня ждете... Значит, вам что-то нужно?... Слушайте, это становится смешно. Вы кто, как ваша фамилия?... Ах, так? Не хотите разговаривать со мной? Тогда пеняйте на себя, в следующий раз, если увижу вас, вызову милицию, скажу, что вы преследуете меня...

Узкая намокшая спина замерла. Ага, старуха остановилась, угрозы подействовали на нее. Она медленно повернулась и врезалась в Наталью белесыми глазами с маленькими точками зрачков, выражающими абсолютное бездушие, могильный покой. Вероятно, так смотрит из глаз умершего смерть – в никуда, одновременно в живого человека, видит его насквозь, знает о нем все. Мороз пробежал по коже, но Наталья

капитулировать и не подумала, пора покончить с этими действующими на нервы многозначительностью встречами. Пауза была совсем недолгой, Наталья сухо сказала:

– Я слушаю вас.

Тонкие бесцветные губы старухи в мелких вертикальных морщинах, из-за них не видно самих губ, разомкнулись и четко произнесли:

– Ты умрешь.

Наталья опешила. Она ждала жалоб, причитаний, просьб, а то и нападок по известному поводу: внук или внучка страдают от тирании учительницы географии, предмета третьестепенного, чтоб из-за него мучить деток, а услышала...

– Что? – переспросила Наталья.

– Ты умрешь, – безжалостно повторила старуха. – Скоро.

Она очнулась, когда ведьма взялась за прутья ограды, переступая каменный фундамент и чуть приподняв мокрую юбку, притом оглянулась. Кинув взгляд в Наталью, то ли ослабилась, то ли еще что-то прокаркала, шум ливня помешал расслышать, старуха перебралась за ограду.

Некоторое время Наталья смотрела ей вслед, черные одежды постепенно растворялись в завесе дождя, как растворяется капля краски в стакане воды. Все, растаяла. А была ли? Сказала ли страшное пророчество? Была, была... Иначе ком ужаса не сдавил бы горло, не опустился бы в низ живота, выжигая внутренности, не стиснул бы по всей длине позвоночник, обдавая холодом спину.

Внезапный порыв ветра растормошил деревья, с них хлынула потоком вода на зонт, это как-то привело Наташку в чувство. Она поторопилась в школу, где тепло, бубня вслух:

– Она мне угрожала... Что это значит – я умру? Меня хотят убить? За что? Откуда взялась проклятая ведьма? Она сумасшедшая. Ходит и пугает людей. Ну, погоди, в следующий раз я не милицию, а неотложку вызову, тебя надолго законопатят в дурдоме.

В раздевалке пришлось снять колготки, дежурная предложила повесить их на батарею. Пусть еще не топят, все равно успеют высохнуть.

– Вы бы сапожки надели, – посоветовала дежурная. – Погода-то дрянь, заледил дождь на неделю, а то и больше.

– Какие сапожки? – вяло проговорила Наталья. – Впереди октябрь, у нас он теплый.

– Теплый-то он теплый, да не всегда. Видите, как в этом году рано похолодало? Чайку горяченького попейте в столовой, чтоб не простудиться.

– Да-да... Попью...

13

– Не переживай, пока твои рога значительно меньше моих, – добивала ошарашенного мужа Тори. – Но, как говорится, лиха беда – начало.

По ее поведению Роберт не мог определить, назло она это говорит, решив его проучить, или на самом деле изменила ему. Ну, кто из здравомыслящих людей признается в измене? Так не бывает, отрицают все без исключений, даже если застукают в постели, говорят коронную фразу второй половине: «Это не то, что ты думаешь». Когда он уезжал, все было нормально, ну, Тори немножко рассеянная, такое бывает с каждым человеком. Что же случилось? Нет, Тори лжет, придумала любовника из страха, опасаясь, что ее муж бросит. Некоторые излишне смелые женщины таким образом будят ревность, а большинство мужей ведутся на поводу и либо затихают, либо жене и любовнику устраивают мордобой.

– Кто же он? – задал вопрос Роберт, полагая, что она не назовет имя, которого нет и не может быть.

– Брасов. Юра Брасов.

– Ха-ха-ха... – ядовито рассмеялся Роберт. – Не могла получше найти? С этим бегемотом?

– Что значит в твоём понимании – получше? Оценка всегда относительна, лично мне Юра нравится. Бегемот, говоришь? Несправедливо. Комплекция не мешает ему быть нежным, ласковым, любящим, он углубляется в процесс. А ты наскочишь, быстренько сделаешь свое дело и – спать. Если все бегемоты подобны Брасову, то я, пожалуй, пересплю с целым стадом.

– Замолчи! – процедил Роберт, стиснув зубы.

– Кстати, чтоб ты окончательно убедился в правдивости моих слов, а то ведь, вижу, не веришь, я скажу, где мы были. В двухкомнатном номере под громким названием «апартаменты» в гостинице «Орхидея». В этом номере оттягиваются наши большие люди от чиновников до бизнесменов. Хотя кому я говорю? Тебе-то «Орхидея» хорошо знакома, как и номер, ты не раз бывал там со своими бабами. Или тебе описать, что и где там находится? С чего начать? С самовара? С ковра на полу в первой комнате? Лучше с одалисок на картине, да?

У, проклятые слова... Они имеют сокрушительную силу, лишают контроля и требуют немедленной сатисфакции. Что может быть

доказательнее одалисок и самовара – деталей, на которые не всякий обращает внимания? Стоило Роберту услышать подлые слова, как его теория о несуществующем любовнике рухнула. Будучи не в состоянии сдержаться, он схватил сковороду, замахнулся...

– Стой! – тихо, но весьма внушительно сказала Тори. – Попробуй только ударь, пожалеешь. Очень пожалеешь.

Но замах сделан. Роберт от души бахнул сковородкой о стол. Ручка согнулась. Но этого же мало, душа просила разрушений! Он запустил сковородку в стену, а стены завешаны кухонной утварью, посыпались шумовки, половники, разбились декоративные тарелки.

– Силен, силен, – подытожила Тори бесцветной интонацией.

Впрочем, за все время изнурительного, болезненного для Роберта диалога она ни разу не перешла на язвительный, обвинительный или обиженный тон. Как будто ее все это не касалось! Обессиленный Роберт плюхнулся на стул, взялся за голову:

– Это конец. Ты понимаешь, что натворила?

– То же, что ты творишь регулярно на протяжении многих лет.

– А ты видела? – вскинулся Роберт. – Застукала меня?

Лучше б он промолчал. Для Тори настал долгожданный миг. Она взяла сумочку, на секунду замешкалась, что-то там выбирая, затем протянула мужу фотографии. Роберт недоуменно снял скрепку и перебирал... Нелли и он выходят из подъезда – общий план и крупный план. Он держится за дверцу, Нелли садится в такси, он садится...

– Это что, компромат? – ухмыльнулся Роберт. – Слабовато.

Тори молча протянула ему следующий набор из нескольких снимков – Нелли и он садятся в поезд, проводница проверяет билеты.

– И что в этом преступного? – кинул он снимки на стол. – Да, это моя сотрудница, однажды мы ездили в командировку...

– В спальном вагоне, где в купе всего два места.

Но убойную пульку Тори припасла напоследок, с ласковой улыбкой она отдала ему еще три снимка, неважных по качеству, но вполне смотрибельных – он и Нелли целуются на заднем сиденье такси.

– Это монтаж, – фыркнул Роберт. – Грубый монтаж.

– И это? – Она протянула последнюю имеющуюся стопку, более толстую, чем три предыдущие.

А на это Роберту нечего было сказать. Он поджал губы, придумывая объяснения. Но что подложить под объятия на перроне и поцелуйчики?

– На число посмотри, – комментировала Тори. – Субботнее, а не «однажды». И про монтаж не заливай больше, эти снимки сделала я

своими руками и нашим фотоаппаратом.

– Ты? – изумился он. – Опустилась до слезки?

– Опустилась, – с безразличием сказала она. – Потому что устала от вранья. А вы были так увлечены, что не заметили меня на перроне. Конечно, я позаботилась о своем внешнем виде, надела чужой плащ, очки, платок, взяла машину подруги, тем не менее вас ничто не отвлекло бы друг от друга. Ах как ты целуешь ее в шейку... А здесь – в уголок губ, она даже ротик приоткрыла от чувств. Трогательно. Плохо ее кормишь, уж больно худа. Но может быть, сексуальные услуги она оказывает на высший балл. Короче, Роб, ты прав: это конец. Вот фотоаппарат, там все кадры сохранены, можешь любоваться на досуге, мне они не нужны. А я пойду вздремну, у меня сегодня... преферанс.

Вскоре он услышал, как Тори звала домработницу:

– Аня! Аня, уберите кухню, пожалуйста.

Роберт попал в затруднение, что делать – понятия не имел. Отрицать снимки не поможет, если б не Тори фотографировала, можно было бы заплатить за липовую экспертизу и с гордым видом бросить ей в лицо, дескать, не виноват-с, оклеветали меня. Но вариант мимо. А больше всего Роберта точила измена. Да еще с кем? С Юркой Брасовым?! Толстозадым уродом? Своими толстыми губищами этот кусок сала целовал Тори! А то, что они оба, голые, делали нечто на кровати, вообще не укладывалось в сознании.

Притащилась Анна, Роберт рявкнул:

– Пошла вон!

– Мне сказали убрать...

– Пошла вон! – заорал он. – Позже уберешь!

Анну ветром сдуло. Роберт выпил стакан воды – не помогло загасить удар по самолюбию.

Он всегда был таким, с подросткового возраста, тогда-то и попробовал впервые женское тело. В отсутствие родителей друг десятиклассник снял проститутку на двоих и сначала сам с ней отправился в комнату, Роберт в это время, слушая характерную возню, подпрыгивал на стуле от нетерпения. Теоретически он был готов стать настоящим мужчиной, а на практике, когда настала его очередь, дрожал уже не от желания, от стыда. Краснея и бледнея, он разделся под неусыпным оком илюхи, курившей прямо в постели, скользнул под одеяло и не знал, что дальше делать, пардон, эрекция пропала. Деваха лет двадцати восьми с телесами доярки докурила, загасила в пепельнице

сигарету, повернулась на бок, подперла рукой голову, изучая долговязого молокососа, спросила с оттенком сострадания:

– Первый раз, что ли?

Стыд заливал глаза в прямом смысле, Роберт ничего не видел, перед ним расплывалось одно красное пятно, но что-то промычал несуразное, не помнил, что. Неожиданно шлюха крикнула, чтоб ее услышал первый клиент:

– За уроки беру дополнительную плату.

Роберту стало совсем нехорошо, он ведь представлялся, будто имеет кое-какой опыт, а она продала его.

– У него есть деньги, – откликнулся дружок.

– Да? – снова посмотрела на Роберта шлюха. – Где ж ты их берешь?

– Родители дают, – сознался он.

– И на секс?

Она явно подкалывала его, а Роберт уже не хотел секса и готов был с позором убежать. Шлюха взяла конфетку, развернула обертку, сунула ее в рот и, не торопясь, жевала. На тумбочке стояло вино и два стакана, она налила немного, протянула ему:

– Выпей. (Он не брал.) Пей, пей, поможет. Не комплексуй, все проходят через первый раз.

Так он впервые попробовал алкоголь. К счастью, вино было сладким и приятным на вкус, не вызвало отвращения, из желудка растеклась по телу горячая волна, дошла до глаз, наконец, Роберту вернулось зрение.

– Ну-с, приступим к обучению? – сказала шлюха, беря вторую конфетку. Жуя, она отдавала команды вместе с наставлениями: – Запомни, тебе главное – поднять своего пацана, чтоб торчал надежно, он как вскакивает от одной мысли, так же быстро и упасть может от другой. Для этого трогаешь телку, которую хочешь трахнуть, за все места. Бери меня за грудь... Не мни, будто тесто, нежнее, а то убежит... Но лучше за грудь цапать во время поцелуя, так ты и сам возбуждаешься, и свою телочку отвлекаешь. Целуя, отвлекаешь, понял? Поехали.

Роберт приложился губами к ее губам со вкусом шоколада, как видел, это делают в кино, засопел, слегка раскрепостившись от вина, и готов был приобщиться к таинству, но шлюха внесла коррективы:

– Не-не, целоваться надо, будто сожрать хочешь, будто лучшего куска в жизни не пробовал. Вот как... – Она присосалась к его губам ненадолго, оторвавшись, дополнила: – А руками вот так надо... – И по телу Роберта прошла, как утюг, задерживаясь на некоторых частях. – Эрогенные зоны здесь, здесь... Повтори. Только одновременно. Смелее.

Он оказался весьма способным учеником и, поскольку получил установку на смелость, превзошел ожидания. Лежали боком друг к другу, а тут без подсказок Роберт толкнул ее на спину, взгромоздился, тогда-то и почувствовал себя хозяином положения. Кроме того, в нем проснулись задатки звереныша, поймавшего дичь, жадного до крови, жестокого и безмозглого, над которым властвуют только инстинкты. Он пыхтел, похрюкивал и подвывал, а шлюха, имея достаточно опыта, чтоб не мучиться с молокососом, помогла ему завершить дело. Роберт рухнул ничком на соседнюю подушку, дышал с присвистом, полностью покрывшись потом, что было малоприятно. Казалось, лучше этим заниматься в ванной наедине с собой, а не с потасканной проституткой вдвое старше. Она щелкнула зажигалкой, закурила, одновременно поедая конфеты, и продолжила теоретический урок:

– Помни: бабы любят силу. Неважно, большой ты мужик или маленький, сила в способности и умении взять то, что хочешь, понял? Стимулировать нужно, чтоб телка не отказала тебе, а больше о своем кайфе беспокойся. Говорят, мужики сволочи и скоты... А по мне так мы все одной глиной мазаны, бабы больше лгут, прикидываются пушистыми, но попробуй, тронь их. Мужики правильно делают, когда гребут под себя. И ты греби. Ну, хочешь еще поупражняться?

– Хо... чу, – выдавил он.

А ведь не хотел. Но она им управляла, как марионеткой. Мало-помалу Роберт завелся при ее помощи, дополнительно просветившись, каким еще образом мужчины получают кайф. Но когда шлюха выставила счет... У Роберта столько денег не было, пришлось отдать вместе с деньгами золотую цепочку, дома сказал: потерял...

Видимо, тот первый опыт, который Роберт не любил вспоминать, сказался в дальнейшем на его отношениях с женщинами вообще и с Тори в частности. Наставления упали на благодатную почву, он усвоил, что работать нужно на себя, удовольствие стоит денег (разумных, конечно), почти всегда ему не хватало ощущения зверушки, поэтому увлекся разнообразием, оно раскрашивает эмоциональную сторону. При этом руководить собой позволял женщине, проще – стал ведомым, жене так и вовсе отдал власть в доме, возложив на ее плечи текущие заботы. Кстати сказать, Тори это устраивало, а ему было удобно считаться непрактичной стороной, которой положено потакать. Только он не заметил, как сросся со своими слабостями, что они стали его основополагающей чертой, хотя сам считал себя мужиком иерархического склада, мол, он стоит вверху,

остальные ниже и еще ниже, а то, что позволено ему, возбраняется Тори. Она не смела... но посмела! Его просто мутило от мысли, что жена изменила и теперь все пойдет наперекосяк.

Роберт выпил виски – стало вдвойне хуже, особенно когда он припомнил, как жена небрежным тоном бросила: «Ты прав: это конец». Что она имела в виду? Крах? Из-за чего? Раньше, что ли, не знала о его грешках? Какого черта сейчас взбеленилась? И когда успела закрутить с Брасовым? У Роберта настолько устроенный, налаженный быт, что менять его – катастрофа. Тори являлась и мощным подспорьем в делах, большинство проблем решала без него. Но Юрка, друг... Собачий сын, а не друг! Жирная свинья, подрывшая грязным рылом под фундамент Роберта!

Вторая порция виски дала маленькую надежду: Тори перегорит, остынет, оба простят друг друга и «это конец» плавно перетечет в начало с чистого листа, она же нарочно наставила рога, на самом деле не хочет конца. Мысль о рогах нестерпимо кусала.

Сухощавый детектив со впалыми щеками по имени Илья и примерно того же возраста, что и Брасов, выслушав задание, осведомился, указав подбородком на браслетики, лежавшие перед ним на столе:

– Чьи же это браслеты?

– Да так, носила одна... Бабка нацепила ей от сглаза, она и носила, не снимая. Один. А чьи эти, я не знаю.

– Где ж она сейчас? Та, которая носила? – не унимался Илья.

У него пронизательные темно-коричневые глаза, мешки под глазами оттянуты вниз – то ли его точит заболевание, то ли он пьет. Без сомнения, Илья неглуп, о чем свидетельствовали логические вопросы, которые для Брасова были – как серпом по одному месту. Понятно, как профессионала Илью заинтересовали причины появления браслетов. Даже если ради забавы их подсовывают, то все равно преследуют цель – разозлить, напугать, покуражиться. А это значит: неизвестные понимают, чем зацепить тех, кому браслет знаком. Сам по себе он не может сделать кому-то ни хорошо, ни плохо, следовательно, устрашают той женщиной, которой он принадлежал. И без причин не прыгают с тринадцатого этажа, а причины самоубийства неизвестны, тем не менее браслетики появляются в квартире самоубийцы, разве не загадочно? Брасов вычислил ход мыслей детектива, но один-единственный его ответ повлечет за собой сто вопросов, это ему совсем не нужно, поэтому сказал:

– Сначала поймайте тех, кто подкидывает браслеты в квартиру нашего покойного друга, а потом будем выяснять, где она, что это значит и так

далее. Можете подежурить в квартире круглосуточно несколько дней? Наталья будет завозить вам все необходимое. Вы не суеверный?

– Не суеверный, подежурю.

– Вот и ладно. Я позвоню Наталье, она отдаст вам ключи. Думаю, вам лучше одному туда зайти...

– Полагаете, за домом и квартирой следят?

– Да черт их знает, – пожал плечами Брасов. – Если мы хотим поймать этих людей, а я очень этого хочу, то разумнее проявить осторожность.

– В таком случае, позвольте мне взять помощника. Мы не знаем, сколько в квартиру приходит людей, не исключено, что это всего один человек, но и о нем ничего не известно. Каков он ростом, каковы его навыки – он же окажет сопротивление, поэтому надежней, если будет двое.

– Да хоть трое, я оплачу.

– Двоих достаточно: один отдыхает, второй дежурит.

Илья отметил: «Щедрость господина Брасова говорит сама за себя, значит, браслетки не воспринимаются как неудачная шутка, дело значительно серьезней. Он напуган».

– Постарайтесь ночью не зажигать свет, – в то же время говорил Брасов. – Это даст ощущение пустой квартиры, они станут смелее.

Созвонившись с Натальей, он лично решил познакомить Илью с ней – своих надо знать в лицо.

14

Слово есть зло, а вовремя сказанное слово оседает внутри и скребет страшно, больно. В связи с известными событиями Наташка расклеилась после пророчества старухи, тем более что бабка необычна по всем статьям – поведение, одежда, внешность. Словно посланница сатаны. Отдавая ключи, Наталья не очень-то обратила внимания на детектива, который поможет разобраться в чертовщине, а шарила беспокойными глазами по школьному скверу.

– Наташка, ты слушаешь меня? – спросил Брасов, заметив ее странное поведение.

– Да, – машинально ответила она.

– Что я сейчас сказал?

Наконец она увидела и услышала его, личико стало виноватым.

– А что ты сейчас сказал?

– Продиктуй номер сотового Илье, – не смог скрыть раздражения Брасов. – Он будет звонить, когда ему что-либо потребуется, а ты привозить. Деньги я дам. Врубилась или витаешь где-то?

– Врубилась. Извините, звонок на урок... Юра, у тебя есть мой номер.

– Ладно, беги. Ты все поняла?

– Поняла, поняла.

Урок начала с опроса по пройденному материалу. Слушая ученика, водившего указкой по карте и путающего Южную Америку с Африкой, она вдруг всем сердцем прочувствовала невероятную скуку. Каждый год одно и то же: страны и континенты, которых она никогда не видела и не увидит, тупые ученики, такие же тупые, но с претензиями, родители, ожидание звонка и перемены, горы писанины, заполнение журналов. Жизнь проходит в дикой скуке и чудовищном однообразии.

– Садись, два, – оборвала ученика.

Ткнула пальцем в список, попав наугад, и назвала фамилию. Поднялась девочка, вжала голову в плечи и робко напомнила:

– Вы меня на прошлом уроке вызывали.

– К доске, – рявкнула Наталья.

Еще одна тупица – ищет Амазонку, да не может найти. Скрестив руки на груди, Наталья прошла к окну – серость на улице куда привлекательней, нежели глупое лицо ученицы. В классе прокатился смешок, значит,

девочка показала не ту реку....

Наталья не обернулась, ее взгляд приковала старуха, стоявшая под окном, как надгробие. Невысоко, второй этаж, различимы ее бесцветные глаза, намокший шарф, облепивший впалые щеки. Одно то, что старуха не боялась промокнуть и простудиться, делало ее далекой от живого человека, пугающе ненастоящей. Наталья отпрянула от окна, выдохнув:

– Ведьма...

– Вы мне? – пискнула ученица.

Наталья развернулась к ней, придя в бешенство:

– Что ты мямлишь, что мямлишь? Неужели трудно открыть дома атлас и посмотреть, где Амазонка? Даже запоминать не нужно, само запомнится. Глазами! Иди на место, два! Всем читать четвертый параграф, вернусь – спрошу!

Выскочив из класса, она побежала вниз, потом по холлу. Выход... Угол школы... Старухи нет.

– Чертова ведьма! – Наталья дрожала, возвращаясь в класс, даже зубы стучали друг о друга. – Изводить меня надумала. Гадина... Чего пристала?

Но не забыла поставить в журнале рядом с четверкой жирную двойку девочке, потребовать дневники двух тупиц. И боялась выйти из школы, из-за туч на улице рано стемнело, не вопрос – кто ее там ждет, а вопрос – что?

Тори насмешливо вздернула вверх брови, наблюдая, как бесится Роб, встав у нее на дороге и не пуская:

– Ты не расслышал? У меня сегодня преферанс...

– Прекрати издеваться! – От ярости и бессилия он стиснул зубы, сжатые кулаки сунул в карманы брюк, чтоб не обрушить их на жену. – Вдумайся, что ты делаешь: уходишь на блядки и спокойно говоришь об этом мне, мужу! По мужикам бегают потихоньку, чтоб никто не знал. На это решаются редкие жены, потому что дело женщины – хранить дом, семью. А твое поведение ненормально, разрушительно!

– Положим, разрушать начал ты, к тому же о твоих похождениях знают все, в том числе и я.

– Неправда. Мои залеты редко случались, а ты... ты не боролась за меня. Никогда! – Не в состоянии больше сдерживаться, в то же время не рискуя ударить Тори, Роберт размахивал пальцем из стороны в сторону. – Сама отдавала меня...

– Не поняла, ты чемодан, чтоб тебя на время отдавать напрокат и забирать назад?

– В конце концов, я мужчина! И то, что позволено мне...

– Позволено и мне, – отрезала Тори зло. – Ты можешь воспользоваться моим отсутствием и поехать к своей метле. Уйди с дороги.

Роберт наоборот подступил к ней совсем близко, не давая пройти, в запасе остались угрозы:

– Сейчас я еще способен простить тебя, но если ты уйдешь... можешь не возвращаться.

– Я подумаю, куда вернуться. Дай пройти.

– Мне хочется тебя убить.

– Хм! – усмехнулась Тори и нанесла удар, что называется, под дых: – Ну, тебе-то не привыкать подобным образом выскакивать из паршивой ситуации...

Не сдержался. Ударил. Тори схватилась за щеку, даже не ойкнув, но зажмурившись. Когда она открыла глаза, в них стояла откровенная злоба, какая бывает у открытых и заклятых врагов.

– Это точка в наших отношениях, – сказала Тори, обошла Роберта и направилась к выходу.

– Ты пожалеешь, – раскричался вдогонку Роберт. – Твоему бегемоту такую козу подстрою, век помнить будет.

Взявшись за ручку двери, Тори брезгливо бросила через плечо:

– Не сомневаюсь. Все твои способности умещаются в одном слове: нагадить. Мне жаль, что я потратила на тебя столько времени, но исправить никогда не поздно. Прощай.

В окно он видел, как она села в машину Брасова – обнаглели оба до крайности. В неистовстве Роберт заходил по гостиной, не находя места и ругаясь всеми известными словами. Понимая, что это не поможет, а оставаться одному дома в состоянии полного развала невозможно, он поехал к Нелли, которой так ничего и не пообещал.

Стоило ей чуть открыть дверь, Роберт, не поцеловав Нелли в щеку, не сказав хотя бы «здравствуй», ворвался в квартиру с воплями:

– Моя жена дешевка! Дрянь! Тварь распутная!

– Роберт, что случилось? – пролепетала Нелли, вытаращив глаза.

– Не видела рогоносцев? – ерничая, трещал он. – Хе-хе-хе! Посмотри. Вот он, перед тобой во всей красе. От него, то есть от меня, не скрывают, что он, то есть я, рогатый олень...

– Можешь объяснить, что произошло? – прервала Нелли.

Он не присел, топтался на месте и размахивал руками:

– Что произошло? Моя жена Тори отправилась на блядки и открыто мне об этом заявила. Мне! А спит она с моим другом... Шлюха! Бывшим

другом. Юркой Брасовым. Брасов – это такая большая жирная свинья, лысая, между прочим... почти лысая. Гнида. Так вот она назло мне с ним... Фу! Какая пошлятина!

Нелли ни разу не видела его в состоянии бешенства, посему растерялась. Роберт всегда выглядел самодостаточным, уверенным, благополучным по всем параметрам, ей хотелось, чтоб ребенок родился похожим на него. Как раз ребенок проявил частицу натурального лица Роберта: он сразу засобирился назад, прятал глаза, избегал темы, стал суетливым и жалким, а попросту – трусил. Было неприятно, особенно остро такие моменты переживают женщины в интересном положении. Конечно, Нелли не из благородного десятка, терпеливо ждала, что у него появится ответственность за нее и ребенка, он решится соединиться с любимой женщиной, раз не любит Тори, о чем неоднократно говорил. Заливал, будто держат его только дети, ни при каких обстоятельствах их не бросит, Нелли и не заставляла его бросать, но надеялась. Можно снести все, даже принять роль второй жены, при одном условии: обоюдное доверие, без обмана. Но кусочка счастья, похоже, не видать. Роберт не той породы.

– Должна заметить, ты тоже спишь... со мной, – сказала Нелли. – Чего же ты от нее хочешь? Сам говорил: она знает...

– Что-что-что? – взвился он. – Защищаешь? Ты на ее стороне, на ее? Значит, ты такая же, как она. Я пришел, потому что мне плохо, а ты...

Нелли отошла от первого шока. И, послушав его, закипела не меньше, однако упрек ему бросила спокойно:

– Ты хоть понимаешь, кому жалуешься? К тому же оскорбляешь.

– Я не жалуясь, а возмущаюсь, – огрызнулся Роберт на повышенных тонах. – А какая у меня должна быть реакция? Радоваться прикажешь, когда меня так подло предают?

– Ты не предавал? Никого и никогда? Надо ж додуматься! Его жена обидела, наставив рога, он пришел плакаться к любовнице, которая беременна от него! Я, наивная, думала, ты меня любишь, готова была и дальше именоваться женой на пару часов... Комедия! Короче, я плохой утешитель и не собираюсь читать тебе лекций на тему морали, ты все равно не поймешь, потому что задержался в подростковом возрасте. Ты инфантильный мальчик, а не мужчина. Впрочем, мужчиной уже вряд ли станешь. Уходи.

– Это ты мне? – обалдел Роберт.

– Кроме нас здесь никого нет, значит, тебе. – Негодующая Нелли ринулась в маленькую прихожую, распахнула дверь. – Иди, взрослей.

– А я ведь уйду, – бросил он вызов и, если судить по интонации, то грозился навечно.

Нелли скрестила на груди руки, стоя у распахнутой двери, не глядя на него и давая понять, что заднего хода не даст. Это вызов. Дешевый, рассчитанный на дураков и слабаков. Заложив руки в карманы, Роберт вальяжно прошел к выходу, переступил порог, а она не кинулась просить прощения. Он повернулся, чтобы сказать последнее слово... Неважно, что хотел сказать, явно ничего приятного, но Нелли одной рукой взялась за ручку, ладонью второй руки легонько толкнула Роберта в грудь и захлопнула дверь перед его носом. Скрипнув зубами, он сбежал вниз, сел в машину и долго не уезжал, варился в прошедшем дне, как в кипятке, чувствуя себя жертвой.

Дома наорал на детей и Анну – надо же сбросить отрицательный заряд, – довел всех троих до слез. Так и не успокоившись, Роберт упал на кровать, где должна была бы лежать Тори, но она сейчас с Юркой Брасовым.

Утром Тори не вернулась, на принцип пошла. Думает, Роб в ногах будет валяться и стелить дорожку назад, а не будет. Мучимый противоречиями, когда хотелось бы восстановить все, как было, при этом чтоб восстановление произошло без его усилий и участия, одновременно посылая громы и молнии на головы оскорбителей, Роберт вынашивал план мести. Первого следует наказать Брасова. С Тори сложнее, позже подумает, чем взять ее. Нелли в расчеты не входила, она выгнала его, пусть сама расхлебывает, рыдает в подушку и рвет на себе волосы. К полудню он оделся и покатил к Юрке Брасову.

Секретарша подняла нос от клавиатуры:

– Сейчас спрошу Юрия Артемовича, примет ли он вас.

– Да пошла ты... – направился он в кабинет.

– Позвольте!..

А он уже вошел. Вошел и остановился напротив Юрки, откинув полы пиджака, поставил руки на бедра. Брасов поедал дерьмовый гамбургер, запивая чаем, ну, ему все равно, что жрать, лишь бы жрать. Подняв глаза от папки с бумагами, он понял, что Роб явился с недобрыми намерениями, однако предложил, оставив тарелку на край стола:

– Садись.

Роберт развалился на стуле, исподлобья изучая лоснящегося бегемота, усмехнулся, сделав большой намек:

– Силенки подкрепляешь? Истощился?

– Иронизируем? – насколько мог миролюбиво, спросил Брасов. – По какому поводу?

Разумеется, он догадался, почему Роб настроен агрессивно, но такова судьба всех рогоносцев. Особенно приятно, что рога водрузил самоуверенному, высокомерному, избалованному Робику именно Брасов, над которым тот периодически подтрунивал.

– Ты еще спрашиваешь? – нехорошо усмехнулся Роберт. – Давно это у вас с Тори?

– Как только ты уехал с любовницей в так называемую командировку, – поддел его Брасов, не чувствуя за собой вины.

– А ты сразу – прыг в мою кровать. Молоток... А я все думал, когда ты дарил Тори подарки: какой щедрый. Все нормальные люди на штуку-две дарят, а Юрка Брасов бриллиантик в коробочке. Теперь плату взимаешь?

– Слушай, чего ядом обливаешься? Когда ты отнял у меня Тори, я отошел в сторону и не пыхтел злобой. Сам виноват, поменьше надо было юбки бабам задирать при каждом удобном случае, это никому не нравится, тем более Тори.

– А твоей жене понравится?

– Хочешь настучать ей? Флаг тебе в руки и барабан на шею. Не пробовал быть мужиком и принимать то, что заслужил? Пусть Тори сама решает, с кем ей быть.

– О нет, нет. Решения принимаю я, особенно в таком щекотливом вопросе, – хорохорился Роберт. – Короче, забирай Тори, мне она не нужна... Я не по этому поводу зашел. Выхожу из дела, если хочешь купить мою часть – не возражаю.

Сумму назвал... охрененную, превышающую стоимость в три раза, на что Брасов выдвинул встречное предложение:

– За эту сумму я продам свою часть тебе.

– Меня этот бизнес не интересует. (И никогда не интересовал. Роберт только вложил, тогда у Брасова не доставало денег развернуться. Тогда, но не сейчас. Роб исправно получал дивиденды, это же выгодно – деньги падают ниоткуда, а пашет друг Юрка.) Если ты не купишь, продам другому покупателю.

Брасов просчитал Роба в момент: от бешенства его занесло, когда основную часть мозга парализовало, а оставшаяся маленькая часть настроена неадекватно: отплатить, досадить, внести хотя бы раздор, если нельзя разорить. Следовательно, покупателю он предложит свою часть за копейки, так вот Брасов обставит Робика и получит эту часть практически бесплатно.

– Я куплю по реальной стоимости, а не завышенной по твоему усмотрению.

– Рынок, – развел руками Роберт. – Какую хочу цену, такую и назначаю. Поскольку мы в течение многих лет являлись партнерами, я предложил тебе, но раз ты не в состоянии... то извини. Пока. Моей бывшей жене Тори большой привет.

Когда за ним захлопнулась дверь, Брасов резюмировал:

– Дурак.

А Роберт действительно был вне себя, невероятных усилий ему стоило сдержаться и не набить морду кабану Брасову. Заехал на свое производство, а выпускает он плитку – дрянь полная, никакой критики не выдержит, если ее подвергнуть рецензированию, но! Тори с тем человеком переговорила, воспользовавшись папиными связями, тому-другому были даны взятки, кое-кому стала кумой, крестив ребенка, и теперь цементную плитку кладут повсюду. Власти обязали раскошелиться предпринимателей, у кого фасад выходит на улицы, чтоб тротуары были с одинаковым узором. А нужный узор и размер есть только у Роберта, следовательно, работа идет, деньги текут. Есть такие, кто ехидничает: «Ну, застелешь ты плиткой весь город, дальше что?» Роберт предпочитает отмалчиваться. Дальше будут перестилать там, где тротуары рассыпались. Тори подсуетилась и пристроила его плитку в больших селах вокруг города, она умеет убалтывать. Тори, Тори... На себе все замкнула, и, пожелай она, мужу наступит крышка. Он, конечно, не пойдет по миру с протянутой рукой, но тем не менее. Жаль, Роберт много лишнего наговорил у Брасова, начнем с того, что к нему вообще не нужно было ехать. Подвел запал, сделанного не воротишь, а слово сказано, его придется держать и даже сделать больше обещанного, чтоб не стать посмешищем.

На предприятии ажур, не за что зацепиться и устроить маленький бум, а состояние Роберта не располагало к работе, он поехал домой. Там его встретила пустота, поначалу он не понял, в чем она выражается, лишь почувствовал ее кожей. Когда же увидел раскрытые шкафы, – видимо, Тори собирала вещи второпях, – заорал:

– Анна! Анна!

Анну будто моль съела! В комнатке домработницы Роберт обнаружил следы скоропалительного бегства. Обследовав дом, он понял: Тори забрала детей с домработницей. И так, его все бросили, все предали.

15

Четвертые сутки Илья с молодым пареньком по имени Андрон безвылазно торчали в квартире. От скуки то в шахматы играли, то телик смотрели, то в картишки перекидывались, для разнообразия не хватало домино – самой тупой игры, но помогающей убить время. Днем оба устраивали тихий час и спали, по очереди готовили еду, прислушивались к шорохам на площадке. Вечером задраивали окна, оставляли включенным только телевизор и ночную лампу, а никто не пробирался загадочным образом в квартиру и браслетики не подбрасывал. Поскольку задание получено конкретное и без оговорок, оба ждали, не обсуждая пришельцев с навязчивым подарком. А мозги устали от ничегонеделания и жаждали умственной работы, поэтому Андрон за игрой в подкидного дурака завел речь о задании:

– Посмотреть бы на этот браслетик...

– Да мура, – нехотя сказал Илья. – Дешевенькие разноцветные бусинки, какие носили наши бабушки. Нанизаны на тонкую резинку.

– Из-за муры переполох? А я козырем вас!

– Бита. Браслетик мура, а значение его, видимо, не муровое.

– А что он может означать?

– Вариантов много...

– Ну, хотя бы один приведите.

– Один? – беря недостающие карты из колоды, задумался Илья. – Смотри, что получается. Первый браслет был найден здесь после самоубийства, второй на могиле, третий опять здесь, но при этом теперешняя хозяйка безмятежно спала. Казалось бы, подбрасывают браслеты не нашему заказчику, скорее, Наталье, но он почему-то платит нам бешеные бабки за поимку шутника. Значит, ему очень нужно знать, кто подбрасывает браслеты, а зачем? Зачем, если его это не касается? От щедрот или из благородства? Сомневаюсь.

– Наталья любовница Брасова?

– Не думаю. Во-первых, она была любовницей покойного, кстати, незадолго до смерти он написал завещание на нее, стало быть, там крепкая связь. Во-вторых, людей типа Брасова подобные женщины не интересуют, им похвастать нечем. Наталья... как бы это сказать... очень скромная. Сам увидишь и поймешь, о чем я говорю, она должна сегодня привезти

сигареты и продукты... А это тебе четыре козыря, которые нечем бить. И шестерки на погоны.

– Хорошо, что не на бабки играем, – тасуя карты, радовался Андрон. – Ну, так в чем там суть? С браслетиками?

– Я думаю, «подарки» все же касаются и Брасова. Он был очень обеспокоен, к чужим проблемам относятся проще, даже если хотят кому-то помочь. А когда я спросил, чей это браслет... понятно же, что он принадлежит женщине... так вот Брасов увильнул от прямого ответа, сказал, мол, носила одна, давно. И все. А как давно, где она, что он сам думает по этому поводу – умолчал.

– Значит, что-то знает, но не хочет, чтоб это знали вы.

– О! – удовлетворительно поднял указательный палец Илья. – Не хочет! А почему?

– Наверное, браслет напоминает ему нечто неприятное.

– Без сомнения, – согласился Илья. – По логике, неприятность касается Натальи, раз ей подкидывают «подарки», затем того, кто прыгнул с этого балкона, раз у него нашли первый браслетик. Оба находились в близких отношениях, значит, их объединяет общая неприятность. Любопытно, как Брасов к этому тандему присоединяется.

– Угу. Черт, опять у меня карта – хуже некуда. Мне интересно, Семеренко тоже подкинули браслет, или он хранил его как память?

– У Натальи надо выведать, но ответ я, кажется, знаю: подбросили. Думаю, это какой-то знак, который те, кто его получает, должны понимать.

– Не прыгнул же он с тринадцатого этажа из-за браслетика!

– Конечно, нет. Понимаешь, как мне представляется, сознательно люди уходят, когда больше не могут жить, а ведь сама по себе жизнь достаточно мощная мотивировка, несмотря на лишения, болезни, неудачи. Семеренко не юноша был, который ввиду повышенной эмоциональности и максимализма может наложить на себя руки, он сложившийся взрослый человек. Имел дом, работу, женщину, я имею в виду Наталью, предложил ей переехать к нему. Получается, причин как таковых не находится, чтоб внезапно закончить жизнь, но что-то заставило его уйти. Что? Никто не знает. Он не оставил предсмертной записки, до этого провел время в кабаке на дне рождения, приехал домой и... Странно.

– А эта Наталья не могла его столкнуть или другим способом заставить уйти из жизни? Все же наследство.

– Черт ее знает, – пожал плечами Илья. – Всякое бывает. Но браслетики... глупо это все выглядит, по-детски наивно... Тем не менее на шутку не похоже.

– Хотите раскрутить ситуацию?

– Я бы не прочь. Очень загадочно все это, не находишь? Но указаний заняться расследованием я не получил. Тихо!

Скрежетали замки, звякали ключи, однако уверенно, а не осторожно, как должен бы был по идее действовать пришелец. Илья с Андроном бесшумно метнулись в коридор, а это Наталья.

– Добрый вечер, – стеснительно сказала она, словно вторглась в чужую квартиру. – Я тут привезла... как просили...

– Заходите быстрее, – зашипел Илья, а то застряла на пороге, дверь нараспашку.

Андрон не физиономист, но ему достаточно было беглого взгляда, чтоб сделать безжалостный вывод молодости: шеф ей оценку завысил. Наталью не заметишь в толпе, она частица серой массы – неудовлетворенной, состоящей из одних проблем, оттого сумрачной, без живой искры. Собственно, она сама для себя проблема, как будто одета опрятно, а вид запущенный. Кому понадобилось ее доставать знаками? Потеряв к ней интерес, Андрон ушел к телику, Наталья – на кухню, и совсем по-другому настроился Илья по отношению к теперешней хозяйке, потому двинул за ней.

– Я приготовлю ужин, – сказала она, доставая продукты. – И суп на завтра. Вот сигареты, блок.

– Спасибо. А почему вы не спрашиваете, приходил ли кто сюда?

– Потому что вы здесь, значит, не приходили. Я вымою руки?

– Квартира ваша, делайте, что хотите.

– Пока не моя, только через полгода...

Она осеклась, на секунду задумалась, словно вспомнив что-то нехорошее, потом встрепенулась, взглянув на Илью панически, и ушла в ванную. Странное поведение, но, вероятно, продиктовано смертью Семеренко, некоторые люди смерть переживают долго и глубоко, доводя себя до психушки, похоже, Наталья из такой породы. Она вернулась, повязала льняное полотенце вместо фартука, взяла нож и начала кромсать мясо.

– Помочь? – предложил Илья.

– Нет-нет, сама справлюсь.

Илья не настаивал, сел на стул, закурил, наблюдая за автоматическими манипуляциями Натальи с кухонными предметами и продуктами. Мыслями она была далека.

– Скажите, этот браслет... (Ух, как она вскинула на него глаза! Будто он неприлично выразился.) Раньше вы видели его у Алексея?

– Нет.

Не так задал вопрос, Илья исправился:

– А когда-нибудь вы его видели?

– Может быть... не помню.

Врет – определил Илья. Врет и краснеет, притом, потупившись, следовательно, врать ей не часто приходилось. Тут уж у самого нелюбопытного человека проявится нездоровый интерес к чужим тайнам, только как к ним подступиться?

– Значит, не помните... – вздохнул он. – Но почему-то вам их подбрасывают. Абсолютно одинаковые, не имеющие ценности, потому что самоделка... Грубо собранные бусинки разного размера, разноцветные, с эстетической точки зрения тоже ничего не представляют...

– Описали лучше литератора.

– Мне кажется, вы должны догадываться. Этим вам нечто дают понять. Бессмыслицей браслеты не могут быть.

– А я не догадываюсь. Извините... – Вовремя зазвонил телефон, Наталья взяла трубку. – Слушаю.

– Наташка, это Глеб...

– Глеб? – обрадовалась она. – Как ты? Как мама?

– Первичный диагноз поставили ошибочный, опухоль имеется, но доброкачественная, операцию сделали удачно, мама уже бежит и рвется домой. Я вот зачем звоню: помнишь, мы собирались встретиться в тесной компании? В пятницу мы приедем, предлагаю в субботу вечером, где скажете. Может, на даче Роба?

– Ой, даже не знаю...

– А что такое?

– Да тут все немножко взбесились. Тори разводится с Робом, Юрка разводится с Зинулей, во всяком случае, живут все четверо порознь.

– Как?! У них же крепкие союзы были.

– Были да сплыли. Я сама ничего не понимаю.

– Все равно соберемся, предупреди ребят, авось помирятся. Я перезвоню, скажу, где встретимся, раз сложности возникли.

– Хорошо, Глеб, я сообщу. До свидания.

– Кто звонил? – поинтересовался Илья, слышавший диалог.

– Одноклассник. Он живет не здесь, в разных странах, Глеб у нас большая величина, светило науки. Послушайте, Илья... можно я останусь с вами? Мне думается, этот человек ждет, когда я буду здесь ночевать.

– Оставайтесь.

Он понял, что она боится. Наверное, после той ночи, когда подкинули

браслет, ей не спокойно нигде, особенно когда остается одна, а здесь все же два человека.

– Зовите друга ужинать, – вымученно улыбнулась Наталья.

Кажется, ей неловко, Андрон с Ильей чужие, она их не знает, но страх сильнее. И снова Илья задумался: чего она боится, если в ту ночь ей не причинили вреда?

Беда Роба – в предсказуемости, Брасов просчитал его без лишних умственных затрат. В ресторане он подждал лжепокупателя, которого быстренько подсунула мужу несравненная, обворожительная, великолепная Тори. Она сидела рядом, пила шампанское, курила, время от времени Брасов брал ее за руку и подносил к губам пальчики, чувствуя себя влюбленным по уши.

– Что-то долго... – недовольным тоном произнесла она, гася сигарету.

– Оформление дело тягостное, и так ускорили, как смогли. Скажи, тебе не жалко отдавать мне задаром? Ты могла бы сама забрать у Роба его часть.

– Не догоняешь, Юрка, почему? Представь, как он взбесится, когда узнает, что продал тебе? И притом сильно продешевил. Кстати, почему даром? Взамен я беру тебя.

– Сдаюсь на милость покупателя, – слегка приподнял он ладони.

Маловероятно, что она без ума от него, как он от нее, уж что-что, а ум всегда при ней, но это не имеет значения. Да, не имеет – назло ли мужу она кинулась на шею Брасову, или созрела к переменам, или хочет чего-то новенького, острого. Она с ним, остальное приложится, Брасов даст ей то, чего не получала она от Роберта. Тори оценит, уже оценила.

– А этот твой... покупатель... не подведет?

– Даже не думай, – рассмеялась Тори. – Я знаю, как ты к нему относишься, но он знает, что со мной лучше не ссориться, я опасный враг.

– И коварный, – в ответ рассмеялся Брасов.

– А враг и должен быть коварным, жестоким и расчетливым, иначе какой это враг? Жалкая пародия.

– Вообще-то, мне непривычно слышать, что ты... да и я тоже... стали врагами с Робертом, а ведь стали. Тори, ты действительно ни капли не сожалеешь, что так произошло?

– Знаешь, однажды я села на диету...

– Тебе-то зачем худеть?

– Это же эпидемия, а я подвержена вирусам. Ела по утрам гречневую кашу без соли, сахара, молока, масла – просто вареную кашу. И так в

течение десяти дней. Девять дней меня вполне устраивали мои завтраки, ну, немножко безвкусно, пресно, но терпимо. А на десятый день я вдруг поняла, что ненавижу гречневую кашу, но самое интересное – я ее всю жизнь ненавидела и... не знала об этом. Надо попробовать переесть, чтобы узнать точно, чего ты не терпишь, это касается всех аспектов жизни, в частности Роберта. Вдруг открылись глаза, и до меня дошло: переела, а вообще, это блюдо жрать не хотела никогда. Юрка, жизнь штука хрупкая, что ж, умереть и не узнать, что чувствуешь, когда тебя любят?

– Чего это ты о смерти заговорила? – насторожился Брасов.

– Лешка перевернул во мне некоторые представления... – Тори вытянула шею, помахав кому-то рукой, привлекая внимание, чуть подалась к Брасову, сказав со смешком. – Вот и наш купец, а ты боялся. Еще никому, кроме Роберта, не приходило в голову меня обманывать, к тому же три тысячи евро за небольшие хлопоты гораздо приятней, чем пуля в лоб за алчность.

Невысокий мужчина присоединился к ним, поздоровавшись с Брасовым за руку. Видно было, что он замотан, вспотел, потому налил себе воды, выпил залпом, затем положил перед Тори папку на стол:

– Все не успел, но главное сделано, осталась ерунда, кое-какие справки. Устал чертовски.

Тори передала папку Брасову, а «купцу» предложила:

– Сделайте заказ, вот меню...

– Нет-нет, спасибо. Еле на ногах держусь. Если вы не против, я только рюмочку коньячку выпью и побегу. Юрий Артемович, когда будем переоформлять?

– Завтра же, как только получим все бумаги, этот процесс я ускорю, – пробросил Брасов, читая документы. Он спохватился, налил в рюмки коньяку, Тори шампанского. – Ну, за сделку? Уже можно пить.

Подставной покупатель коньяк запил водой, кинул в рот маслину и попрощался. Тори переплела пальцы, уложила на них подбородок и с удовлетворением наблюдала за Брасовым, который вновь открыл папку и был явно озадачен. Наконец он сказал то, что его удивило, несмотря на предсказуемую ситуацию:

– Все же я думал, Роб не решится так глупо вляпаться. Потерять половину... У него все дома? – Брасов постучал пальцем по лбу.

– Всех у Роба дома не бывает, каждая черта характера правит им по очереди, в этом его беда. Главное, он не умеет собой управлять, кто-то должен им руководить, но аккуратно, тактично, тогда он справляется и с собой, и с трудностями. А без патронажа да если он оскорблен, обижен и

озлоблен, его заносит с потрясающей силой. Когда ты рассказал о его глупом визите, я поняла, кому он будет предлагать продать свою часть: тем, с кем ты не в контактах. Чтоб досадить тебе и осложнить твою жизнь. К тому же мне сразу позвонили два человека, выясняли, правда ли, что Роберт продает долю за копейки. Я подтвердила и быстренько обработала нашего «купца», который предложил большую сумму, чем запрашивал Роб, чтоб убрать конкурентов. Ну, тут все-таки извилины моего бывшего мужа не подкачали, ведь потери желательно свести к минимуму, он и продал тому, кто кинул больше.

– М-да, как просто... – покивал Брасов. – При условии, если человека заклинивает. По-бабски это как-то...

– Видишь ли, Роб привык быть хозяином себе, не считаясь ни с кем, а это невозможно, когда есть рядом жена, дети, родственники. Ему казалось, всех устраивает его свободный полет, а главное, его устраивало, но другим не позволено быть такими же свободными. И вдруг Роберту говорят: не хочу больше твоей анархии, летай без меня. А как перестроиться? Он не умеет. Не умеет и не хочет. Он потерян и зол, а гипертрофированная гордость не позволяет разойтись по-хорошему. Остается доказывать, что без него мы будем под забором валяться. Роб и старается нас туда столкнуть.

– Много мы ему времени посвящаем. Тори, не передумала переезжать ко мне? Квартира готова, рабочие привели все в порядок. Два года назад купил Анжелке, но пока она подрастет, я славноенький коттедж выстрою.

– Не передумала и не передумаю. Дай хоть несколько дней с мамой побыть, она на седьмом небе от счастья, что я ушла от Роба. И детям нужно привыкнуть, им ведь придется пожить у бабушки. Я затеяла перевод в другую школу, поближе к дому мамы. Мое счастье, что от мужа не завишу, он от меня зависит больше.

– Тогда поехали, хоть квартиру посмотришь?

Улыбнувшись и бросив салфетку на стол, Тори поднялась. В отличие от Роберта она чувствовала себя на белом коне с шашкой в руке. Изредка ее омрачало воспоминание о нелепых подарках, присланных по почте (оба забрала с собой), но ненадолго. Других знаков не было, теперь, даже если и пришлют бандероль, Тори ее не получит, что неплохо. Но при всем при том она не оставила мысли выяснить, кто продавал и покупал ту самую квартиру. Только пока не до того, хлопот много. С другой стороны, что это даст? Ровным счетом ничего. И все же любую затею следует доводить до конца.

16

Наташка действительно патологически боялась оставаться в одиночестве, дома ночами не спала, хотя закрывалась на все замки, только на рассвете позволяла себе заснуть. Это походило на детские страхи: ночь – страшно, день – страхи убегают. Так и в представлении Натальи: пришельцы с браслетиками при свете дня не придут, только под покровом темноты. Много ли поспишь с рассвета до звонка будильника, до этого будучи сутками на взводе? Силы стремительно иссякали, нервы истощались, на уроках она была вялая, уставшая, ее мучили головные боли и... старуха. Проклятая ведьма изводила, маяча вдалеке, словно напоминая: не забудь умереть в скором времени. Догнать ее не удавалось. Стоило Наталье решительно направиться к черному столбу, бабка давала деру, исчезала, словно у нее под боком личный автомобиль с водителем. Судя по одежде, у нее не то что на водителя с авто, но и на хлеб с молоком не всегда хватает. Последние два дня, сколько бы Наталья не искала черную метку, глаза ее не находили. Казалось бы, успокойся, иди своей дорогой, да вообще не обращай внимания, но Наталья ощущала старую каргу, как нарыв на теле, даже не видя ее. Заметила, что постоянно думает о ней и тех, кто подкидывал браслетики, думает с содроганием и ужасом, мало того, ждет их. Вроде бы глупо бояться полоумной старухи и цветных бусинок, нанизанных на резинку, однако страхи на пустом месте не рождаются. Если совесть чиста. У нее – замарана. Наталья знает, почему должна умереть. Не предполагала, что за маленькую подлость придется через много лет расплатиться жизнью. Кто-то хочет этого – Бог ли, дьявол ли, человек ли, но очень хочет.

Безусловно, стыдно напрашиваться в компанию двух мужчин, но чувство самосохранения толкало ее к людям. Наталья более-менее выпалась, правда, сны снились жуткие и все на одну тему, просыпалась в холодном поту, вода глазами в темноте, но все же была не одна. Подскочила рано, приготовила завтрак, сварила суп, да Наталья готова здесь мести-грести, только бы не остаться одной.

– Доброе утро, – поздоровался Илья, садясь за стол. – Как видите, ночной гость не появился с подарком.

Намекнул, что она лишняя, но Наталья доведена до той точки отчаяния, когда совесть глохнет.

– Мне надо ночевать здесь. Этот человек придет, если будет знать, что я тут живу.

– Думаете, у него к вам счет? – подловил ее Илья.

– Ничего я не думаю, – раздраженно бросила Наталья. – Но последний раз он подкинул браслет не накануне поминок, а после них, когда я осталась. Мне хочется, чтоб вы его поймали, полагаю, он знает, почему Алеша прыгнул с балкона. Да, только он знает, только он...

– Брасов говорил, он сам, а вы... Вы уверены, его убили?

– Я предполагаю, но не уверена. И необязательно приходит мужчина, я не исключаю женщину. – Наталья вспомнила старуху, однако та не смогла бы сбросить с балкона здорового мужчину. – С сообщником.

– Скажите, Наташа, Алексей был замешан в каких-нибудь скользких делах?

– Бандиты, наркотики, проституция, оружие? – хмыкнула она, выдав набор так называемых скользких дел в ее представлении. – Что вы! Алеша был как все... э... как подавляющее большинство. На машину копил долго. В скользких делах не принимал участия.

– Я не о крайностях, а вообще...

– И «вообще» тоже. Я бы знала. Извините, не спросила... может, я мешаю вам?

– Нет-нет, напротив, мы рады. Мужики готовить не любят, всухомятку обходятся, а вы нас балуете.

– Тогда я вечером приду часов в девять, – зачастила Наталья, оживившись. – У нас сегодня именинница накрывает поляну после уроков, а вы ужинайте без меня. В холодильнике вчерашнее мясо, картошку сами сварите или пожарьте.

На душе легче, когда знаешь, что есть защита.

Она обзвонила всех после уроков, оставшись в пустом классе (это любимое время Натальи), предупредила: на субботу Глеб наметил сабантуй, с местом не определился, обещал позже сообщить. Это было не так-то просто: Роберт злющий, отказывался, так как не хочет видеть «рыло жирного борова». Наталья не въехала – на кого точит зуб Роб, оказалось, на Юрку Брасова. Пришлось уговаривать, не вдаваясь в подробности внезапной ненависти:

– Леденев опять умчится лет на десять, нехорошо отказывать. Неужели трудно один вечер потерпеть Юрку? Глядишь – помиритесь...

– Никогда. Он спит с моей Тори...

– Юрка?! – ахнула Наталья. – С Тори?! А Зинка?

– Зинка спит одна, полагаю. На мегер нет спроса.

Можно подумать, Тори не мегера, но Наталья эту тему вслух не затронет, не зная, что произошло на самом деле и чью сторону следует принять. Ее доля – приспособляться, примыкать к сильнейшим, от них иногда перепадают куски.

– По-моему, – продолжила уговоры, – ты проявляешь слабость, отказываясь повидаться с Глебом. Все придут, а ты нет? Хочешь, чтоб за твоей спиной языками трепали?

Примитивнейший ход, но Роберт поддался. Положа руку на сердце, Наталья держала школьных друзей за приматов, конечно, в тайне. Роберт вообще одноклеточное без проблесков ума, с набором низменных инстинктов, в основном размножения. Его жена – халявщица с претензией на светскость, пиранья из мутного водоема, воистину с аппетитами и желудком акулы. Это она сбила Юрку с пути истинного, не иначе, Брасов по натуре ни рыба ни мясо, тому подтверждение женитьба на Зинуле – все равно что добровольно в ад спуститься. И сейчас с ним сыграла злую шутку застарелая любовь к Тори, ничем хорошим для Юрки это не кончится. А для Наташки вопрос: как теперь между ними всеми лавировать? Перевес, безусловно, на стороне Тори и Брасова, но надолго ли? Погуляют и вернуться в семьи, поэтому разумно держать нейтралитет. Только дадут ли его держать?

Брасов сначала думал, что поймали пришельца с браслетом, а узнав о приглашении, разочаровался, мялся, потом выдал:

– Позвони Тори, как она решит...

– Вы ополоумели? – возмутилась Наташа, понимая, что Брасов не желает встречаться с Робертом. – Сами тащили Глеба в разные стороны, договаривались о посиделках, теперь даете задний ход. Неприлично, знаешь ли.

– Ладно. Зинку мою не зови.

– Это как Глеб решит, – буркнула Наталья.

Одна Тори дала согласие без оговорок и с удовольствием, ее никто не смутит, наоборот, интересно, как будут реагировать на ее связь с Юркой. Впрочем, Наталья тоже не прочь понаблюдать, а вообще-то...

– Как вы мне надоели, – вымолвила она, с тоской глядя на сотовый телефон. – Я как привязанная к вам всю жизнь, а ведь это вы мне ее испоганили.

И заплакала. Почти беззвучно, хотя никого не было близко и можно пореветь всласть. Она плакала, стоя над учительским столом и опершись о него руками, ее спина содрогалась, словно по ней проходили судороги от уколов иглой. Не по Лешке лила слезы Наталья. Себя оплакивала.

Мало того что в доме воцарился беспорядок, мебель покрылась пылью, некому приготовить поест, Тори и не думает возвращаться, а Нелли не отвечает на звонки, так еще и молва едва не доконала. В городе практически ничего нельзя скрыть, до Роберта долетели слухи, что его проданная часть отошла... Юрке Брасову. То ли покупатель перепродал, то ли отдал за долги – не столь уж большая разница. Парадокс в том, что сотни раз Роберт говорил жене: не слушай сплетни, их рождают ленивые, нищие и завистливые, а теперь сам даже не удосужился проверить, насколько верен слух. Он с ходу просчитал: Брасов задарма хапнул его часть, а помогла ему закрутить интригу Тори, она непревзойденный мастер по части козней. Значит, так они с ним, да? Обули по полной программе! Не приспособленный ни к быту, ни к стрессам Роберт, очутившись в изоляции, когда некому дать толковый совет, да и доверием его особо никто не пользовался, пошел по накатанному пути ответного удара. Всего день понадобился, чтоб отыскать двух молодчиков, которые обязались за хорошие деньги исполнить задание в ночь с субботы на воскресенье. А в субботу Роберт, загрузив в багажник коробку со спиртным и продуктами, поехал на дачу, которую Леденев купил родителям.

Много народу Глеб не приглашал, почти все были в сборе, в дорожном мангале горели дрова, стол накрывали на террасе, опасаясь дождя. Дачка так себе, можно сказать, народная, то есть для тех, кто с ранней весны до поздней осени стоит на ней пополам, показывая солнцу пятую точку. Глеб помог примостить машину Роберта так, чтоб еще кто-то проехал по узкой дороге. Гость выразил изумление, осматриваясь:

– Маловата дача. И неухоженная. Сейчас много вполне приличных участков продается, чем ты руководствовался, когда выбирал?

– Не я выбирал, отец, я только платил. Ему надо, чтоб работы было полно, чтоб самому все устроить. Так что извини за убожество.

– Надо было на нашей даче встретиться, если так захотелось на природе водки попить, она тут рядом. У нас комфортнее, отопление есть на случай холода, площадь огромная. Дождь польет, мы поместимся в доме?

– Если не зальет террасу, то, пожалуй, будет тесновато, но ничего, как-нибудь. А на ваших территориях не получилось бы встречи, вы же все в ссоре, как я слышал.

– Уже доложили, – недовольно буркнул Роберт. Поставив на стол коробку, он скомандовал: – Девочки, разберите припасы.

Наташка хозяйничала с большой самоотдачей, предоставив Элле и двум женам одноклассников должность подсобных рабочих. Она научилась

быть необходимой, притом органично подчеркивала равенство мелкими замечаниями, одновременно зная свой шесток. Если по-честному, Наталья выполняла функцию прислужницы, но не позволяла себе думать об унижительном положении среди людей высокого полета, которые взяли ее в свой круг. Не приняли, а взяли, это она имела в виду и не переходила границы, убедившись не раз: стоит чуточку забыться, ей беспардонно укажут место. Наталья немного оттаяла, так ведь старой ведьмы не видела несколько дней, вероятно, простудилась бабка и слегла. Шутка ли, под осенним дождем стоять часами – никакой иммунитет не выдержит. Стол был накрыт, когда Наталья, заслышав звук мотора, подняла глаза и оповестила:

– Брасов едет.

Приехал он не один и не с Зинулей, а с Тори, оба сияли, что подтвердило обоснованное происхождение слухов. Пострадавшая сторона в лице Роберта (ведь сочувствуют тем, кого бросили) отвернулась, не желая здороваться, собственно, и Тори с Брасовым не горели желанием протянуть ему руку дружбы. Остальные, не стовариваясь, решили: все хорошо, прекрасная маркиза. Расселись, выпили, завязался разговор – инициатором был Глеб, так как все равно чувствовалась натянутая атмосфера за столом, конечно, из-за мрачноватого Роберта и Брасова с Тори. После третьей рюмки освоились, затрещали на все лады, поговорить-то было о чем, с Глебом видятся редко. А тучи сгущались, поэтому устроили перерыв, чтоб приготовить мясо до того, как с неба хлынет поток. Наталья отозвала Брасова в сторону и шепотом коснулась их общего дела:

– Юра, в Лешкину квартиру не приходят. Я ночью там, думала, на меня клонут, а не клюют. Уже столько времени прошло... Может, ты напрасно устроил засаду?

– А может, знают, что у Лешки их поджидают, – предположил он. – Но как объяснить браслетки?

– Понятия не имею. Дурацкая шутка... Ты не думал, что это кто-то из старых знакомых дурака валяет, щекоча нам нервы? Просто из вредности, чтоб мы психовали, суетились, бегали. И не мы, а я, браслеты мне подбрасывали. Но ума не приложу, кому я поперек горла стала. Почему мне напоминают?.. Я причем?

– Замолчи, – осадил ее Брасов.

Ох, не хотел он напоминаний с воспоминаниями, тем более сейчас, когда жизнь повернулась к нему светлой стороной. Наташка впервые затронула тему, на которую когда-то дружно наложили табу, стоит только

кому-то всколыхнуть со дна... Не стоит! Никто не может знать, что произошло почти двадцать лет назад, никто. Скорей всего, Наташка права: кто-то щекочет нервишки, основываясь на давнишних событиях, толком ничего не зная, но как бы предполагая, не более. Но противно. Брасов обязан докопаться, кто устраивает представления, ему не браслетики подкидывают, кое-что похуже. Хотя уже много дней он живет спокойно.

– Не буду, не буду, – поняла она, насколько болезненна тема. – Знаешь, жалко Илью с Андроном, они безвылазно сидят в квартире, жалко твоих денег. Мне кажется, никто не придет, детективов пора отпустить.

– Это единственная возможность поймать говнюков. Пусть еще подежурят.

– Как скажешь. Юра... – Наталья робко посмотрела ему в лицо, не решаясь спросить, но решилась: – Ты и Тори...

– Это никого не касается, – отрубил он.

– Извини. Кости вам все равно моют...

– Чище станем, – закрыл он тему.

В то же время Роберт не выдержал и подкатил к Тори. Его раздирали полярные чувства: и за волосы оттащить хотелось прилюдно, и вернуть домой, и досадить каким-нибудь поступком, и попросту удавить в тихом уголке да закопать, чтоб ни одна живая душа ее не нашла... всего не перечешь.

– Ну-с, дорогая, что будем делать дальше? – спросил.

– Я подала на развод.

– Вот как! – Он надеялся, она одумается и станет проситься назад, Роберт, так и быть, простил бы, а потом задал бы ей жару. Но показать разочарование... много чести. – Значит, разводимся.

– Да. Наш брак был ошибкой.

– И дети ошибка? О них ты думаешь?

– Хочешь прочитать мне назидательную мораль? Роберт, я тебя предупреждала: еще раз узнаю – расстаемся. Согласись, я долго терпела и была выставлена тобой не в лучшем свете, кстати, терпела из-за детей. Если б ты дорожил нами, то остановился бы вовремя, но этого не сделал, поэтому все претензии можешь предъявить одному человеку – себе.

– А у меня к себе нет претензий, – рассмеялся Роберт, показывая, как она ошибается на его счет. – Я хотел знать, что ты надумала, теперь удовлетворен. Твоим решением удовлетворен.

– И прекрасно, значит, мы оба стремимся к одному и тому же.

– Да, – бравировал Роберт. – Я собираюсь привести в дом молодую женщину... она моложе тебя на десять лет. Ну, ты видела ее... Мне бы не

хотелось, чтоб ты, вдруг вернувшись домой, попала в неловкое положение, когда пришлось бы тебя попросить уйти.

– Ценю твою заботу, – улыбнулась Тори самой доброжелательной улыбкой, к которой не придерешься. Змея умеет быть ласковой. Перед укусом. – Мы с Брасовым обязательно пригласим вас на наше бракосочетание.

Роберт скрипнул зубами, судорожно сжал кулаки и процедил сквозь стиснутые зубы:

– Брасова я раздавлю как собаку. Запомни.

Сорвалось. Нечаянно слетело с языка то, что сверлило мозг, правда, вторую часть он не договорил, а она бы прозвучала так: затем тебя растопчу.

– Поосторожнее на виражах, – предупредила Тори, хищно прищурившись. – Запомни: либо оставишь нас в покое, либо пожалеешь.

– Запомнил.

Роберт вернулся к пустовавшему столу, за себя не ручался, позвонил, Нелли не ответила. Он набрал SMS-сообщение: «Я развожусь. Ответь мне». Выждав паузу, снова позвонил. Наконец-то:

– Роберт, что это значит? Очередная твоя уловка?

– Нет, дорогая, это правда. Я сейчас у друга на даче, примерно через пару часиков приеду к тебе.

– Меня нет в городе.

– А где ты находишься?

– У дедушки, он приболел.

– Надеюсь, твой дед быстро поправится, – сориентировался Роберт, так как заметил, что Тори слушает, стоя неподалеку. – Когда вернешься?

– Послезавтра.

– Я встречу тебя. Где и когда?

– На железнодорожном вокзале. Поезд приходит в три...

– Угу, угу, – кивал он. – Давай так, к трем постараюсь освободиться, но если запоздаю, то немного, жди меня на площади перед вокзалом у парковки. Да... поедem сразу ко мне домой, так что настрой себя на перемены. Я скучаю.

– Ты... – Нелли явно разволновалась. – Роберт, ты серьезно?

– Не сомневайся. До встречи послезавтра в три. Целую.

А теперь Тори пусть вообразит во всей красе, как ее кроватью, кастрюлями, зеркалом, всем домом будет пользоваться другая. Ее в любом случае будет корежить и поделом. Но подоспела первая партия мяса...

Последними уезжали Брасов, Тори и Наталья, которые задержались из-за водителя, заплутавшего в темноте. Женщины курили на террасе, мужчины решили пройтись по дорожке сада, заросшего сорняками.

– Не ругай водилу, – сказал Глеб, – здесь трудно найти участок, никаких надписей, ориентиров. И постройки к тому же на один манер – экономный.

– Да я не в претензии, хоть выдалась минута в тишине побыть, место здесь чудное. – Брасов остановился, поднял лицо к небу. – А дождь собирался и не полил... Надоела мокропогодица.

– Роб нервничает, это очевидно.

– Не жалей его. Никого не стоит жалеть. Что бы с нами ни происходило, мы не заслуживаем жалости. Все до одного. А знаешь, почему? Тот, кто оставляет за собой право на заведомую ошибку, не должен рассчитывать на сочувствие.

– У, какие выстраданные слова, – хохотнул Глеб. – Тебе жилось трудно?

– Мне хорошо жилось, но от этого не легче.

– Ты говоришь о том, чего я не понимаю. У тебя неприятности?

– Как раз сейчас у меня пик приятностей, но знаешь... страшно. Страшно потерять все это и снова войти в прежнее русло. Ай, не обращай внимания, это я так... поумничать потянуло. По большому счету, я ведь торгаш, только очень крупный, а иногда поумничать и торгашам охота. Ты надолго?

– Задержусь дней на десять, мои старики скучают, да и дачу надо помочь привести в порядок.

– А как им Элла?

– Они уже дошли до той стадии, когда какую б невестку я ни привел, она заранее им нравится.

– Неужели женишься?

– Так ведь пора. Только одну работу закончу... Поживу на этой даче без цивилизации, соберусь с мыслями, одновременно займусь физическим трудом. Едет твой водила.

– Тори! Наташка! – позвал Брасов. – Карета подана.

Тори задержалась у ограды, прощаясь с Глебом и Эллой:

– Прекрасно провели время, спасибо. Надеюсь, еще увидимся?

– Непременно. Как надумаете, приезжайте.

И Наталье надо было сказать последнее слово:

– Осталось много продуктов, все не поместилось в холодильник, я коробку поставила на подоконник.

– Не переживай, раздадим соседям.

– Девочки, поехали, – подгонял Брасов, стоя у раскрытой дверцы.

Автомобиль с трудом развернулся и медленно заскользил по размытой дороге, проваливаясь в выбоины. Глядя вслед, Глеб обнял Элли за плечи, поинтересовавшись:

– Как тебе они?

– Неискренние, – дала оценку она. – Особенно Тори.

– Она еще в детстве придумала себе роль и упорно создавала образ светской леди. А Наташка?

– Загнанный зверек. Любит угождать, подстраиваться... Про таких говорят: себе на уме.

– Точно подметила.

– Больше не спрашивай мое мнение ни о ком, не хочу сплетничать.

Попробую помыться под агрегатом, посвети мне.

Агрегатом Элла назвала душевую кабину, сбитую из досок. Наверх прежний хозяин поставил железную бочку, куда наливали воду. Глеб светил ей фонариком (электричество в кабинку не проведено), а Элла фыркала под холодной водой, вызывая у него улыбку. Других звуков не слышалось, дачники приезжают только днем, к вечеру их прогоняет нынешняя осень, отличающаяся ранними холодами. Поразительная тишина, нереальная, как в космосе...

В четыре утра раздался звонок.

– Юрий Артемович, ваш склад горит. – Это был сторож территории.

– Как! – воскликнул Брасов, подскочив. – Какой, где?

– На Заводской. Пожарные здесь, тушат...

Проснулась Тори, приподнялась и прислушалась.

– Почему загорелся? – рычал Брасов, натягивая одежду. – Где охранники?

– Приезжайте, Юрий Артемович, все узнаете.

– Еду.

– Что случилось? – спросила Тори.

– Склад горит. Там товара на... не хочу даже думать. Я туда...

– погоди, я с тобой.

– Не стоит, спи.

Но она уже одевалась, Брасову было не до споров, он вызывал такси.

Пламя увидел издали. Заныло сердце, Брасов все же надеялся на незначительное возгорание. Выскочив из такси, он попал в гущу пожарников и милиции, вертелся на месте в поисках знакомого лица. Из окон первого этажа валил густой дым. Вместе с гудением изнутри слышался ужасающий треск. Во втором этаже в левой части виднелись отсветы. Пламя и туда добралось? Справа офис Брасова: его кабинет, бухгалтерия... Там же документация! Третий этаж огонь не затронул, что слабо обнадеживало. Из шлангов пена лилась прямо в окна, но, кажется, это мало помогало.

– Юрий Артемович! – долетел до него голос сторожа.

Пожилой человек с перевязанной головой шел к нему, за ним – незнакомый мужчина, впрочем, здесь только незнакомые лица. Брасов кинулся к сторожу:

– Как это случилось, как?

– Поджог, – сказал мужчина и представился: – Капитан милиции Корень. Поджигатели пробрались на территорию, ударили сторожа по голове, он потерял сознание. Ваш сторож, когда очнулся, вызвал пожарных и милицию. Ну а как поджигатели попали внутрь, пока только одни предположения.

– Охрана где? – зарычал Брасов на сторожа, а тот лишь виновато мигал веками.

– Двоих удалось вытащить, их увезли в больницу в бессознательном состоянии, – докладывал Корень. – Сторож утверждает, больше людей в здании не было.

– Не было, не было... – беспомощно взмахивал руками Брасов. – Как они вошли внутрь?

– Раз поджигатели пробрались во внутренний двор незамеченными, то, думаем, в здание попали, когда один из охранников вышел курить. Открыть посторонним они же не могли...

– А как их не заметили, если с внешней стороны установлены камеры слежения? – разорялся Брасов.

– Возможно, ваши охранники вышли, увидев, что чужие проникли во двор...

– Вышли! – ударил себя по бедрам Брасов. – Они обязаны сразу вызвать вневедомственную охрану, а не выходить! Черт! Сколько их было? Поджигателей?

– Боюсь, этого мы не узнаем, но как минимум двое. Из камер сигнал

идет на компьютер, а первый этаж... сами видите.

– Сделайте же что-нибудь! Сгорит же все к чертовой матери!

– Делают все возможное. Ситуация не безнадежная, вовремя схватились.

И сделали. Во всяком случае, второй этаж прогорел частично, зато первый... Ущерб нанесен колоссальный, это самый мощный склад в городе, отсюда разнообразный товар (кроме продуктов) развозили по магазинам. К счастью, огонь не добрался до легко воспламеняющихся товаров, иначе здание выгорело бы полностью, включая автопарк во дворе. Брасов устал, а тут еще кучу бумаг заполняли (протоколы), как будто это поможет найти поджигателей. Обессиленный он рухнул на заднее сиденье к Тори, к тому времени Игорь подъехал, и попросту махнул рукой, мол, поезжай.

Всю дорогу Тори молчала, он цедил ругательства в адрес неизвестных негодяев, а когда приехали, поднимаясь по лестнице, она осведомилась:

– Юрка, у тебя много врагов?

– Ай, какие враги! – отмахнулся Брасов, достал ключи и вставил один в замок. – У нас все давно поделено, переделов не предвидится. Думаешь, кто-то из тайных недоброжелателей подсунул мне пожар?

– А то ты сам не догадываешься, что это не просто хулиганы.

– Проходи. Не хулиганы, говоришь? Похоже на то.

– Хулиганы похватили б ящики с самой ценной продукцией и вынесли б, сколько смогли. Много не утащили бы. А тут явно проработанная тактика, слаженно действовали. (Брасов упал в кресло, потер переносицу.) Сварить кофе?

– Кофе? Давай. Все равно не усну, да и не собираюсь ложиться.

Тори варила кофе по собственному рецепту, не выдавая секрета никому, но это занятие приносило пользу: помогало концентрироваться, делать расчеты и принимать решения. Ко времени, когда кофе дымился в чашках, она вычислила виновника пожара на основе известных событий и сопоставив некоторые детали, на которые вряд ли обратит внимание милиция. Она вручила чашку с блюдцем потерянному Брасову, со второй устроилась в кресле и думала, как преподнести свои расчеты, чтоб его не хватил удар.

– М-да, поджог организован, – согласился Брасов. – Я докопаюсь, кто наказал меня на миллионы.

– Припомни, раньше что-нибудь подобное случалось?

– Нет. И припоминать нечего.

– Ну, тогда долго докапываться не придется. С кем у тебя возник конфликт? Кто озлоблен, потому что потерял деньги и жену?

– Роб? – вытаращился Брасов. Для него предположение Тори явилось неожиданностью, но других вариантов действительно нет. – Он не идиот, должен же понимать, что его вычислят.

– Вычислят, но не докажут. Роб отлично знает расположение служб на складе, знает где находятся сторож, камеры, охрана, сколько человек обычно дежурит. А по поводу идиота... заявление относительное. Любой человек в момент отчаяния способен превзойти ожидания, Роб тем более. Он человек крайностей, его же заносит, это тебе известно не хуже, чем мне.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Но моя уверенность бездоказательна, ты его не скрутишь. Мы с тобой недооценили Роба, он казался нам беспомощным и слабохарактерным, однако на подлости его хватает. На что он еще отважится, не берусь предсказать.

– Не скручу, говоришь? Посмотрим. Извини... – Брасов машинально достал звонившую трубку. – Слушаю.

– Брасов, запомни... – Зинуля! Он включил громкую связь. – Запомни, поджоги тебе не помогут, хоть все спали, а половину я у тебя вырву через суд. Своей подстилке передай: зря она губешки раскатала, я вас обоих разую и раздену.

– К сведению принято. – Брасов отключился от связи. – Еще одна жаждет нашей крови.

– Пусть оба собственную пьют. Юра, может, мне поговорить с Робом? Я смогу его убедить оставить нас в покое, у меня есть аргументы, от которых ему дурно станет.

– Не надо, я сам.

– Юра, он не остановится, особенно если будет видеть, что у нас все склеилось.

– Так и будет, у нас будет все отлично. А Роб закусил удила, ты его ничем не убедишь, я сам попробую. Прямо сейчас...

Роберт не предложил ему стул, лишь поднял брови, мол, не ждал. Брасов заметил скрытое торжество в зрачках бывшего друга, тем самым получил подтверждение версии Тори. Примечательно, что близкие люди зачастую становятся врагами в мгновение ока, для этого им не нужны глобальные конфликты, основанные на противоположных позициях, а достаточно неосторожно брошенного слова, мелкого проступка, косога взгляда. Потом цепляется петелька за крючочек, и плетутся кружева из неприязни, подозрений, обид, а позже никто и не вспомнит, из-за чего сыр-

бор. Но у Брасова и Роберта особый случай, их дружба была замешана на соревновательном принципе, а еще точнее – обоих держала вместе Тори еще с юности.

– Слушаю тебя, – сказал Роберт. Его насторожили искры из глаз Юрки Брасова, но удовлетворение и злорадство сильнее здравого смысла. – Только, извини, времени у меня мало.

– А я много не займу, – презрительно хмыкнул Брасов. – Короче, Роб, мне известно, что пожар на моем складе устроил ты.

Роберт пожал плечами и опустил углы губ вниз.

– Я? – Вдобавок хихикнул, дескать, что за поклеп.

– Ты, ты. Не сам, конечно, нанял подонков, которые за пятак пятки тебе лизать будут.

– Ну, знаешь, твои обвинения... Докажи.

– Было б что доказывать, – фыркнул Брасов. – Больше некому. Я умею договариваться с людьми, ты – нет, поэтому у меня в недругах никто не числится, следовательно, поджигать некому. А за тебя твои дела улаживала Тори, но ты не умеешь быть благодарным, а когда потерял ее, принялся мстить, ушла-то она ко мне. Для самого бездарного следака это повод обломать тебе рога.

И хотя рога, о которых сказал Брасов, не имели отношения к рогам, которыми наградила Тори вместе с ним же, Роберта задела метафора, укоренившаяся в народе. Задела за больное – самолюбие, он вскочил, позеленев и сжав кулаки, но не кинулся драться, сообразив, что лавры победителя ему не достанутся.

– Чего ты пришел? – прорычал Роберт. – Угрожать?

– Пришел сказать, что мы с Тори тебя раскусили, и предупредить, что еще один твой выпад будет тебе дорого стоить...

– Тебе уже стоит, – желчно вставил Роберт.

– Я могу пойти на компромисс, – говорил монологом Брасов, набравшись терпения, – и подставить левую щеку, но ударить по ней больше не позволю. Скажи спасибо, что на удар справа не отвечаю, это исключительно из понимания: Тори тебя бросила, ушла ко мне, а я по сравнению с тобой – просто тьфу. Конечно, тебя колбасит, хочется всем отплатить, навредить. Остановись, Роб, остановись вовремя.

– А не пошел бы ты со своей проповедью... к моей бывшей. Тоже мне благородный святоша! Что ж твое благородство не удержало тебя за руку, когда ты хапнул мою часть даром?

– Я купил за ту цену, которую мне предложили. Это бизнес, надо быть готовым к проигрышу.

– Ай, брось. Держите меня с Тори за лоха, будто я ничего не рублю в подкопах. Вы, умненькие, оставили дурачка Роба, а когда получили пепелище, то ты побежал бегом к Робу за миром. Боишься, да? Боишься. Правильно, бойся. И Тори пусть боится. Еще никому не удавалось безнаказанно окунать меня в дерьмо. У тебя нет доказательств, что в пожаре виноват я, так что засунь свои угрозы с обвинениями себе в задницу и ходи с ними гордо.

– Не хочешь по-хорошему, – с сожалением вздохнул Брасов. – В таком случае, ты возместишь мне убытки, иначе я заведу на тебя дело. Уголовное. Выбирай. Шум тебе не нужен, ты ведь наследил достаточно, чтоб к тебе предъявил счет не только я, а мне стоит лишь кинуть клич, тебя заключают. Тори у тебя больше нет, некому сглаживать...

– А это ты видел? – Роберт азартно показал средний палец. – Убытки ему! Штаны не порви при широком шаге. И запомни: вздумаешь пришить мне твой склад, я вас с Тори урою. Понял? Это ты мне должен. Пользуешься моей женой, а не платишь. Ты заплати сначала!

– Соображаешь, что несешь? – обалдел Брасов. – Это ты о матери своих детей?

– О чертовой матери, я продаю ее. И ты заплатишь, заплатишь, поверь. А теперь убирайся, мне некогда.

– Жаль, не слышала Тори. Я-то знал, сколько дерьма в тебе, да и то не досчитался, а она явно не знала, с кем жила. Ну, прощай, Робик.

Брасов хлопнул дверью, Роберт моментально сдулся, как резиновый шарик, даже коленки подкосились. Он упал в кресло, подпер подбородок сцепленными в замок руками и лихорадочно соображал, что предпринять, чтоб не допустить торжества Тори с Брасовым и тем более не дать навредить – им это запросто. В чем выход? Человечество не придумало нового способа остаться без недругов, кроме как стереть их с лица земли. Жестоко, но в силу необходимости это единственный путь к освобождению, а Роберт всегда ценил свободу. Но! К Юрке Брасову ушла жена, вскоре случился пожар на складе, а потом и сам Юрка... Нет, не годится. Прокуратура живо вычислит заинтересованное лицо. Как же быть? Однако Роберт поторопился с пожаром, а также с угрозами Брасову. Следовало прикинуться добрейшим и милейшим на время, а не показывать характер. Теперь желательно продумать тактику борьбы, может, Нелли даст дельный совет, но, к сожалению, завтра.

Когда Брасову принесли предварительный отчет по убыткам, надо сказать, поверхностный, результат можно смело удвоить, он чуть замертво со стула не свалился. Да за эту неокончательную, но весьма внушительную, нескончаемо длинную цифру Роба кастрировать мало, а Брасов поехал к нему за мировой, дурак. Если б раньше подали отчет, он обязательно поехал бы к Робу, да, поехал бы. Но с пистолетом в кармане. Проанализировав дословный диалог в кабинете, Брасов вторично пришел к выводу, что мира не видать ни ему, ни Тори. Про таких обычно говорят: не связывайся. Это означает, что с ними вообще не должно быть контактов, а о дружеских отношениях и говорить не стоит. Брасов припомнил весь путь от школьной скамьи, прошедший практически рука об руку с Робом. Его постепенно заливала волна ненависти, а цифры на столе добавляли штормового ветра.

У Роберта отличное качество – выжимать из людей максимум пользы. Только иногда это бьет по тем, из кого делают выжимки. То ли своим обаянием, то ли ребячеством, то ли хитростью, но он умеет поставить в положение, будто ты ему вечно что-то там должен, хотя долгов не было и нет. Вот и Брасов чувствовал себя в компании друга вечным должником, поэтому не мог отказать ему в просьбах, а на самом деле Роберт в долгу у него. Даже когда он женился на Тори, зная, что друг Юрка сох по ней, обставил так, словно сделал ему во благо, и за это Брасов ему по гроб должен быть обязан – не смешно ли? На Тори мог жениться кто угодно, только не Роберт, но он женился. Не по великой любви, не из подлого желания насолить Брасову, тем самым возвышая себя перед ним, мол, куда тебе до меня, даже не из меркантильности, нет. Причина исключительная в своем роде: ему нужна была сильная личность, способная держать в руках, толкать вперед, учить и утешать. Но сила не любит слабаков, Тори ушла, Роберт потерялся, заметался, заистерил. Поэтому Брасов и поехал к нему – как всегда, он очутился в долгу, на этот раз справедливо, потому что отнял жену. Но Роб уже другой – не обаяшка с мальчишескими задатками, которому не грех простить выходку. Это искалеченный вседозволенностью, озлобленный крысеныш, опасный тем, что от него распространяется зараза. А калек и крыс надо уничтожать, по мнению Брасова, к тому же отставной друг и муж угрожал похлеще, соответственно

подал идею. Не опередить Роба, которому не досталось мозгов от Боженьки, оттого он туп, упрям и без меры мстителен, – значит самому легко угодить в гроб. Так надо уступить место на кладбище, в этом случае и Тори он назад не переманит, потому что некому будет, Брасов снял трубку. Некоторое время раздумывал, правильный ли это путь, наконец, решил, что правильный. В конце концов, надоело, он заслужил покой в придачу с Тори. И набрал номер:

– Бумер, привет, это Юра Брасов... Мне нужна твоя помощь, но это не телефонный разговор. Часам к четырем сможешь заехать в «Деревенские напевы»?.. Тогда жду.

Бумер не популярная личность, темная, закрытая. Да, по молодости он загудел за коллочку, но вернулся оттуда честным человеком, как утверждал, перевоспитался. Сейчас заведует небольшой пекарней, имеет пару ларьков, где торгуют его продукцией, но на булках с ватрушками и сайками не построишь домину в семьсот квадратов и не купишь три автомобиля BMW последних моделей. Однажды Брасов под честное слово занял Бумеру крупную сумму, тот вернул долг через три дня. Конечно, на таких мелочах не построишь теорию, каким образом он добывает деньги, так ведь имя его иногда фигурирует рядом с криминальными происшествиями, правда, только фигурирует. Поэтому Брасов обратился к нему. Едва выпили по рюмке за встречу, выдал нетерпение:

– Я тебя выручал, теперь прошу: выручи меня.

– Говори, – закусывая вяло, как пресытившийся человек, сказал Бумер.

– Надо убрать одного.

– Ого, – произнес Бумер так же вяло, как ел. – Я ж не киллер, Юра.

– Знаю. Но ты можешь свести с нужными людьми, со своей стороны я гарантирую: ни одна собака не узнает. Мне не хотелось бы попасть в лапы ментов как заказчик. Сейчас не редкость, когда сами менты принимают заказ и ловят с поличным в момент передачи бабок.

– Ну, сам бы завалил.

– Хм, сам! Не умеючи, не хрен братья. К тому же у нас конфликт, я должен обезопасить себя: алиби сделать и так далее.

– Сколько кидаешь?

– А сколько стоит завалить?

– По-разному, зависит от величины фигуры. Вон мужик на велосипеде катит, так из-за него мараться никто не станет, а если станет, так шантрапа.

– Десять кусков зелени устроит?

– Кого? – коротко спросил Бумер.

Брасов положил фотографию, на которой запечатлены он и Роберт за приготовлением мяса на костре.

– Ммм! – протянул Бумер. – Робика-Бобика! А что так?

– Достал. Его жена ушла ко мне, так он мой склад поджег, наказал на миллионы, страшно сумму произнести. И это не последний его удар.

– М-да, войны всегда ведутся из-за баб.

– И религиозные? – пошутил Брасов наливая по второй. Он видел, что Бумер не откажет, потому относительно успокоился.

– А религия какого рода? – хмыкнул тот. – Женского. Ладно, поговорю кое с кем. Тебе когда?

– Срочно. Аванс могу выдать сегодня же.

– Ну, я не знаю, сколько запросят... Сегодня где и когда?

– У меня. К тому времени никого в офисе не будет...

– Не-не-не, – запротестовал Бумер. – У тебя вахтеры, полотеры, да те же соседи. Другое место называй, где тебя не знают.

– Тогда в забегаловке «Зенит» в семь вечера.

– Забито. Отдашь ему фотографию и напишешь адреса: работы, места жительства.

– Чьи? – не понял Брасов.

– Бобика.

Бумер выпил рюмку и откланялся, Брасов тоже не задержался, расплатился и помчался в банк.

Около семи часов он сидел в кафе с чашкой кофе и переживал. Его волновала не предстоящая встреча с киллером, а задуманное. Брасов знал, что потом будет нелегко, очень нелегко, с этим справиться предстояло одному, не посвящая ни одного человека. Придется провожать друга в последний путь, что-то говорить со слезой в голосе, будут кошмары сниться, в зеркале вместо своего отражения он будет видеть укоряющую рожу Роба, содрогаться от слова «милиция» или еще более грозного «следователь». Хватит ли силы духа и воли? Но если оставить Роба, преодолеть ничего не придется, тому подтверждение – его торжествующий блеск в глазах, когда речь шла о пожаре, испепеляющая ненависть, надрывная обида. А что, собственно, произошло? Жена ушла? Так дело-то житейское, кстати, логическое, если исходить из поведения самого Роба...

Брасов не додумал до конца, еще не понял, насколько необходимы меры, которые он предпринимает, как рядом раздался голос:

– Брасов? Юрий Артемович?

– Да, – поднял он на молодого человека растерянные глаза, не ждал, что

киллер придет так быстро. Мельком взглянув на часы, а было ровно семь, Брасов пригласил его жестом: – Прошу.

Парнишка, лет на десять моложе Брасова, худой и коротко стриженный, оттого казался совсем зеленым, упал на стул, свесил голову, исподлобья глядя на клиента, не представившись. Он изучал заказчика. И ждал. Брасов вспомнил, зачем он здесь, достал из кейса плотную папку и положил ее на стол перед парнем со словами:

– Здесь фотография, адреса и аванс пять тысяч, ровно половина.

Тот заглянул внутрь папки, слегка вынул фото, посмотрел, наклонив голову набок, сунул снимок назад. Затем прочел на листе адреса Роберта и, положив ладонь на папку, сказал свою цену:

– За пятнадцать сделаем.

Дороговато обходится Робик, Брасова перекошило:

– Не много ли? Он не столичный бонза.

– Пятнадцать, – повторил киллер, или, может, секретарь убийцы. Повторил и замолчал, давая понять, что торговаться не намерен.

М-да, здесь не рынок, ну и черт с ними – с деньгами, когда впереди спокойная, долгая жизнь.

– У меня нет с собой еще двух с половиной тысяч, – сказал Брасов.

– При расчете отдашь. Каким способом убрать?

Скажите, пожалуйста – услуги на выбор, как в доме быта! Интересно, если заказать возгорание тела, он исполнит в точности? А если яд? Как подсунет отраву? Но Брасову не нравился напыщенный молодой человек, договор тяготил, к тому же данная тема не допускает шуточек, он слегка взмахнул кистью руки:

– Надежным. На тот час мне нужно алиби, так что позвони, номер я написал.

Парнишка поднялся, небрежно взял папку со стола и был таков. А Брасов словно побывал под душем – весь взмок. Тем не менее... Как это раньше говорили – жребий брошен? Вот-вот, брошен. Не стоит по этому поводу унывать, Роберт заслуживает кары, и если небеса попустительствуют, то карающий меч надо хватать в свои руки.

К трем часам Роберт подъезжал к вокзалу. Ночью не спалось, днем не работалось, чувствовал себя он отвратно. Как мнительный и ранимый человек, Роберт усматривал в альянсе жены и Брасова сговор – ночью и пришла эта мысль. Возможно, Тори хотела проучить его, на самом деле между ними ничего нет. Кто добровольно ляжет с Юркой в постель? Он затащит туда только за деньги или за оказание услуги. Но развод... Все же

у них не игра для него. Сама с любовником, дети у тещи – хорошо устроилась.

Роберт смирился бы с любым мужчиной, но с Юркой Брасовым, с этой горой мясной продукции не лучшего качества, ко всему прочему, другом, – никогда. В сущности, теперь без разницы: имитируют они отношения – противно, спит она с бывшим другом – тем более противно. Тори просчиталась, у нее часто бывает: хочет, чтоб ладненько-чудненько получилось, а выходит провал. И теперь провал будет в любом случае: если Тори вдруг вздумает вернуться, Роберт не простит ее, не сможет, слишком все далеко зашло. Вместе с тем появилось ощущение, будто из-под ног уходит почва, а добавить к этому нестабильному состоянию звонки приятелей с вопросами о Тори... Мятежный дух требовал распять виновников его унижения.

Спасение в Нельке. Она своим животом скоро докажет, кто кого бросил, а Тори от злости сгрызет свои наманикюренные когти, или Роберт ее не изучил. Но как бы ни строил он радужные перспективы, а жизнь изменилась, и новое, не познанное качество его пугало.

Роберт правильно предупредил Нелли, что может запоздать, не умеет он распределять время, да и около вокзала с утра до вечера заторы. Проехав на площадь, он припарковался и позвонил ей.

– Да, Роберт.

– Ты где?

– Стою напротив закусочной.

– Так я близко... Не вижу тебя.

– На мне коричневый костюм... брючный...

– Да здесь все в коричневом, черном, сером. Стою на парковке слева, если находиться спиной к вокзалу. Я выхожу из машины... поднимаю руку... Видишь?

– Вижу. Роберт, иду к тебе.

Он поискал ее глазами и призывно замахал рукой с трубкой. Нелли пересекала площадь, давая дорогу автомобилям и общественному транспорту, улыбалась. Роберт определил, что сумка, которую она держала то в одной руке, то брала в другую, тяжелая, пошел навстречу, чтоб помочь.

Черный джип размером с микроавтобус на недопустимой скорости в таком людном месте затормозил, визжа колесами, и загородил Нелли. Роберт на мгновение замер, дрогнув: неужели джип наехал на нее? Но при резком торможении удар о тело слышен, его не было. Все же Роберт рванул со всех ног, забежал с торца...

Ее заталкивали в джип. Она сопротивлялась, пыталась кричать, ей не давали, да и делать два дела в подобной ситуации невозможно.

– Эй! – закричал Роберт. – Отпустите ее, сволочи!

Подонки не обратили внимания на крик, торопливо закинули Нелли в джип, как барана, еще и сумку кинули вслед за хозяйкой, запрыгнули сами и...

Роберт прочел номер вслух. Теперь только бы запомнить! Понимая, что жизнь Нелли в опасности, в то же время не понимая, кому понадобилось ее похищать, он кинулся к своему автомобилю и помчался за джипом, который, конечно же, упустил из виду. Однако не все потеряно, дорога отсюда одна, успеть бы до первой развилки. И механически повторял номер вслух, не вслушиваясь в набор цифр с буквами. Одновременно в его воспаленной последними событиями голове шел анализ: Нелли не владеет тайнами, которые желательно не знать, не имеет бизнеса, не богата, не ведет научных разработок, для заграничного борделя старовата – зачем ее увозят и куда?

Вот он! Джип поднимался по склону и по кольцу вверх! Но между ним и Робертом вереница автомобилей в три ряда, а упустить джип нельзя. Он надавил на педаль газа, идя на обгон сразу нескольких машин, втискиваясь в узкие промежутки и лавируя между автомобилями. Ему очень дорога жизнь, при всем при том он кожей чувствовал, что с ним кто-то играет в догони-убегу, а Нелли – повод к гонкам.

Джип повернул, теперь надо перестроиться и свернуть направо. Перед поворотом Роберт подрезал авто – обошлось, водитель иномарки умный, вовремя притормозил, пропустив лихача. Улица оказалась свободней, чем дорога от вокзала, джип ехал впереди на обычной скорости, очевидно похитители не подозревают, что Роберт у них на хвосте. Он достал телефон, с трудом, так как постоянно отвлекался, набирал номер милиции:

– На железнодорожном вокзале похищена девушка. Срочно сообщите всем постам... чтоб задержали черный тонированный джип...

– Какой марки джип?

– Не знаю, не рассмотрел.

– Номер джипа продиктуйте. – В трубке голос отдавал равнодушием.

– Номер? Номер... Черт, забыл! А ведь помнил... Я преследую джип, сообщу номер позже.

Прошло минут двадцать. На светофорах Роберт вытирал пот и получал некоторую передышку, но не бездействовал, а вычислял, почему забрали Нелли. Разумеется, это ему наносят удар, в таком случае, кто? Кто мог знать, когда возвращается Нелли?..

Джип повернул, Роберт снова не увидел номер. Да, он сидел на хвосте, а стать именно в хвост, чтоб рассмотреть цифры, не удавалось, мешали автомашины впереди, к тому же петляли по узким переулкам. И что делать с тарантайками впереди? Роберт просигналил, дескать, быстрее крутите колесами. Открыл окно и выглянул, словно обзор будет лучше. Со стороны водителей внимания ноль, ни один не потеснился! Пришлось заехать боковыми колесами на тротуар, а вот и переулок...

Нет джипа, опоздал! Паниковать не стоит, а следует доехать до первого переулка... Нет джипа, но и автомобилей здесь – ни одного... Теперь газануть до второго переулка... посмотреть налево... направо...

Есть! И тащится, как черепаха – напрасно, напрасно. Роберт чуть сдал назад, повернул и, как только он начал сокращать расстояние, джип набрал скорость. Всего-то надо увидеть номер и сообщить милиции, а то вдруг обознался, не ту машину преследует.

Роберт не собирался задерживать похитителей – куда ему? Мелькнула мысль, что Нелли умыкнули с целью взять с него выкуп. Ну, это парни киношек насмотрелись, кстати, в киношках зло наказуемо, неужели не пошло впрок? И все равно не давало покоя: кто знал, где и когда появится Нелли?

А они намылились из города, во всяком случае, выехали уже на окраину. Номер виден... Это тот номер, Роберт вспомнил его, увидев только первую цифру...

19

Перед уроками вахтер передал Наталье большой конверт, который принесли в школу еще вчера, когда ее уже не было. Она вскрыла его в учительской и несколько озадачилась. Прислали фотографию с выпускного вечера, у нее такая же где-то валяется, за все годы ни разу на нее не взглянула. По-взрослому нарядные мальчики и девочки стоят на ступеньках школы и – улыбки, улыбки... Себя Наталья сразу нашла – ну и глупый же вид, прическа дурацкая. Волосы красиво укладывала дородная тетка в парикмахерской, но это в ее понимании была красота, на самом деле прическа соответствовала торговой работнице лет пятидесяти или номенклатурной даме – женщины из этих сфер деятельности предпочитали такие прически. А вот и Тори. Она уже тогда ощущала свое превосходство: грудь вперед, подбородок вздернут, глаз надменный...

Что-то не так на этой фотографии. Ах, вон в чем дело, снимок пересняли неудачно, двух лиц просто нет. Были, но теперь вместо них два белых пятна. Наталья не помнила, кто стоял на этих местах, сунула фото в сумку и пошла на урок. Слушала учеников, объясняла новый материал, а фотография крутилась в голове. Зачем ее прислали? Кто?

На перемене она достала конверт... а там только ее фамилия, имя и отчество. Ну, конечно, прислано не по почте, принесено, обратный адрес писать необязательно. Наталья снова достала фото из конверта, долго смотрела на снимок, не понимая, как образовались пятна. Довольно четкие. Овальные. Но даже причесок не сохранилось и одежды.

Начался новый урок. А Наталье не давали покоя два пятна. Как и то, что на конверте не значилось, от кого послание. Ни письма, ни записки – что это за привет такой? Когда на следующей перемене она вновь достала фото, ее осенило: при пересъемке, фигуры двух выпускников закрыли листочками. Да-да, намеренно закрыли, наверное, вырезав овалы из бумаги.

– Ничего не понимаю, – произнесла Наталья.

Попыталась высчитать, кто стоит за двумя пятнами, но это оказалось не под силу. Некоторых одноклассников она не помнила не то что по фамилиям, а и по именам, никогда с ними не встречалась после школы, к тому же фотографировалось не десять человек – тридцать два вместе с классной руководительницей. Однако именно эту фотографию некто

передал ей, значит, в ней есть смысл, который она не понимает. Последующие три урока она пыталась разгадать загадку, потом решила найти дома такой же снимок и посмотреть, может, что-то поймет.

Тот, кто отдал ей конверт, не знал, кто его принес, так как получил его во время пересменки, то есть принесли вчера. Наталья поехала к себе домой, где давно не была. Рыская по шкафам, устроила беспорядок. За долгие годы мучений школа успевает надоест до смерти, поэтому никто не развешивает фото по стенам. Что-то хранится в альбомах, в которые заглядывают редко, а что-то кое-как. Фотография большая, в альбом не поместилась, значит, где-то лежит.

– Куда она запропастилась? – психовала Наталья и лезла в антресоли, где хранятся горы всяких бумаг, тетрадей. Да надо все выкинуть к черту!

Но упорный достигает цели, а Наталья, не выбрасывая всяческий хлам, держала его в относительном порядке и знала, в каких местах стоит искать, а в каких не стоит. Между портретами бабушки и дедушки лежали (рамки Наталья давно собиралась сменить, чтоб повесить на стену, да все денег было жалко), лежали несколько больших фото, среди них выпускная.

Наталья положила обе на стол и сравнила. За белыми пятнами должны находиться Лешка и Роберт. И что? Что это означает?

Бессмысленно звонить в милицию – выехали за город по той дороге, где нет поста ГИБДД. Жалко, жалко. Роберт кинул трубку на сиденье рядом и преследовал джип, держась от него подальше. Он решил посмотреть, куда привезут Нелли, потом рванет в милицию, похитители получают шиш. Нет, получают они много. Срок получают. Роберт постарается законопатить их надолго.

А дорога видна далеко, ровная, прямая, по ней ехать одно удовольствие, если б не обстоятельства. Тут уж не до наслаждений. Однако, теперь Роберт получил возможность анализировать. Кто знал? Надо припомнить, когда он узнал. Так, это было позавчера на даче Глеба. Нелли не отвечала, Роберт послал ей сообщение, что разводится, она взяла трубку. Все правильно, тогда-то и сказала, а он... он повторил вслух... Кто стоял рядом? Сингапурская принцесса – ей по фигу, с кем разговаривает Роберт. Наташка слонялась недалеко, ей все интересно... Петька... Федька... Стоп, для кого он старался? Для Тори!

– Ммм! – застонал Роберт. – Тори, сучка, это ты устроила мне гонки! Ну, ладно, схлопочешь у меня, вместе с этими вырожденками будешь корячиться в суде. Сама кинула мне шанс сгноить тебя в тюрьме.

Только представив Тори на скамье подсудимых в компании уродов-

похитителей, Роберт злорадно рассмеялся. А если приплести туда Юрку Брасова? Какой бальзам на душу! Обоих! Безжалостно!

Так увлекся близкими радужными перспективами, что не обращал внимания по сторонам, не следил, кто едет за ним, какие знаки на дороге и что там растет по обочинам. Отчасти его беспокоили обгонщики, если загораживали джип. У Роберта окно открыто, свежий воздух охлаждал горячую голову, чего не добиться от кондиционера, о котором, кстати, осенью забывают. Через открытый проем окна Роберт и почувствовал нечто постороннее, причем очень близко, мельком глянул в сторону. Рядом ехал автомобиль с наглухо закрытыми черными окнами. На одной с ним скорости, не отставая и не опережая. Полагая, что его намереваются обогнать, а это лишняя машина на носу, Роберт вдавил педаль в пол и легко оторвался, да тут же и забыл, как забывает о маневрах всякий автомобилист.

Минуты не прошло, и тот же бордовый автомобиль шел бок о бок с ним и с той же скоростью. Роберт кинул взгляд вдаль. Видимость отличная. Дорога уходила вверх по холму. Дальше она снова пойдет прямо и населенных пунктов не предвидится, если, конечно, джип не свернет, короче, видимость отличная.

– Да проезжай, хрен с тобой, – буркнул Роберт, сбавляя скорость.

Бордовый автомобиль вырвался было вперед, но затем резко сбавил скорость, получилось, что Роберт догнал его. Вперед не вырвался. Снова две машины шли бок о бок, только что не ударяясь друг о друга. До Роберта дошло: это делается нарочно. Может, водитель прикалывается? Дорожный хулиган? Но хулиганством его маневрирование можно назвать с большой натяжкой. Тем не менее неприятно. Сколько будет это продолжаться? Разозлившись, Роберт крикнул:

– Какого черта? Проезжай! – И подкрепил требование жестом, указывая вперед.

Черное стекло плавно поехало вниз. Сначала Роберт увидел пышные пепельные волосы, затем висок и лоб, глаза, нос, наконец, полностью лицо. От того, кого он увидел, Роберт забыл, зачем едет по этой дороге. Невольно отшатнулся, к счастью, не выпустив руль.

Девочка лет семнадцати, знакомая и забытая, пришедшая из страшных юношеских снов, смотрела на него с укором, чуть наклонив голову. И как будто из ее холодных зрачков телепатировали в его мозг вопросы: «Ты живой? До сих пор? Как ты посмел жить?» Роберт не верил, что видит ее. В то же время это была она. Он не знал, что делать, только ехал, лихорадочно поглядывая вперед и возвращаясь взглядом к ней. Но она не пропадала,

была настолько реальная, живая, близкая, что до нее можно дотронуться рукой.

А проверить? Вдруг этот образ всего-навсего мираж, возникший во время психологической перегрузки, когда из глубин памяти выскакивают обрывками эпизоды, люди, события, а на самом деле ничего этого нет? И не может быть. Что, если он на мгновение заснул и пока еще не проснулся? Вдруг она ему снится?..

Джип свернул на объездную дорогу, а Роберт проехал поворот вместе с бордовым автомобилем, прикованный к страшному видению, от которого у него мурашки пробежали по коже. Он хотел и боялся до нее дотронуться, боялся столкнуться с неизвестным науке явлением, боялся на себе ощутить сокрушительную силу ирреального существа.

Мысли проносились с потрясающей скоростью, Роберт так и не понял, что это и для чего – бордовая машина ушла вперед. Она не убегала, просто обогнала и ехала на прежней скорости метрах в пятидесяти, словно провоцируя: догони и проверь. По вискам Роберта катился холодный пот, его лихорадило, в горле пересохло, губы занемели – не мог он дать объяснение тому, что видел. Да и видел ли? Не показалось ли? Надо убедиться. Где-то на периферии сознания сигнализировало: опасность! Против опасностей у него имеется пистолет, Роберт достал его из бардачка, уложил на колени и нажал на газ.

Догнать, обогнать, заставить остановиться, угрожая пистолетом...

Черт возьми, сплошная полоса. Однако Роберта не испугала белая линия, приблизившись к авто, он заехал на нее и вынужден был стать на свою полосу – впереди были встречные машины. Бордовый автомобиль понял его маневр и увеличил скорость, ехал во втором ряду, обогнать его можно только справа. И на это решился Роберт, быстро нагнал, покосился в сторону.

Она сидела лицом к лобовому стеклу, подняв подбородок и глядя прямо перед собой. Естественная, натуральная, в обычной одежде – красной кофточке, той самой. Только Роберт хотел спросить: «Ты кто, что за шутки?» – она повернула к нему белокожее личико с естественным румянцем.

– Что тебе надо? Кто ты? – крикнул Роберт.

Не ответила. Даже виду не подала, что слышала вопросы. Но подняла кисти рук, уложив их на край окна, а по его телу прошла горячая волна, в глазах помутилось. Ее руки связаны грубой пеньковой веревкой, на запястьях и выше заметны сине-черные кровоподтеки в виде длинных полосок. На связанные запястья она положила остренький подбородок и

смотрела на Роберта с блуждающей улыбкой, едва заметной, печальной. Конец от веревки болтался от ветра, залетая на лицо девушки, пряди волос падали на щеки и лоб, а она даже не мигала, словно неживая.

Про веревку и связанные руки никто не знает, кроме... Нет! Никто! Неужели эта девочка...

– Неправда, – промямлил он и заорал: – Это не ты!

Услышала. Ее ангельское личико преобразилось в маску ненависти. Роберту стало по-настоящему страшно, так страшно, что все внутри сжалось в комок, уменьшилось и затрепыхалось в панике, желая спрятаться, да негде. Оболочка не столь велика, как хотелось бы, а хотелось, чтоб ужас выпрыгнул из тела. Роберт закрыл глаза крепко-крепко, мечтая, как откроет их, а ни машины, ни связанных рук, ни кровоподтеков, ни...

Легкий удар по касательной, почти незаметный. Хотя что может показаться сильнее связанных рук и обвиняющих глаз? То ли Роберт выпустил руль (и немудрено) и ударился о бок бордового авто, то ли наоборот, авто ударилось, потеряв управление, но когда он открыл глаза, впереди мелькало и прыгало непонятно что, слышался треск или скрежет...

Снова удар – сильный, сотрясающий.

Что-то хрустнуло в теле, Роберт не разобрал, но внезапно до него дошло: он падает вместе с машиной куда-то вниз.

– Ааа... – закричал Роберт.

Лопнуло лобовое стекло. Крик оборвался.

По объездной дороге джип вернулся в город. Нелли, вжавшись в сиденье, трепетала от одной мысли, что находится в руках подозрительных типов с неизвестными намерениями. Сначала она отбивалась, пока не получила пощечину, потом смирилась и с покорностью ждала, чем кончится поездка, не понимая, зачем делать такой большой круг и возвращаться в город.

Сидевшему впереди быку позвонили, он выслушал и сделал жест рукой водителю, тот понял, остановился. Амбал справа спрыгнул на землю, распахнул дверцу и скомандовал:

– Выходи.

Дрожавшая Нелли вышла, к ее ногам упала сумка, амбал запрыгнул в джип и... Невероятно! Джип удалялся, оставив ее на окраине города, ничего не объяснив! Какой придурок придумал этот спектакль?

Опасаясь, что похитители вернуться, Нелли подхватила сумку и побежала, куда глаза глядят. В этом районе ей бывать не приходилось,

удалившись от места высадки, она искала, где бы присесть и хоть немного прийти в себя. Набрела на... трудно сказать, что это такое. Магазинчик, а у входа три столика со стульями, видимо, для тех, кто решил выпить пива или чего покрепче, не отходя от точки сбыта спиртного. Нелли упала на стул передохнуть, заодно осмыслить, что с ней произошло, но случай какой-то идиотский, не поддавался логике.

– Хотите что-нибудь заказать?

Нелли вскинула глаза – перед ней стояла девушка в коротком фартуке, вероятно, официантка.

– Воды, – сказала она.

– С газом или без?

– Без.

Достав телефон из кармана пиджака, Нелли сделала несколько звонков Роберту, но «абонент временно недоступен». Девушка принесла поллитровую пластиковую бутылку и одноразовый стакан, прежде чем выпить, Нелли расплатилась и спросила:

– Мне нужно попасть в центр. На чем я могу добраться?

– На маршрутке и автобусе. Остановка за углом.

Невыносимо мучила жажда! Нелли выпила залпом половину бутылки прямо из горлышка, перевела дух. Правда, сидение в забегаловке для алкашей нельзя назвать отдыхом, тем более за соседним столом велись громкие разговоры про жизнь. Еще пару раз она вызывала Роберта. Не дозвонившись, она взяла недопитую бутылку, сумку и двинула за угол. Сейчас ей хотелось попасть домой и прилечь, больше ничего. Вблизи остановки Нелли остановила такси.

Незапланированная уборка Наталью выводила из себя, а ничего не поделаешь, поиски фотографии закончились бардаком. Вообще-то, давно пора летнюю пыль смести, к тому же углы заросли паутиной, да нашлось и что выбросить. Но любую работу надо выполнять с желанием и любовью, а не тупо, бессистемно орудовать шваброй и тряпкой, то принимаясь за одно дело, то бросая и берясь за другое. Иногда Наталья вовсе останавливалась посреди комнаты или садилась на что попало и замирала, но самое интересное – в эти моменты она не думала ни о чем. Потом так же внезапно возвращалась к уборке, а когда за окном порядком стемнело, Наталья заторопилась поскорее закончить и поехать на квартиру Лешки. Если б ей раньше сказали, что она будет жить на одних квадратных метрах с незнакомыми мужчинами, оскорбилась бы до смерти. А живет. И никакого стыда не испытывает, кстати, там у нее все в руках горит,

управляется быстро.

Звонок подействовал на нее, как взрыв бомбы. Содрогнувшись, Наталья выпустила из рук веник, беспомощно заморгала.

– Фу, ты, господи, это же телефон... – Она сняла трубку, но поднесла к уху с опаской. Что могло ее напугать – не знала, просто боялась голоса из трубки. – Алло...

– Наташа, это Павел Васильевич, отец Роберта...

– А, здравствуйте, Павел Васильевич. – Она безумно обрадовалась, что на другом конце провода папа Роба, а не сам черт. Ей не пришла в голову мысль, что он никогда не звонил, голос у него загробный, следовательно, что-то произошло. – Рада вас слышать.

– Наташа, Роберт погиб...

– Что?! Не может быть... Как?! Когда?

– Сегодня. На трассе за городом. Ехал на большой скорости... Извини, я не могу об этом говорить. Наташа, я с просьбой звоню...

– Да-да, я все сделаю, говорите.

– Позвони этой... Тори. Возможно, ей безразлично, а детям...

– Вы не правы, Павел Васильевич...

– Я знаю, что говорю, – раздраженно перебил он. – Это она его убила.

– Убила? – поежилась Наталья.

Ее взгляд упал на фото, сверху лежала старая, без пятен, она ее сдвинула в сторону, открылась та, которую прислали. На ней нет Лешки и... Роберта!

– Не в прямом смысле, – между тем говорил отец Роберта. – Она бросила его, как последняя тварь! А ты знаешь, какой ранимый Роберт, он не справился с собой. Наташа, сообщишь?

– Да-да, конечно. Сейчас позвоню.

– Спасибо, Наташа. До свидания.

20

Сделав покупки, Тори кинула пакеты назад, открывая переднюю дверцу, заметила старуху, довольно опрятную, но почему-то в черных одеждах. В принципе стиль нуар весьма распространен, замечателен он тем, что придает кому загадочности, кому строгости, кому шика – в зависимости от кошелька. И бедность прячут за черным цветом. Бабуля, разумеется, из бедных. Вчера она попалась ей на глаза два раза, сегодня встретила в магазине, теперь на улице. Почему-то глаз не отводила от Тори, впрочем, Тори часто привлекает внимание, это приятно любой женщине.

Прежде чем тронуться с места, Тори позвонила Брасову:

– Юра, ты где?

– Еще на работе. Сама знаешь, сколько хлопот после пожара. Через часок освобожусь.

– Я успею приготовить ужин. Ну, давай, не задерживайся, жду.

Тори повернула ключ в зажигании, глянула в окно, а старуха стоит рядом. Видимо, нищета заставила бедняжку выйти на улицу, но стоять с протянутой рукой не в ее характере, хоть и подошла, а попросить не решается. Тори достала из сумочки полтинник, протянула ей:

– Возьмите. (Не брала, надо же!) Берите, берите.

– Совесть не подкупишь, – протянула старуха на одной невыразительной ноте.

– Что-что? – рассмеялась Тори.

Да, есть старики, ненавидящие только за то, что у тебя дорогая машина с одеждой. Кто им виноват? Не надо было жить по принципу «прежде думай о родине, а потом о себе», следовало позаботиться о грядущей старости. Ну, раз она горда и не хочет взять дополнение к пенсии, пусть остается сегодня без хлеба и молока. Тори сунула купюру назад в сумочку, взялась за руль. Старуха не уходила, пришлось ее попросить:

– Отойдите от машины, я могу вас задеть.

– Твой муж умер.

– Да? – усмехнулась Тори. – Какой? У меня их два.

– Тот, который муж.

М-да, бывает: городская сумасшедшая попалась! Не гнать же ее грубо, все-таки возраст, а если умом тронутая, то опасна, они, говорят, кидаются

без повода.

– Бабушка, что вы хотите? Я вам давала деньги – не берете, если вы гадалка, то я не пользуюсь.

– Я хочу, чтоб ты умерла. Ты умрешь. Скоро.

Сказав все это, старуха неторопливо удалилась.

– Чокнутая, – срывая авто с места, буркнула Тори.

Надо же было так испортить настроение!

Наталья опустилась на стул, заскрипевший под ней от старости или от тяжести, свалившейся на плечи хозяйки. Она взяла фотографию с белыми пятнами. Значит, тот, кто прислал ее, заранее знал, что Роберта не станет, ведь конверт передали вчера вечером, а погиб он сегодня. Но никому не дано знать, что случится с человеком через час, через день... Никому? А фото подтверждает обратное. Выходит, Роба... Наталья даже мысленно не могла произнести это слово, засевшее в затылке и давившее на мозг, душившее за горло.

Почему ей прислали предупреждение о смерти Роба? Чего хотели добиться? И тут же завертелось перед глазами: старая ведьма с пророчеством, лужи, по которым бьют струи ливня, браслетки из бусин, Лешкина могила, давние времена...

– Ой, я даже не знаю... Неудобно.

Наташке хотелось поехать, хотя приглашения лично от виновника торжества не получила.

– Роб знает, что я приеду с тобой.

– А назад как?

– Я на папиной машине, – уговаривала Тори, – доставлю тебя домой, как образцовую девочку. В конце концов, ты уже взрослая, в институт поступила, неужели тебя до сих пор мама с папой в ежовых рукавицах держат? Поехали! Первый раз мы собираемся одни, без надзора. Между прочим, давно не виделись, с выпускного. Все поступили, теперь студенты...

– Лешка завалился, не приняли его во ВГИК. А так мечтал стать великим режиссером кино.

– Не заговаривай мне зубы, – строго сказала Тори. – Лешка куда не денется, тоже придет.

– Ладно, одеваюсь. – Наташа кинулась к шкафу.

Не проходило ощущение, что от Тори исходит сияние, заставляющее подчиняться ей. Не каждого она одаривала им, выборочно. Не понимала

Наталья, почему Тори дружит с ней, еще в последнем классе они немного сблизились, Наташа гордилась. Тори хотелось подражать, походить на нее – независимую, уверенную в себе, красивую, одетую, как в иностранном журнале мод. Да где ж взять столько достоинств вместе с деньгами?

– Много соберется народу? – поинтересовалась Наташа.

– Немного. Какая ж вечеринка в толпе? Ни пообщаться, ни пофлиртовать, ни передохнуть от идиотских разговоров, один бардак. Готова? Нам еще за Женькой заехать.

– Женька здесь? – поправляя платье, спросила Наташа.

– Приехала за теплыми вещами. Подберем ее возле универмага, думаю, она уже ждет.

– Я только записку напишу родителям.

– Ты еще ужин приготовь, – недовольно фыркнула Тори. – Ну, быстрее!

Не хотелось сердить подругу, тем не менее Наташа настрочила коротенькую записку, оставив ее на столе. И вот устроилась на первом сиденье. Раньше, если удавалось проехаться в легковой, ее заставляли садиться назад. Наташа уложила локоть на край окна и с улыбкой смотрела на улицы, фонарные столбы, людей, витрины магазинов, а встречный ветер обдувал лицо. Он был, как поток надежд – больших и крохотных, важных и не очень. Глупо, но тогда в машине впервые пришло осознание самостоятельности, может, потому, что не спросила у родителей разрешения, отправляясь на вечеринку, просто поставила в известность: «Я у друзей». Начиналась ее жизнь, только ее, без вспомогательного состава.

А ничего в этой жизни не было хорошего по большому счету, как будто некто перекрывал кислород. Любила Лешку. Главная мечта не осуществилась, он ушел, оставив квартиру ей, как будто расплатился за причиненные неудобства. Теперь все эти странности, доводящие до ужаса.

– Господи, чего от меня хотят? – забилась в истеричных рыданиях Наталья, а палец механически ткнул в две цифры на аппарате.

– Милиция, – ответили на другом конце провода.

А что сказать? Зачем она вызывает милицию? Нет, надо пойти туда и с глазу на глаз...

– Извините, я ошиблась... Мне «Скорую».

Наталья положила трубку. С глазу на глаз... И что она скажет? Как объяснит происходящее? Допустим, покажет две фотографии, расскажет о

браслетах и старухе, угрожающей смертью, выложит предположение, что Лешку и Роберта убили, а следом должны убить ее. Убедительно, чтоб попросить помощи и охрану? А кто убил, старуха? Каким образом? Да Наталью примут за клиентку дурдома. Собственно, даже не в этом дело, а в логическом вопросе следователя, который он обязательно задаст: «Почему странности происходят с вами?» Что ответить? Дескать, не знаю? Выложить правду, мол, когда-то я совершила маленькую подлость... Стыдно, страшно, гадко. Нет, никогда.

Истерика набирала обороты, внезапно Наталья приложила к глазам ладони, обрывая поток слез.

– Позвонить... Надо позвонить...

Но не Тори. Не потому, что Наталья щадит подругу, как раз наоборот. Слышать ее не желает, видеть тем более.

– Юра, это Наталья...

– Ну-ну, говори, только быстро, мне некогда.

– Юра, ты не мог бы приехать ко мне домой?

– Не могу! – рявкнул Брасов.

– Но это срочно...

– Ты понимаешь русский язык? У меня сгорел склад! Ущерб нанесен на миллионы, это тебе что – семечки? Я почти ночью здесь.

– Ладно, не ори. Роберт погиб, мне сообщил его отец, чтоб я сказала Тори. Скажи ей сам.

И отключилась. Потому что обиделась. Она не шавка, которую пинают кому не лень, Юрка Брасов, можно сказать, пнул. А намерения по отношению к Юрке были самые добрые: зачем держать Илью и Андрона на квартире Лешки, если браслеты заменили фотографией? Но он... Господа, видишь ли! Им мешают миллионы из пожарища вытаскивать!

Ага, звонит Брасов, новость-то какая славная для него – нет соперника! – просто не верится. Тори не уйдет к мужу, она теперь за Юрика обеими лапками держаться будет, ибо не привыкла ходить на работу от звонка до звонка, а без мужика куда денется, домохозяйка хренова? Опять же разводиться и делить имущество не придется, Юрка удвоит свое состояние, сэкономит на строительстве, а то домик для Тори надумал выстроить.

Наталья выключила сотовый телефон, выдернула шнур домашнего – пусть позвонит отцу Роберта и узнает подробности из первых уст, хватит числиться у них на побегушках. И о фотографии Брасову ни слова не скажет, а ведь не исключено, что следующим «погибшим» станет он или его прекрасная гарпия Тори. Если начистоту, то оба заслуживают

наказания в тысячу раз больше, чем она, а козлом отпущения кто-то делает ее. Это они обделили Наталью, отобрав радость свободно дышать воздухом, из-за них она неудачница, как был неудачником Лешка. Думают, Наталья ничего не помнит, а она помнит. Память не давала расправить крылья и взлететь, память пригибала ее к земле, наверняка Лешку тоже, поэтому он не дал себе права на элементарное человеческое счастье: семья, дети. А она стала заложницей его принципов.

– Никого не вернуть, ничего не исправить, – шмыгая носом и вытирая его тыльной стороной ладони, бормотала Наталья. – Что мне делать? Уехать? Куда? На что жить? Квартиру продать? У меня есть еще Лешкина, за нее потом куплю... Пока буду продавать, меня, как его и Роба... А я не хочу, не хочу... Кто поможет?

Вероятно, она была бы способна защититься самостоятельно, если бы знала от кого. От старухи? Во-первых, она не появляется, во-вторых, это высокоорганизованные преступления, раз смерти случаются якобы случайно или якобы по доброй воле. Какая ж это добрая воля – умереть? Воля злая и чужая, от нее Наталье не убежать. А спасти она может, не себя, конечно.

Наталья взяла сотовый телефон. На звонок решиться не так-то легко, но она позвонила. Позвонила, поддавшись моменту, еще не зная, что будет говорить, лишь желая чуточку исправить то, что медленно и мучительно уничтожает ее.

Брасов вылил из стакана в руку воду, часть пролилась на пол, плеснул в лицо, после взялся за лоб мокрой ладонью и некоторое время сидел так. Отец Роба подтвердил, что сын погиб, и в данную минуту Брасова точил червячок сомнения: так ли уж он жаждал этой смерти? Но она случилась, и что-то потеряно.

Работать сегодня больше не имело смысла. Он закрыл кейс, взял в руку, постоял, вспоминая, какие надо сделать распоряжения, на ум ничего не шло. Брасов вышел в приемную, Лина торчала на рабочем месте, хотя ей давно пора покинуть пост. Да как же покинуть? Без нее Юрий Артемович пропадет. Глядя на него преданно-страдающими глазами (значит, узнала, что он ушел из семьи к Тори), спросила трепетно-нежным голосом:

– Вам что-нибудь нужно?

– Домой иди.

Жалко ее стало. Что она в нем нашла, дура? Брасов поспешил к машине, забыв о Лине, а вернулся мыслями к Роберту. Наверное, с его уходом потерял стимул к росту, ведь на протяжении многих лет Брасов лез

из кожи, стараясь обскакать друга, одновременно став его противоположностью. У Роба бизнес – он приложил титанические усилия, развернув дело и став в пять раз богаче, следовательно, сильнее. Роберт любил баб без счета – он любил одну (не жену), но при этом слыл отменным семьянином. Роберт взрывной, его псевдопревосходство сослужило ему дурную службу, отдалив множество полезных людей, – Брасов умел договариваться с самым упрямым человеком и пользовался уважением. Да, Роб красив, элегантен, а Юрка Брасов, с лишним весом и не красавец, отнял у него жену и смог сказать себе: я обскакал его. Вот что он потерял – ненависть, в его случае она являлась мощным толкачом. А они ненавидели друг друга – потрясающее открытие! – с того памятного вечера, когда праздновали день рождения Роба без родительской опеки. И с Лешкой та же история была. Наверняка Наташка затаила в себе ненависть к ним и поэтому живет в ракушке, как улитка, не высовываясь – опасно, раздавят. Ненавидели, но некая сила связала их вместе и не отпускала. А если и Тори, сама того не зная... Нет, эту ядовитую мысль Брасов отбросил.

Она встретила его в прихожей, чмокнула в щеку, взяла кейс и поставила на столик, пока он раздевался. Новость он приберет на позднее время, с порога такие вещи не говорят, к тому же неизвестно, как она отреагирует. Войдя в комнату и увидев искусно накрытый стол, Брасов приятно удивился:

– У нас праздник?

– Я хочу каждый день жить в празднике, тебя это не устраивает?

– Устраивает.

– Тогда вымой руки и – за стол.

Коньяк и шампанское, блюда для гурманов, сервировка – Тори проявила редкое усердие не в пример Зинуле, хотя ее трудно представить среди кастрюль у плиты. Но такова Тори: за что ни возьмется, добывается высшего качества.

– Тебе коньяку? – Он взял бутылку.

– Шампанское. Коньяк я пила с Робом, надеюсь, ты не дашь мне повода глушить крепкие напитки.

– Не дам, обещаю, – посветлел он, однако заметил: – Ты немного взвинченная. Чем-то расстроена?

Про себя посетовал: эх, если б не он принес ей весть о муже, а та же Наташка сообщила. Но мечте не суждено было осуществиться, придется ему.

– Да так... – повела бровями и шевельнула плечами Тори. – Бабка какая-то ко мне подошла, настроение испортила. Я в машине сидела и думала,

она попрошайка, но стесняется попросить, протянула деньги. Представь, не взяла. Стоит вся с головы до ног в черном и вещает всякую чушь. Лавры Кассандры, видимо, не дают ей покоя. Меня от этой черноты стошнило.

– Чтоб тебя больше не тошнило, держи.

Тори взяла коробочку. Разумеется, от ювелира. Открыла и расплылась в улыбке, не скрывая удовольствия. Золотая цепочка и один бриллиантик, но большой.

– Ух ты! Какая красота! Юрка, ты расточитель! Вывалить столько денег, когда у тебя столько проблем!

– Тебе нравится?

– Пф! Мог бы не спрашивать! Застегни, транжира.

Она побежала к большому зеркалу, затем принесла с собой маленькое и смотрелась, поправляя цепочку на шее, то и дело восторгаясь.

– Хватит подарков, – наконец отложила зеркало. – Сначала управься со складом, не бойся, я от тебя не убегу.

– На это я и рассчитывал, но где награда?

Тори поцеловала его в губы, уточнив:

– Это аванс, награда будет позже. Хочу выпить. – Тори взяла бокал, смотрела на Брасова с обожанием. – Я была дура когда-то, но теперь изменилась. Знаешь, Юрка, ни грамма не сожалею, что мы с Робом расстались, тебе тоже не стоит. Нас обоих не связали с нашими половинами крепкие узы, мы жили каждый сам по себе, а это неправильно. Когда два не очень счастливых человека объединяются, у них обязательно получится надежное счастье.

– За наше объединение? – предложил он тост. Закусили кулинарными изысками Тори. – Я стану толще в два раза, если ты будешь готовить так вкусно.

– Завтра будешь пить один кефир.

– О нет. А на черных дам не обращай внимания. Моя Лина тоже ходит в черном, думает, таким образом выделяется, а я не выношу этот цвет.

– Скажи, пусть одевается иначе.

– Ага, а она подумает, я за ней ухлестываю. Оно мне надо?

– Ммм! Лина на тебя глаз положила? – рассмеялась Тори.

– Оба! Слава богу, руками не вцепилась, а то пришлось бы менять секретаршу. А она незаменима.

От неважного настроения Тори не осталось и следа, чему и был рад Брасов. Ну и как ей сказать о Роберте? Нет-нет, не сейчас, не сегодня. Сегодня он будет ее любить, а плохие вести – завтра.

21

– К нам ночной визитер, – сказал Глеб, поднимаясь на террасу. – Точнее, визитерша. Едет на такси.

– Кто? – осведомилась Элла, убиравшая со стола посуду.

– Наташка.

– Ну, что ж, встретим. Глеб, уже поздно, отсюда не уедешь, не имея машины. Она останется ночевать или ты ее отвезешь в город?

– Да решим, я думаю, по ходу...

– Нет-нет, сейчас давай этот вопрос обсудим, а то опять погаснет свет, ищи тогда в потемках белье.

– Ну, постели ей на всякий случай в дальней комнате, а я выйду на дорогу, встречу такси, боюсь, заплутают.

Глеб курил, глядя в ночное небо, а как только темнота осветилась фарами, пошел навстречу. Он расплатился с таксистом, по дороге на дачу поинтересовался у Наташки:

– Что случилось?

– Роберт погиб.

– Как?!

– Подробностей не знаю, только то, что ехал он на машине за городом и съехал с обочины... кажется, так. Мне его отец сообщил.

– Роб пьяный за руль сел?

– Не знаю, ничего не знаю... – нервно бросала она. – Я не по этому поводу... Пить хочется.

– Сейчас придем, Элла приготовит бодрящий чай.

– Да мне бы простой воды...

К их приходу Элла успела поставить чистые тарелки и разогреть ужин, не забыла бутылочку вина, все же гостя. Наталья сначала все же выпила воды, потом, когда Глеб хотел налить вина в ее бокал, она попросила:

– А покрепче есть?

– Водка, – пожал плечами он, дескать, более изысканных напитков, извини, не держим. Принес.

Наталье действительно необходимо было снять напряжение, да и смелости набраться, ведь то, о чем она собралась говорить, в течение почти двадцати лет хранилось под грифом «секретно». В то же время Наталья не хотела выложить ему правду до конца, вот и думала, как бы удержаться на

серединке. Всю жизнь она балансировала на серединке. Если б кто-нибудь знал, как это утомительно, а иногда и унинительно.

– Ты обеспокоена, – заметил Глеб. Наташка словно уснула с открытыми глазами, будто забыла, зачем приехала. – В чем причина?

– Причина? – вскинулась она. Но не нашла нужных слов, а брякнула: – Глеб, уезжай, прошу тебя. Уезжай как можно скорей, не медли. Завтра же уезжай.

– Не понимаю, почему?

Наталья покосилась на Эллу с сигаретой в тонких пальцах, с интересом наблюдавшую за ней. Глеб понял намек:

– От Эллы у меня нет секретов. Говори прямо, почему я должен уехать? Она опустила голову, словно провинившаяся, начала тихо:

– Помнишь, много лет назад ты пострадал... ну... тебя же чуть не посадили.

– Еще бы забыть! – усмехнулся Глеб. – Меня отпустили за неимением улик, а также отсутствием доказательства вины. Фу ты, точную формулировку не помню.

– Но тогда ходили слухи, что тебя отмазали. То есть большинство думало, виноват ты, и, если кто-то помнит ту истории, наверняка думает так же, как тогда.

– Отмазали? Да просто следователь попался порядочный и дотошный, доказал мою непричастность. Из старой гвардии.

– Да, я знаю, что ты не виноват, – с жаром заверила Наталья, – но этого другим не объяснишь...

– Тогда не меня одного подозревали, если ты помнишь.

– Очень хорошо помню, очень, – закивала она часто, как больная трясушкой. – И пока жива, не забуду. И уже некоторые поплатились. Но сейчас тебе грозит опасность... угроза твоей жизни.

– Хочешь сказать, меня попытаются засадить? Наташка, да если б я был трижды виноват, сегодня это уже не имеет значения за давностью лет. Десять лет проходит и – все, преступник уже не преступник, а обычный гражданин с вытекающими отсюда правами.

– Нет... Нет... Ты не так понял. Тебя не хотят засадить, я сказала об угрозе твоей жизни.

Он переглянулся с Эллой, Наталья не заметила, так как вновь впала в состояние эдакой тревожной задумчивости, что наводит на мысль о ее не совсем здоровой психике.

– А более конкретно нельзя? – сказал Глеб.

– Хорошо. Налей мне.

– Только ты закусывай, – потребовал он.

С трезвой Наташкой разговаривать сложно, а пьяная она тем более будет нести околесицу. Глеб налил ей и, пока наливал себе, она приговорила рюмку, вытерла губы пальцами справа налево одним жестом, но слишком много положив сил на пустяковый жест, будто стирала с губ нечто липкое. После начала:

– За месяц до твоего приезда с Лешкой начало происходить что-то неладное... Он стал... – Наталья закатила глаза, запрокинув назад голову. – Каким же он стал? Не Лешкой. Другим. Как будто его приговорили... Понимаешь?

Она уставилась на него. А что ему ответить?

– Нет, – ответил Глеб.

– А я понимаю. (Он кивнул, мол, молодец.) Ему подавали знаки о том, что он скоро уйдет навсегда... мне так кажется... Нет, я уверена. Да-да, уверена: он получал их. И его не стало. Сегодня не стало Роберта, как бы случайно не стало... Улавливаешь? (Ей уже не нужен его ответ!) Полагаю, еще кое-кто уйдет навсегда. И среди них можешь оказаться ты... случайно. А это будет несправедливо.

Элла закусила губу и переводила недоуменный взгляд то на полубезумную Наташку, то на Глеба. Впрочем, когда она смотрела на него, в глазах стоял животрепещущий вопрос: не вызвать ли «Скорую»? Куда, спрашивается? Сюда днем приехать – проблема, а ночью просто не приедут.

– Наташа... – Глеб положил ладонь на ее руку. – Ты говоришь загадками, лучше расскажи подробно, что тебя мучит. Ведь мучит, верно?

– Да... – протянула она.

Внезапно зарыдала, да как! Голосила, словно у гроба покойника. Неадекватность налицо! Элла подскочила, взяла ее за плечи, Глеб, кажется, растерялся и сидел, потупившись, сведя брови к переносице. Во всяком случае, не знал, что делать при истериках, тем временем Наташка в паузах между рыданиями, выплескивала:

– Не могу-у-у... Не проси! Глеб, я очень виновата, но не могу!.. Мы все дерьмо! Не ты, не ты... Мы! Прости... И не проси рассказать... это невозможно... Уезжай, умоляю тебя, уезжай. Мне станет легче, когда буду знать, что тебя не тронут. Послушайся меня...

В таком духе полчаса, пока не выбилась из сил. Элла увела ее в домик, долго находилась с Натальей, потом вышла на террасу:

– Она уснула, я дала ей снотворного и сделала массаж. Что скажешь?

– Ничего.

- Как – ничего? – Элла села напротив.
- Я же не врач. Завтра посмотрим, что делать.
- Кажется, тебе тоже нужен массаж.

Элла стала за его спиной, прикоснулась пальцами к шее, снимая напряжение. У нее волшебные руки.

И утром не поворачивался язык, но когда-то же надо сказать. Брасов тянул за завтраком, трапеза закончилась, пора.

– Тори, я должен сообщить тебе о неприятностях. Вчера не смог, не хотел расстраивать.

– А в чем дело? – насторожилась она.

– Видишь ли, ты знаешь, как любит гонять Роб... Лихач, черт возьми.

– Напротив, он очень осторожный, дорожит собой. А что? С ним, да?..

– М... да. Он разбился. (Тори вздрогнула, ахнула.) Прости, я не хотел причинить тебе боль. Ты ведь все равно узнаешь.

– Как сильно он разбился?

– Дела плохи. Очень плохи. В общем... насмерть.

– О боже! – Тори мяла пальцы, глядя на поверхность стола. Когда Брасов положил руку ей на плечо, она погладила. – Ничего, ничего... Странно, как о чужом человеке узнала. Это правда. И грустно, потому что он давно чужой. На какой день назначили?..

– На послезавтра, должны приехать родственники. Тори, обязан предупредить тебя: отец его с матерью злы на тебя. Отец меня отчитал, мол, поступил я подло.

– Злились бы лучше на него, когда Роб жил, как свинья. А что они мне и тебе сделают? Не подпустят к гробу? Уедем вместе с детьми. Ладно, Юра, иди, тебе пора. Я тебе благодарна за то, что вчера не узнала, у нас был замечательный вечер. Иди.

Успокоившись, Брасов поехал на работу. Червячок точил, но где выход? Роберт Брасова списал бы без всяческих сомнений и ощущения вины, просто друг Юрка опередил его, следовательно, червяка из себя надо выбросить. Такова жизнь, кто сильнее и быстрее, тот и прав.

В то же время Тори металась из угла в угол, ее мысли заняла вчерашняя старуха. «Твой муж умер», – как страшно воспринимаются сегодня ее слова! А вчера Тори не придавала им значения. Стало быть, бабка знала?! Откуда? Кто она? И почему появилась?

«Я хочу, чтоб ты умерла. И ты умрешь. Скоро». Это еще страшнее, а главное, сегодня Тори поверила ей. А поверила потому, что умеет связывать одно с другим, поэтому она внезапно остановилась, похолодев.

– Бандероли! Вот, оказывается, что они означают.

Ей приготовили смерть. Сама мысль об этом убийственна, только от нее можно свихнуться или скончаться на месте. Умереть? Сейчас? Когда Тори ощутила вкус к жизни, когда ее любят и ей хорошо?

Как же это произойдет? И где? Кто это сделает? Кто ее приговорил? И так, бандероли расшифрованы, они пришли от Женьки, вернее, якобы от нее. Получается, Женька приведет приговор в исполнение? Но этого не может быть!

– Тихо, тихо... – Тори присела на подлокотник дивана, сложила ладони, уперла кончики пальцев в низ подбородка. Так проще сосредоточиться, собрать хаотичные мысли. – Лешка погиб. Роберт погиб. А меня подготавливали, присылая бандероли, вчера карга... Да, да, да. Я же сразу что-то почувствовала, получив коробку, какой-то заговор... Может, Лешке с Робом тоже присылали «подарки», а они молчали? Спокойно, спокойно. Их нет, а я есть. И я буду. Найти бы концы... Найду.

Мигом Тори переделалась, жутко суется. Жаль, очень жаль, что она не восстановила цепочку продавцов и покупателей сразу же, хотя что это даст? Мало ли кто въезжал в квартиру. Глупо, не там следует искать, но Тори не откажешь в упрямстве. Вдруг выяснится что-нибудь полезное?

Наталья вскочила рано: не спалось, а если удавалось, получалось ужасно. Уйти, не попрощавшись, нехорошо, она курила на террасе и ждала пробуждения Глеба с Эллой. Вела себя она вчера... Что о ней подумали? Неважно, главное, чтоб Глеб уехал отсюда, хоть одно стоящее дело сделает Наталья за всю свою жизнь, обедненную однообразием.

Появилась Элла в коротенькой маечке и трусиках – чертовски хороша. Увидев Наталью, смутилась:

– Извини, я забыла, что у нас гостя, пойду оденусь.

– Оставь. Из-за меня не стоит одеваться, все мы из одного и того же теста сделаны. (Все да не все, например, Элла из более качественного теста.) Тебе не холодно?

– Люблю холод. Но сегодня тепло, и вчера было. Только опять пасмурно. Как думаешь, будет дождь?

– Нет.

Когда не о чем говорить, говорят о погоде-природе. Наталья чувствовала себя неловко перед Эллой, ставшей свидетельницей истерики, но выручил Глеб:

– Доброе утро, девушки.

– Мне пора, – поднялась Наталья.

– Без завтрака не отпустим, потом я отвезу тебя, – возразил Глеб.

– Не надо отвозить, береги время, – запротестовала Наталья, причем с учительской категоричностью. – Такси вызови, днем за клиентами они сюда приезжают и порожняком.

– Как скажешь. Но я оплачу, и не возражать.

Завтрак прошел в натянутой атмосфере, фактически в молчании. Вчерашнюю тему не затронули, но от этого Наталье проще не стало, нервозность не исчезла, что было явственно видно в мелочах. У нее то кусок упадет на пол, то нечаянно заденет стакан и разобьет, то впадает в задумчивость. Она мечтала побыстрее уехать отсюда и одновременно страшилась возвращаться в город, где за каждым деревом и углом чудились убийцы. А про школу вообще забыла.

Когда подъехало такси, Наталья попросила Глеба проводить ее, не хотела при Элле напоминать о вчерашнем совете, если так можно выразиться. Идя по дорожке к ограде, она зачастую полусшепотом:

– Глеб, ты помнишь, о чем я говорила? Не думай, что я напилась и молола белиберду, а сегодня ничего не помню. Я не сошла с ума, здоровьем меня Бог не обделил. Пожалуйста, послушайся и уезжай подальше.

– Но я так и не понял почему.

– А ты просто поверь на слово. (Он открыл дверцу такси, Наталья села, но не дала ему захлопнуть.) Глеб, поверь. Пообещай, что уедешь. Ты уедешь?

– Наверное, раз ты настаиваешь.

– Перед смертью Лешка часто повторял: «Мы забыли одно правило, состоящее из слова «нельзя». Ты забудешь, что когда-то переступил через него, а правило всегда найдет момент, чтоб долбануть».

– Что он имел в виду?

Не взглянув на него, Наталья ответила требованием:

– Уезжай. – И захлопнула дверцу. – Поехали.

Глеб вернулся на террасу, закурил, наблюдая, как Элла моет посуду в эмалированном тазу. Условия на даче далеко не царские.

– По-моему, Наталья в пограничном состоянии, когда попросту сходят с ума, – заметила Элла.

– И мне так кажется.

– Но она приехала тебя спасти.

– От кого? – фыркнул Глеб.

22

Какой дурак подпирает спинами стены у дверей кабинетов чинуш? Только не Тори. Не хочешь получить отказ от букашки, не иди напрямую, а воспользуйся связями – таков принцип. Без очереди (по звонку) попав в кабинет Федеральной регистрационной службы, где занимаются сделками купли-продажи, Тори озадачила просьбой милую барышню.

– Понимаете, – мялась та, – у нас только за последние лет десять внесены сведения в компьютеры. Если помните, они не так давно вошли в нашу жизнь.

– Простите, кто вошел?

– Компьютеры.

Тори мастерица производить впечатление гранд-дамы, подлетевшей на лайнере (не меньше) к порогу вшивой регистрационной службы провинциального захолустья за мелочовкой, на которую она не желала бы потратить и двух минут. Слегка улыбнувшись барышне, наверняка вчерашней студентке, потому без опыта общения с людьми на сто голов выше нее, Тори мягко спросила:

– И что же нам делать?

– За десять лет я поищу сведения...

– Нет-нет-нет, – шире улыбнулась Тори, – мне нужны все покупатели и продавцы, начиная от этой фамилии. – Она ткнула пальцем в лист, лежавший перед девочкой. – То есть за двадцать лет.

– Остальное в предприятии технической инвентаризации хранится, а там не так-то легко найти.

– Понимаю, это большая работа. – Раз девочке не охота заниматься мартышкиным трудом, надо стимулировать. Тори вынула конверт из сумочки, положила на стол. – Поищите.

– А что здесь? – вытаращилась юная регистраторша. Или кто она там?

– Деньги, – ответила Тори, увидев, как широко распахнулись глаза барышни, упредила отказ: – Взятку давать вам не за что, а оплатить работу – это нормально. Не смущайтесь, вы не совершаете преступления, а делаете одолжение. Когда мне зайти?

– Не знаю, – протянула та, растерявшись. – Я позвоню, если найду.

– Без «если», хорошо? Надо найти. До свидания.

Выйдя из здания, Тори, конечно, села не на лайнер, а в свою машину,

закурила. Главное, что потом она будет делать с этими сведениями? Ладно, хоть что-то делает, сидение у окна в ожидании смерти – глупее ничего не придумаешь. Надо подумать, какие еще есть возможности отыскать концы.

Машина бежала, как самолет непосредственно перед взлетом, и так же подозрительно вибрировала, а Наталье было все равно. Она думала, достаточно ли убедительно уговаривала Глеба? Недостаточно. Он принял ее за психопатку, очевидно, со стороны именно так и выглядели бессвязные речи, слезы, истерика. Она в свое время не поняла Лешку, считала, дурью тот мается. Теперь Глеб не понял ее. Закономерно. Потому что Лешка не договаривал, она тоже, он щадил ее, Наталья вчера и сегодня щадилась себя, боялась показаться Глебу, мнением которого дорожила, дрянью и ничтожеством.

Проезжали мимо старого дачного поселка, удивлявшего приезжих ухоженностью и настоящими загородными коттеджами. Где-то там, среди густой зелени, находится дача Роберта, его отец начал строительство еще в советское время, а самого Роберта уже нет. Тошно. Наталья отвернула лицо к окну, ее взгляд уперся в зелено-желтую стену вдоль дороги, пронесившейся мимо. Это она проносится, потому что едет, а лес стоит на месте и всегда стоял, до ее рождения стоял, после нее будет стоять. Он многое видел, был свидетелем негласных событий... Событий?

– Поверните, пожалуйста, направо, – попросила Наталья.

– Там же нет жилых комплексов, один лес.

– Знаю. Поверните, мне нужно.

Дорога началась, как в джунглях, к тому же после долгих и обильных дождей она превратилась в месиво. Без сомнения, таксист пожалел, что поддался капризу пассажирки, поэтому остановил машину:

– Дальше не поеду, я вчера машину помыл.

– Хорошо, подождите меня, я скоро.

Таксист понимающе покивал, мол, за кустик женщине приспичило. Да пускай думает, как угодно.

Наталья брела к протоке, брела тупо к цели, зная, зачем туда идет. Просто постоять. Может быть, подумать, хотя о чем? О том, чего не вернуть? Бессмысленно, но появилась потребность посетить то место. Поверху оврага идти было легче, а вот спуститься крайне трудно, ноги скользили по листве и глинистой почве, приходилось продумывать, куда ступить и за что держаться. Появилась кромка воды светло-серого цвета, как небо, ровная и гладкая. Наталья спустилась на дно оврага и шла, ведь где-то здесь...

Подсказка очутилась под ногами, полоснув по глазам белым цветом. Намеренно или нет, но кто-то положил пучок белых гвоздик прямо на землю. Это не цветы, забытые влюбленной парочкой, уединившейся от посторонних глаз, потому что перевязаны они черной ленточкой. Гвоздики свежие, возможно, их принесли сюда вчера или сегодня ранним утром. Кто-то помнит, не исключено, что и напоминает. О, теперь Наталья не забудет, а ведь забыла. Жизнь течет, в ней много случается и хорошего, и плохого, плохое быстрее стирается из памяти, особенно когда сделано собственными руками, это защитная реакция. Лешкино правило долбануло и Наталью, но еще не до конца. А если гвоздики положил не человек, а тот, кто неустанно следит сверху за людишками и ведет счет их проступкам?

Наталья опустила на колени, завывала, подняв лицо к небу:

– Я не хотела... Я испугалась... – Она согнулась, закрыла лицо ладонями, спина ее вздрагивала. – Меня уговорили... Да, я все поняла, все, но не смогла... Прости... Прости меня, я не хотела... Правда, не хотела...

В идеальной тишине звуки становятся объемными и выпуклыми. Как бы Наталья ни билась в очередной истерике, а шуршание камыша слышала. Инстинкт самосохранения оказался сильнее страданий, он заставил вскинуть голову и поискать, откуда шум в безлюдном месте.

На противоположном берегу у стены поблекшего камыша совсем не трудно разглядеть черный столб. Их разделяла узкая и глубокая протока, но Наталья сжалась от ужаса, чувствуя, как в теле останавливается ток крови.

Старуха!!!

В голове не пронеслось: откуда взялась, как туда попала, почему она здесь? Она не могла знать, что Наталья свернет с дороги, не могла! Голова перестала варить, она лишь видела ведьму, лютого врага, казалось, у бабки сейчас вырастут руки и дотянутся к ней. Вместе с тем на периферии сознания сигнало: не доберется. Может, поэтому Наталья не упала без чувств, а зло, вперемежку с рычанием и визгом, заверещала:

– Что тебе надо, гадина? Чего привязалась ко мне? Убирайся! Пошла к черту, там тебе место!

А старуха стояла, сложив руки на животе, и не реагировала, зля Наталью до белого каления своим молчанием, преследованиями, пророчествами и видом. Подскочив на ноги, она отступала, агрессивно вопя:

– Чего ты хочешь? Крови моей? Ну, иди, иди сюда... Я сама тебя загрызу! Задавлю старую крысу! Гадина! Гадина!

Наталья кинулась бежать, по склону взбиралась на четвереньках, потом

дунула прочь со всех ног, повторяя:

– Гадина. Ведьма. Попадись мне только.

Заметив такси, она чуточку отдышалась, вытерла туфли о траву и упала рядом с водителем, полностью выбившись из сил.

– Долгонько вы, – недовольно буркнул он, заводя мотор.

– Я заплачу за простой, – вяло промямлила Наталья.

Дома она закрылась на все замки и весь день провела на софе. Не спала, находилась в прострации, словно одурманенная, ближе к вечеру позвонила директор школы:

– Наталья Сергеевна, почему вы не были на уроках?

– Я... – Отбросив плед, она подскочила, будто к ней вошел фюрер. – Я... извините, приболела.

– А сообщать на работу не входит в ваши обязанности?

– Я не могла. Мне было плохо... в троллейбусе стало плохо... то есть я потеряла сознание... ненадолго. Мне помогли поймать машину и... я приехала домой и... и легла. Простите, я совсем расклеилась... забыла позвонить.

– Вы к врачу обращались?

– Да какой там! К ним же с утра надо... э... чтоб вызвать врача на дом, с утра надо... Завтра обращусь.

– Значит, и завтра вас не будет?

– Должно быть... Да.

– Предоставьте больничный, иначе вы будете уволены за прогулы.

Выздоровливайте, до свидания.

Наталья упала на софу, накрыла ладонью глаза, устало выговорила:

– Как мне все надоело.

На следующий день Брасов остолбенел, войдя в приемную: дочь пожаловала. Вот что делает любовь с человеком: напрочь забыл о прошлом, следовательно, о детях. Анжела сидела, скукоженная, низко опустив голову, так что волосы разных оттенков свесились вниз, обеими руками обнимая живот, будто у нее колики... Брасова ударило: не беременная ли? Когда он вошел, Анжела подняла голову, но треклятые патлы закрыли половину лица, она их не убрала. Брасов распахнул дверь кабинета и кивнул дочери:

– Заходи.

– К вам никого не пускать? – востроенулась Лина.

Не ответил, захлопнул за собой дверь, прошел к креслу и обернулся, сооротив грозную мину, приготовился услышать: «Я беременная, так

получилось». Ну, он ей... Но увидев свое чадо – худюшее, на котором вещи болтались, джинсы висели на бедрах и широки, пупок наружу, курточка еле достает до пояса, кроссовки видали виды, – жалко стало. Он смягчился:

– Садись. (Она – плюх на стул, словно не ела три дня, и ножки у бедняжки подкосились.) Да убери ты волосы с лица. (У, какая послушная девочка, явно беременная. А ей всего... На аборт деньги пришла просить, но сначала надо найти врача, чтоб без последствий. Нет, сначала взбучку ей устроить, чтоб надолго запомнила.) Какие проблемы?

Анжела положила локти на стол, сама почти легла туда же и вопрос папе бросила:

– Ты совсем от нас ушел?

– Слушай, ты уже взрослая...

– Значит, совсем, – вздохнула она, трогая маркеры, авторучки. – Нет, я тебя понимаю, но маму жалко. Она то плачет, то орет на всех. С тетей Тори тебе лучше?

– Да. Анжела, я всегда любил Тори.

– А когда нас делал, маму не любил?

– Ты как с отцом разговариваешь? – постучал он по столу пальцем.

– Значит, не любил. Когда взрослые не знают, что сказать, или не хотят врать, начинают воспитывать криком. Так ты и нас бросил?

– Нет, что ты, – смутился Брасов, однако заставлял себя смотреть дочери в глаза. – Вас я люблю. Очень люблю и никогда не брошу. Честно.

– Но даже не звонил. И не позвонил бы, если б я не пришла.

– Звонить... нет. По телефону всего не скажешь... Вру, боялся, что ты или сын бросите трубку. Думал позже увидеться, встретить у школы, объяснить. Мне ведь перед вами неловко, а домой я не могу приходить, сама понимаешь.

– Что я, дура? Тебе тяжело было с мамой, только... тебя сейчас дома не хватает.

Вот когда он опустил голову: она тронула его до слез, сказав – не хватает. А полагал, в их семье каждый сам по себе, только сходились за обеденным столом. С трудом Брасов выдавил из себя:

– Анжела, прости, я не смог остаться с мамой.

– А ты купи у меня прощение, а?

У Брасова вытянулось лицо. Нет, он тут, можно сказать, страдает, ему стыдно, а доченька практична, как банкир.

– Вот как! Так ты за деньгами пришла?

– За ними тоже. Мама не дает, говорит, идите к своему папочке.

– Так... – протянул он, постукивая пальцами по столу. – И много

просишь?

– Чем больше, тем лучше. Хоть мешок, все потрачу.

Кто ж откажет родной дочке? Ей же мороженого или пирожок в школе съесть надо, колы выпить, поклубиться, да и нехорошо дочери такого человека без денег гулять. Собственно, он рад, главная головная боль исчезла бесследно: с Анжелой они не стали врагами. Брасов достал две тысячи:

– Хватит?

– Ну, пока хватит, потом еще дашь.

Ее рука упала на стол ладонью кверху, мол, клади денежки, а у Брасова – спазм в горле. Браслет! На запястье Анжелы! Знакомый до отвращения! Браслет из цветных бусинок!

– Что это? – выдавил он, указывая глазами.

– Это? – подняла она руку. – Фенечка.

– Что еще за фенечка?

– Ну, от сглаза, порчи, чтоб никакая зараза не пристала. Удачу притягивает. Оберег еще называется.

– Дай-ка сюда...

Взяв браслет, Юрасов перебирал бусины... Тот самый, нет сомнений. У его дочери!

– Где взяла?

– В клубе девчонка подарила на счастье.

– Как ее зовут?

– М... – водила глазами Анжела, вспоминая. – Она подошла ко мне в клубе и сказала, что ее зовут... Женька. Да, Женька. И что она хочет подарить мне эту фенечку. Сняла с руки и дала, я взяла.

Услышав имя, в первый миг Брасов задохнулся от ужаса. Однако Женек сотни, тысячи, это совпадение – неубедительно, однако.

– Как она выглядела? – быстро спросил он.

– Блондинка... – покрутила пальцами у висков Анжела, видимо изображая локоны. – Волосы длинные, до пояса, я думала, прицепила хвост, а он настоящий. Но в отстойных шмотках.

– Что значит – отстойных?

– Ну, вне моды.

– Во что она была одета?

– Юбка короткая, черная, блуза красная с квадратиками, туфли красные... Полный отстой, так одеваются ископаемые.

– Когда она подарила тебе браслет, когда это было?

– Позавчера.

И позавчера разбился Роберт. Стало быть, вон как его решили доконать – к дочери подобраться.

– Пап, ты чего испугался? – недоумевала Анжела. – Это простая девчонка, без закидонов, тебе как раз такие нравятся.

Брасов понял, что продал себя, поэтому следующий вопрос задал, натянув дурацкую, как ему казалось, но довольную улыбку:

– Так ты дружишь с этой хорошей девочкой?

– Не видела ее больше. И телефонами мы не обменялись. Она подошла, отдала браслет на счастье и ушла. Отдай.

– Слушай, Анжела, оставь его у меня.

– Пап, это же подарок.

– Я тебе другой куплю... потом отдам этот... позже.

– Тогда гони еще три штуки, – затарахтела она, – куплю серебряный, Динка толкает. Это крупная и плоская цепочка с монетками, я давно хотела такой, но не попадался. Дашь?

А куда денется? Отсчитывая купюры, он осторожно поинтересовался:

– Сегодня пойдешь на... Лысину?

– А то. Я ж теперь при бабках.

– Ну, иди, иди. Стой. Больше нет никаких проблем? (Беременность ему не давала покоя, вдруг девочка не на браслет деньги взяла.)

– Проблемы будут у тебя и большие. Мама на развод подает, сказала, обдерет тебя как липку.

– Это она загнула. Да, будь другом, привези мои костюмы, рубашки, в общем, всю одежду, а то я запарился покупать новые. Можно частями. Ты потихоньку от матери, а?

– Пап... – потупилась Анжела, закусив губу. – Не смогу.

– Почему?

– Мама сожгла твои вещи во дворе.

– Да ну! Все?

– Все. Даже носки. Такой костер получился... соседи пожарных вызвали. Пап, не сердись на нее, ты ж ее бросил, она обижена.

– Ну, ладно... Ты куда сейчас?

– Пф! Домой. Уроков полно, хочу успеть до Лысины. Пока.

Едва за ней закрылась дверь, Брасов снял трубку, лихорадочно набрал номер, когда на другом конце провода ответили, он отбарабанил:

– Илья, срочно ко мне! Засада больше не понадобится, браслет передали мне через мою дочь. Сегодня же вы поучите деньги, но у вас будет еще работа. Вы возьмете под наблюдение мою дочь, глаз с нее не спускайте! Слышите? Ни днем, ни ночью не спускать! Быть от нее не

дальше двух метров. Возьмите в помощь людей, сколько потребуется. За дорогу ко мне продумайте, что вам для этого нужно. Жду.

Положив трубку на аппарат, Брасов вертел в руке браслет, потом ахнул им о стол со всей силы. Пока только таким образом он мог выразить свою ненависть. Бусины не разлетись в разные стороны, как когда-то, а замерли на темной полировке веселенькой змейкой, соединенной в кольцо.

23

Тори не принимала участия в организации похорон, сказав Брасову:

– На вокзале, когда фотографировала его с любовницей, я поставила точку: Роберт чужой мне человек.

Легко осуждать, посторонний человек не преминет это сделать, для него важен сам факт, следствие, а не причина, впрочем, причины никто не выставляет напоказ. Тори приехала с детьми, разумеется, и с Брасовым, мама с папой Роберта постреляли глазами, но языки попридержали, зная точно, что бывшая невестка способна на многое, потому опасаясь скандала. И у них обывательская позиция: как она посмела бросить Роберта? А ей, по большому счету, плевать на них, на злословие, да и на бывшего мужа. Чисто по-человечески его было жаль. У нее удивительная способность отрезать все ненужное одним махом, а много переживают за чужого человека? Так и она. Поэтому все подмечала, всех замечала. Заметила на кладбище и Нелли, стоявшую в сторонке. Тори подошла к ней, взяла за руку и подвела к гробу.

– Кто это? – тихо спросил отец Роба.

– Женщина, которую любил ваш сын.

Это была шпилька родителям и родственникам, злобно косившимся на Тори: мол, какие ко мне претензии, их следует предъявлять тому, кто лежит в гробу. Это была и демонстрация благородства, подчеркивающего разницу между ними, дескать, я должна ненавидеть любовницу, вас и Роба, но, как видите, у меня нет камня за пазухой, так что давайте жить дружно. Тори любую ситуацию способна повернуть в свою пользу.

По дороге к машинам Брасов, Тори и Нелли шли вместе.

– Я должна рассказать вам об одной странности, – сказала Нелли.

Тори странности любовницы мужа не интересовали, она думала, как бы самой не очутиться в гробу, а Брасов ничего не пропускал мимо ушей:

– О какой?

– В тот день Роберт встречал меня на вокзале, я шла к нему, а он ко мне, и вдруг... Подъехал джип, меня затолкали в него и повезли за город. Как раз по той дороге, где погиб Роберт.

– Значит, он ехал за тобой, – сделал вывод Брасов.

– Я тоже так думаю.

– А как ты выбралась?

– Это как раз и есть странность, которой я не понимаю. Джип поехал по объездной дороге, они так гнали, что я думала, конец пришел. Потом вернулись в город, меня отпустили. Зачем же тогда похитили?

Брасов пожал плечами, но про себя произвел расчеты: Нелли затащили в джип, чтоб заманить Роберта и устроить ему гонки. Значит, что-то подкрутили в машине, та не выдержала бешеной скорости и перевернулась. Когда киллеры успели покопаться в автомобиле и инсценировать похищение? Заказ был сделан вечером, а на следующий день Роберт разбился. Как они могли узнать за такое короткое время о любовнице? Допустим, Бумер знает все про всех, но знать, когда приезжает Нелли, что она вообще приезжает и Роберт будет ее встречать, даже он не мог. Что-то тут не вяжется, а Брасов должен знать настоящие причины гибели.

Поминальный обед заказали в ресторане, Наталья принимала одну за другой рюмки с водкой во время речей и между ними, а ни в одном глазу. После поминок многие не расходились, стояли у ресторана и беседовали. Увидев, что Брасов отошел в сторонку с мужчиной, а Тори курила около машины, куда усадила детей, Наталья направилась к ней. С каким бы удовольствием она оттаскала Тори при всех за волосы, но нельзя, в милицию попадет за хулиганство.

– Ну и как, довольна? – зло процедила Наталья подруге.

– В смысле? – насторожилась Тори.

– Роба нет, а у тебя нет проблем. Ты всегда убираешь тех, кто мешает тебе, а выигрываешь далеко не всегда.

– Наташа, ты пьяна, иди поспи.

Тори постаралась помягче, но Наталью как подменили, она не услышала сочувствия в интонации, с ненавистью прошипела:

– Ты нам всем изгадила жизнь. Сейчас Юрку с толку сбила, Зинку с детьми сделала несчастной. Ты всех делаешь несчастными и радуешься, потому что думаешь, что выиграла. Юрка, дурак, не понимает, от кого идет зло, а я понимаю. Но запомни: ничего не выиграешь, тоже очутишься там.

– Наталья, ты думаешь, что несешь?

– Думаю. Знаю. Это ты убила Роберта.

– Слушай, всему есть предел, – вспыхнула Тори. – У тебя с головой все в порядке?

– Моя голова была не в порядке двадцать лет назад, когда я у тебя на поводу пошла. А сейчас она встала на место. Ты убила Роберта, Лешку, меня. Юрка, дурак, не знает, что и его песенка спета.

Тори отбросила сигарету, подступила к Наталье и пригрозила:

– Если ты сейчас же не уберешься, я вызову неотложку и тебя отвезут к

психам. Там твое место. Убирайся.

Сработала многолетняя закваска: Наталья пасовала перед натиском, поэтому сникла и отступила, но последнее слово оставила за собой:

– Не вывернешься, запомни. За все надо платить.

Она ушла, Тори вытащила новую сигарету, закурила, цедя:

– Совсем рехнулась, идиотка. С детства была недоразвитая и прибитая, а сейчас вообще в маразм впала. Юра!

Брасов оглянулся и помахал рукой, мол, я сейчас. Увидев, что к ней подошли Глеб с Эллой, он задержался. А за небольшое время успел выяснить некоторые подробности гибели Роберта у начальника УВД, подвел итог:

– Значит, машина была в порядке...

– В полном, – подтвердил тот. – Накануне Роберт прошел техосмотр, у нас его проводят не формально. И экспертиза показала, что машина ни при чем, в таких случаях говорят – не справился с управлением.

– Странно, Роберт водитель опытный и осторожный.

– Как раз опытные водители часто теряют контроль. Скорость превысил почти вдвое нормы, автомобиль снесло в сторону.

– А не могло быть так: кто-то открутил гайку...

– Юрий Артемович, – понимающе усмехнулся тот, – наши эксперты не желторотые мальчишки, в своей работе знают толк. Поверьте, нет причин заводить уголовное дело, вина полностью лежит на Роберте.

Брасов попрощался с ним и поспешил к Тори и Глебу с Эллой.

– Что такое? – спросил, заметив, что Тори немного выбита из равновесия. – Еще что-нибудь?

– Нет-нет, – заверила она. – Просто Наташка меня беспокоит, по-моему, по ней психушка плачет.

– Все же, Тори, что произошло? – допытывался и Глеб.

– Да наговорила тут... всякого, я не поняла.

– Я интересуюсь не из праздного любопытства, – сказал Глеб. – Два дня она приехала ночью к нам на дачу, несла ахиною, требовала уехать. А тебе что наговорила?

– Кого-то обвиняла, меня в том числе... Да нет, я в норме, а вот она...

– Ей нужен врач, – заключила немногословная Элла.

– Неужели все так серьезно? – нахмурился Брасов. – Где она?

– Не знаю – пожала плечами Тори.

– Ладно, попробую уговорить ее показаться врачу, меня Наташка слушается.

– На этот раз не послушается, – фыркнула Тори. – Видел бы ты ее!

Подбородок дрожит, осунулась, глаза безумные, речь бессвязная – вывалила мне какие-то беспросветные фантазии и ушла.

– Тем более пора ею заняться, – вздохнул Брасов. – Черт, как не ко времени! У меня без Наташки черная полоса, ну да ничего, справлюсь. Ты, Глеб, долго еще пробудешь здесь?

– К сожалению, нет.

– Тогда давай на днях посидим без шумной компании, только мы и вы?

– Звони, – согласился он. – Мы с Эллой на даче, хотите, приезжайте к нам, рассмотрим и другие предложения.

– Вы на даче проводите все время? – изумилась Тори. – Не понимаю, как можно там жить.

– Иногда хочется отдохнуть от цивилизации, – улыбнулся Глеб. – До встречи. Поехали, Элла?

Глядя им в след, Тори проворчала:

– Взял бы и поручил Наташку Глебу, он все равно загорает на грядках со своей Эллочкой. Кстати, она была больше его подружкой, чем нашей, это его прямая обязанность.

– Теперь Наташка наша проблема. Глеб уедет, а она останется.

– Тогда бы и нянчился с ней. У тебя ведь действительно забот через край, а ты не двуличный. Меня больше заботит твое здоровье, а не ее.

Он обнял Тори за плечи, коснулся носом ее щеки. Если б не смерть Роба, Брасов чувствовал бы в себе счастья до небес, потому что, по расчетам, не он виноват, может спать спокойно. Похоже, не нанятый киллер устранил Роба. Проблема в том, что и милиция ошибается. Нелли увезли на глазах Роберта, он поехал за похитителями, а те, объехав город, неожиданно отпустили Нелли. Значит, его заманили и устроили гонки, закончившиеся трагически. Кто заманил? Вот она, ядовитая заноза. Похитителей было двое и водитель, целая группа. Судя по браслетикам, которые нашли у Лешки (потом ими доканывали Наташку, может, на этой почве она слегка и тронулась, но ведь Брасов получил такой же), – настроена группа серьезно. Поэтому Брасов не расслаблялся, а думал, чем защитить себя и Тори. Одно утешало: ее пока не трогали, она бы обязательно рассказала ему. Брасов не хотел тревожить Тори, потому молчал сам, старался не думать, что неизвестные противники возьмутся и за нее. Но к дочери подобралась. Неужели намерены отнять ее у него? Впрочем, он принял все возможные меры, чтоб защитить дочь – Анжела под надежной охраной из нескольких человек, а на душе неспокойно.

Вечером он названивал Наталье, та не брала трубку, но Брасов был настойчив. Наконец ответила:

– Да?

– Наташка, это я. Ты как?

– В норме.

По тону он догадался, что разговаривать она не расположена.

– Наташа, скажи, в эти дни было спокойно?

– В каком смысле?

– Хм. Ну, ты знаешь, в каком. Получала что-нибудь... типа браслетов?

– Нет, не получала.

Сказала твердо, не вызвав сомнений у Брасова.

– Это хорошо, – произнес он. – Тори говорила...

– А ты не слушай Тори, – вяло перебила она, – себя слушай.

– Мне не нравится твое настроение.

– Мне тоже. Приболела чуть-чуть.

– А говоришь, ты в норме. Ну, лечись. Деньги нужны?

– Нет. Мне нужен покой, только покой.

– Тогда не буду тебя мучить. Я заеду как-нибудь. Пока.

Когда Брасов проезжал мимо кисока, срабатывал условный рефлекс – глаза помимо воли искали... И нашли! Теперь только бы не упустить ее. Они встретились взглядами, Брасов обернулся – стоит, смотрит вслед.

– За угол, Игорь, и останови! – дал команду водителю, который уже не удивлялся причудам шефа.

Брасов крался за девочкой в красном плаще, решив: если она пойдет к тому же дому, где консьержка безбожно лгала ему, он ее схватит, если же она по другой дороге двинет, проследит – куда. Девочка не перешла проезжую часть, как прошлый раз, а шла по тротуару, что и облегчило задачу. Возможно, он сегодня узнает, в каком месте логово заговорщиков, ведь девочка должна давать кому-то отчет о своих действиях и его реакции. Потом придумает, что с ними делать. Впрочем, думать незачем. Брасов расправится с ублюдками без милиции, наймет армию убийц, но избавится. А в милицию не обратится, нет, к сожалению. Хотя там имеются знакомые, которые откликнутся на его беду, особенно за вознаграждение, и намного меньшее, чем придется кинуть убийцам. Дело в том, что, арестовав ублюдков, милиция будет их допрашивать. И тогда выяснится такое, что Юрий Артемович Брасов – уважаемый, солидный, успешный (если не считать пожара) – высветится в ином свете, весьма тусклом. Безусловно, ему ничего страшного не грозит за давностью лет, но и ореол подонка не нужен. О прошлом страстно хочется забыть, забыть навсегда, а не дают. К тому же опасность велика: Лешки нет, Роба нет, кто

на очереди?

Брасов видел ее спину и хвост из длинных пышных волос, он волновался, появилась одышка, в висках пульсировало. Казалось, удача близка, не может же быть, чтоб каждый раз он оставался в дураках, наверняка вызывая гомерический хохот у тех, кто шутки с ним шутит! Дудки!

Девочка повернула за угол, Брасов со всех ног кинулся вдогонку и заметил, в какое здание она вошла. На стене табличка «Редакция газеты «Новое слово». Ах как славно, здесь не обманут. Он вошел, снова повезло: вахтер был не один, разговаривал с молодым человеком:

– ...как в рекламе, больных не было б. А она не послушалась, заняла и купила этот прибор! Честно, чуть не прибил ее! Две наших пенсии, а толку ноль, зато долгов через край!

– Здравствуйте, – сказал Брасов. – Сюда только что вошла девушка в красном плаще, блондинка, молоденькая, лет семнадцати-восемнадцати. Она сказала, к кому идет?

Вахтер и молодой человек переглянулись, первый ответил:

– Ошибаетесь, сюда никто не заходил.

И повернул бессовестную рожу к молодому человеку, собираясь обсуждать дальше денежные затруднения! Брасов осатанел. Его опять надувают, неужели в заговоре участвует весь город?

– Вы не могли ее не заметить, она же прошла мимо вас, – еще сдерживаясь, произнес Брасов, но был уже на пределе. Обратился к молодому человеку: – И вы не видели?

– Вам же ясно сказали: никто не заходил, – ответил мальчик. – Мы здесь минут двадцать разговариваем...

– Издеваетесь? – вскипел Брасов, перебив наглеца, вздумавшего лгать ему. Главное, зачем они это делают? – Хорошо, сколько стоит, чтоб вы сказали мне, куда пошла девушка? По шутке каждому хватит?

– Ого, – удивился вахтер. – Я б с удовольствием взял, но девчонок здесь нет, одни дамы по отделам сидят.

– Я сам проверю.

Брасов ринулся по коридору, открывал двери, заглядывая в кабинеты, громко захлопывал их и открывал следующую дверь. Вахтер, разумеется, бросился за ним:

– Эй, товарищ, куда ты?

– Да пошел ты! Я тебе не товарищ.

На шум высунулись головы из тех кабинетов, куда успел заглянуть Брасов, слышались переговоры:

– Что тут?

– Да какой-то псих ворвался.

– Милицию вызывайте.

– Милицию?! – развернулся к ним разъяренный Брасов. – Вызывайте! Я вам покажу – псих! Не знаете, с кем связались! Завтра же вашу газетенку разгонят, это я вам обещаю! Где она? Я спрашиваю, где она?

– Алло, милиция? – донеслось до него. – Это газета «Новое слово». К нам в редакцию ворвался ненормальный, грозит, ругается, кричит...

– Я ненормальный?! – взревел Брасов. – Вы, продажные твари, нормального, здорового человека сделаете больным на все части тела своими пасквилями! Разгоню всех! До единого!

Два крупногабаритных молодчика не стали дожидаться милиции, накинулись на Брасова, а он не владел приемами карате, и выкинули на улицу. В прямом смысле выкинули! Он упал на тротуар, выложенный плиткой Роберта, прохожие в этом месте редки, но и те обходили его. Поразительное равнодушие! Брасов поднялся, отряхнулся, что чувствовал – не описать. К машине шел скорым шагом, постоянно оглядываясь и намечая план действия. Он этого так не оставит.

Весь день провел на телефоне, выясняя, кто истинный владелец газетки, ведь известно, что сама по себе она существовать не может, как и приносить прибыль. Каприз дорогой, нужен в определенные периоды, когда проходят те же выборы, следовательно, ее содержит тот, кто ползет к власти или уже сидит в кресле. Но данный факт не пугал Брасова, потому что он выяснил, что газета принадлежит не мэру, с которым пришлось бы повоевать, а это дополнительные хлопоты. Только имени владельца так и не узнал. Тем не менее времени зря не потратил, ему влиятельные люди пообещали помочь газетку прикрыть.

24

Очувтившись в полной и практически сознательной изолированности, Наталья культивировала в себе состояние ужаса, а не пыталась выйти из него. Не отвлекалась на каждодневные радости – чашку кофе, телевизор, болтовню с подругами по телефону, чтение. Только помнила, что есть больничный, его надо продлить, так как в школе появляться нет ни желания, ни сил.

Терапевт, заполнявшая карту и кидавшая на пациентку оценивающие взгляды, заметила некоторую неадекватность и огорошила Наталью:

– Возьмите направление к невропатологу.

– Зачем? – дернулась та.

– Я направляю пациентов на обследование не только к невропатологу, – невозмутимо объясняла терапевт. – Вот направления на кардиограмму, к окулисту, к эндокринологу, к гинекологу. Не исключено, что у вас ранний климакс. Анализы в порядке, а причины заболевания мне неясны, мы должны их установить, чтобы назначить лечение. У вас утомленный вид, возможно, это хроническая усталость, не волнуйтесь, она поддается лечению. А пока пейте успокоительные таблетки, которые я прописала. Пройдете обследование – придете ко мне.

Наталья забрала направления и не побежала по врачам устанавливать диагноз, а ходила по городу. Зачем? Цели не было, но в толпе приходило ощущение, будто несет она мученический крест на плечах, что возвышало ее над остальными. В самом деле, все люди как люди – мельтешат, заняты заботами, радуются и печалются, живут земной жизнью, а она уже той. Они понятия не имеют, что с ними случится через час, а Наталье известно. Путь predetermined, поэтому диагноз неважен, в какой именно час это произойдет, она, конечно, не знала, но была уверена: произойдет, и очень скоро, оттого мучительно тяжело ожидание, тяжело смотреть на тех, кто остается. Вместе с тем она готова.

Вечерело. Ноги устали, в них появилась тяжесть, как будто привязали мешки с песком. Наталья зашла в кафе, села за столик у окна и заказала чай с лимоном. Он оказался слишком горячим. Несмотря на жажду, Наталья не глотала кипятка и не сообразила попросить официантку принести простой воды, болтала ложкой в чашке, поднимала ее и наблюдала, как падают капли. Наконец он остыл. Наталья поднесла чашку ко рту, отхлебнула,

рассеянно повела глазами и вдруг замерла.

Им мешало лишь стекло, никогда старуха не была так близко...

В это же время Брасов тоже находился в кафе с исполнителем заказа, потребовавшим гонорар за смерть Роберта.

– Я хочу знать подробности, как ты это сделал, – сказал Брасов, понимая, что парень решил развести его как лоха. Но чтобы сопляка уличить, необходимо его подловить.

– Ты хотел, чтоб его не стало, а как – это наши проблемы.

– И мои. Я должен знать, за что плачу.

– Тебя что-то не устраивает?

– Все устраивает, но настораживает... оперативность. Пятнадцать тысяч зелени не пятнадцать рублей, которые не жалко кинуть на бедность, такую охрененную сумму обязаны честно отрабатывать. Вот я и хочу знать, как ты ее отработал, только после этого получишь все сполна.

Видно же, крутой парень попал в тупик, мыслишки его бешено скакали в безмозглом черепе, а Брасов ждал, когда он их соберет. Собрал, потому что выдал примитивную версию:

– Мы покопались в его тачке.

– Хорошо, – удовлетворенно крикнул Брасов. – А почему ваше «копание» не сработало в городе?

– Срабатывает при развитии большой скорости.

– Последний вопрос: почему он выехал за город?

– У него спроси, – усмехнулся парень.

– Значит, не знаешь.

– По делам поехал, – язвительно произнес тот.

– Да нет у него в той части дел, даже дача отца находится в противоположной стороне. Ты не выполнил условие, а именно: должен был позвонить, чтоб я обеспечил себе алиби. Вот тебе первая причина сомнений. Вторая: ты даже не знаешь, что в этой истории есть еще один важный персонаж – его любовница. Благодаря ей, но вопреки ее желанию, Роба заманили за город, где он развил бешеную скорость, но заманил не ты. Любовницу увезли на его глазах, он рванул за похитителями и разбился. Погоди, помолчи, – выставил ладонь Брасов, когда парень открыл рот. – Если сейчас скажешь, что участвовал в похищении, я задам еще несколько вопросов, на которые ты не ответишь или ответишь опять невпопад. Извини, я не могу платить за то, чего ты не сделал, а вправе требовать вернуть аванс, но! Поскольку не по твоей вине сорвалась операция, пять тысяч оставляю. Мы в расчете.

Молодой человек поднялся со стула, недобро сверкнул глазами, но крыть было нечем. Не попрощавшись, он ушел. Может показаться, Брасов после известных событий впал в маразм, выбрасывая на ветер большие деньги, однако он действовал по принципу: и овцы целы, и волки сыты. В данном случае овца он, а пацан – волк, жадность могла привести к необратимым последствиям, то есть к пуле из-за угла. А теперь этот говнюк покрутит шариками на досуге, поймет, что задаром хапнул кругленькую сумму, глядишь – спасибо скажет хотя бы мысленно.

С одной стороны, на лицо старухи упали цветные пятна от электрических рекламных щитов, с другой его спрятала тень, отчего вместо глазницы зияла глубокая пустота. Второй глаз, светясь как лампочка, просачивался в Наталью, выжигая остатки здравого смысла и заполняя животным ужасом перед неотвратимостью. В ее воспаленном мозгу старуха предстала инферальной субстанцией без плоти и жизни, Наталье не пришло в голову, что такое впечатление производит всего-навсего игра света и тени. Казалось, старуха высасывает из нее силы, которых и так немного, сердце то останавливалось, и тогда Наталья думала, что вот она, смерть, то пускалось вновь в скачку. Значит, отсрочка. Дошло: старуха игралась ею, как кошка мышкой, Наталья зажмурилась крепко-крепко, вслушивалась в удары сердца, слабо сопротивляясь умиранию.

Когда она открыла глаза, то боковым зрением заметила: старуха не ушла. Наталья снова повернула к ней голову и... мелко-мелко задрожала. На месте старой ведьмы она видела ту, которая вправе предъявить ей счет. Несмотря на те же блики световых пятен, упавшие на ее лицо, она узнаваема, нисколько не изменилась, такая же юная, как была когда-то. Те же светлые волосы, наверняка сзади прихваченные заколкой, тот же плащ, та же блуза, тот же браслетик из бусин на руке. Ладонь она положила на стекло. Но то, что именно ее видела Наталья, вызвало шок. Шок и одновременно шквал нежности, которая теплилась в ней, а вылить было не на кого. Ведь у нее могла бы быть дочь этого же возраста, такая же хорошенькая, она могла бы любить ее, жить для нее, но счастье пролетело мимо, наверное, это наказание за маленькую подлость. Наталья беззвучно плакала, сожалея о многом-многом.

– Женщина, вам плохо? – участливо спросила официантка, склонившись к ней.

Наталья вскинулась, смутилась и сквозь слезы улыбнулась:

– Нет... Просто я... – Глянула в окно, а там никого. Она суетливо

подхватила, сунула официантке деньги. – Извините... это со мной бывает. Выскочила на улицу. Ни старухи, ни...

– Привиделось, – проговорила Наталья, идя к стоянке такси. – Надо поспать. Я устала. Я очень-очень устала...

Таксист подвез ее к дому, она, не глядя, вытащила купюру, отдала ему пятьсот рублей и побежала к подъезду.

– Э! А сдачу? – крикнул вдогонку таксист.

Не докричался, пассажирка заскочила в подъезд.

Дома Наталья приняла таблетку снотворного, постояла под душем, но сон не шел. Она приняла вторую таблетку. Немного полежала. Спать не хотелось. Выпила третью. Только начала придремывать, раздался звонок, пришлось встать, идти в прихожую – трубка лежала в сумке. Пока дошла и нашла телефон, звонить прекратили. Наталья не посмотрела, кто звонил, вернулась в комнату, легла, проворчав:

– Теперь не усну. – И села. – Я же забыла выпить снотворное.

Подумала и проглотила две таблетки. Посидела, вспоминая, что сегодня не сделала, но должна была, что-то важное, связанное... Связь у нее на сегодняшний день одна, все на этой связи завязывается. Вспомнила! Наталья взяла телефон со стола, позвонила Глебу.

– Наташка, я тебе недавно звонил. Как себя чувствуешь?

– Я? Прекрасно. Да, прекрасно, а почему ты спросил?

– Когда ты была у нас...

– А, нет-нет, это прошло, – поспешно сказала она. – Ты где?

– Здесь, на даче.

– Не уехал, значит. Глеб, почему ты не уехал?

– Наташа, нельзя же так сразу! Родители обидятся. Они каждый день приезжают, приезжай и ты на свежий воздух.

– Хорошо, хорошо. Завтра приеду... Или нет, послезавтра. Что-то я тебе хотела... Ах да! Глеб, я видела ее.

– Кого?

– Женьку, – шепотом сказала она.

– Кого?!

– Да-да. Да. Ее. Она здесь, в городе.

– Наташа...

– У, сразу какой тон, – рассмеялась она. – А я не сошла с ума, говорю правду, но ты мне не веришь. Скажи, не веришь?

– Наташа, тебе показалось. Хочешь, мы с Эллой приедем к тебе прямо сейчас?

– Ой, не надо. Уже поздно, я ужасно хочу спать, еле держусь. Если

засну, а я обязательно засну, меня пушкой не разбудишь. Все-таки не веришь... И не уехал... Жаль.

– Наташа, ты хорошенько выспишься, а завтра мы заедем за тобой.

– Погоди, Глеб, не бросай трубку. Я расскажу тебе одну историю... очень любопытную... и плохую... Не пугайся, не все плохие истории оборачиваются несчастьями для тех, кому их рассказывают...

Она говорила и говорила, не давая ему вставить слово, говорила взахлеб и долго, а когда захотела послушать его – трубка не отвечала. Наталья нажимала на кнопки, а дисплей не светился. О, да это батарея села. Вздыхнув, она кинула телефон на стол, где лежали таблетки и стоял стакан с водой. Одну кинула в рот, запила водой, потом машинально, сосредоточенно о чем-то думая, бросала в рот таблетки и запивала. Упаковка закончилась, а спать не хотелось. В аптечке она нашла другие таблетки, прочитала инструкцию и принялась поглощать их. Голова приобрела легкость, наконец, ее потянуло в сон, причем мгновенно. Наталья легла на бок, накрылась одеялом, свет не выключила, при свете как-то спокойней, а то откроешь глаза, а вокруг темнота... Страшно.

– Юра, ты не спишь?

– Нет.

– Почему? – Тори повернулась на бок и, хотя было темно, профиль Брасова проступал отчетливо. Она повторила вопрос: – Почему не спишь?

– Не спится.

– И мне. Тебя что-то беспокоит?

– А то, – усмехнулся он, притянул Тори и обнял. – Полоса мрачноватая. Черной ее не назовешь, ты ведь со мной, значит, не так все плохо, а мрачноватой – в самый раз.

– Но ты сказал – плохо. Пожар имеешь в виду или...

– И пожар, и Лешку, и Роба, и Наташку, и...

Он протяжно вздохнул, поставив после фразы многоточие, замолчал, а Тори насторожилась:

– Что еще?

– Разве этого не достаточно?

– Мне кажется, ты не договариваешь, это неправильно. Юрка, от меня ничего не скрывай, ладно?

– Ни-ни.

– Может, боишься меня огорчить? Не бойся, я крепкая, от неприятностей не раскисаю, если ты заметил.

– Еще бы не заметить. Ты сильная, храбрая, умная, красивая. За что мне

такое богатство? Я же богач, раз у меня есть ты.

– Ой, ой, ой, – тихо рассмеялась она. – Ты прирожденный льстец-самоучка. Но мне приятно. Юрка, а хочешь, признаюсь кое в чем?

– Только если твое признание не добавит черноты в мою мрачную полосу.

– Надеюсь, наоборот. Знаешь, я нашла главное, то, чего мне не хватало. Это... только не смейся над моей сентиментальностью... это все то, что у меня есть сейчас. Ты, эта маленькая квартира, наши ужины и завтраки, наши разговоры, треклятый быт, который я не терпеть не могу и сваливала его на Аннушку. Даже твой храп, а храпишь ты чудовищно, слушаю как музыку. Юрка, я не хочу все это потерять, не хочу, не хочу...

Тори, не подверженная человеческим слабостям, захлопала носом. Брасов крепче прижал ее к себе, поцеловал в макушку, легко найдя утешительные слова:

– Тошка, не узнаю тебя. Не хнычь, с чего ты взяла, что потеряешь? Ни фига подобного. И я не намерен. Помнишь, как ты отдалась мне на выпускном вечере прямо на школьном столе в классе? Я был на седьмом небе, примерно как сейчас. Как нас тогда не застукали, а?

– Нашел, что вспомнить.

– Всю жизнь вспоминал и мечтал повторить такой прорыв к тебе... Но ты вышла замуж за Роба. Я страдал.

– Сама не понимаю, зачем это сделала. Родители Роба насели на нас, а теперь меня ненавидят, я же обманула их ожидания – не захотела больше числиться патронажной сестрой милосердия. Юрка, скажи, ты веришь, что он погиб случайно?

– Не знаю, как было.

Солгал и не солгал. То, что смерть не случайна, – уверен, а как ее подстроили и кто – действительно не знает. Тьма загадок, Тори не стоит ими пугать. Впервые за многие годы Брасов стремится домой, где ему легко и комфортно, забываются, мягко говоря, неприятности. Если же Тори узнает о браслетах и видениях среди бела дня, возможно, и не сочтет его за помешанного, но между ними встанет прошлое. Тогда комфорта даже здесь не видать.

А Брасову крайне тяжело, иногда он сам о себе думает, что у него сдвиг по фазе. А как иначе? Девчонка вошла в дом – консьержка ее не видела, вошла в редакцию – теперь уже два человека ее не видели. Такое может быть? Неужели он ошибается, неужели нет людского заговора, а вмешались могущественные сущности из другого мира? Что, если только он видит девочку, потому что она так хочет, а другие, нисколько не

притворяясь, не видят на самом деле? Верить или не верить в нечто сверхъестественное – дело каждого, однако Брасова заставляют поверить, такое упорство характерно для людей. Кто б ответил ему: существует или нет невидимая жизнь среди людей, открывающаяся лишь в особых случаях?

Усилием воли Брасов отбросил угнетающие мысли. В его руках сейчас Тори, она главнее. Кто знает, может, он последний раз целует ее губы.

25

Тори думала – вернулся Брасов, а на ее лице лежит толстым слоем маска, в таком неприглядном виде она не показывалась ни одному человеку, даже Робу. Крикнув: «Сейчас!» помчалась в ванную.

В дверь настойчиво звонили. Смыла кое-как маску, вытираясь полотенцем, побежала открывать. О, как неосторожно поступила, следовало спросить, кто пожаловал. Зинуля! Наверное, бить морду разлучнице, ибо, судя по ее злющей и надменной роже, смиренными просьбами – мол, отдай мужа, – не пахнет. Тори в подобной скользкой ситуации очутилась впервые, опыта общения с брошенными женами не приобрела, посему, вместо того чтоб захлопнуть перед носом Зинули дверь, распахнула шире, приглашая:

– Проходи.

Главное, спиной к ней не поворачиваться, а то саданет чем попало по голове, лечись потом всю жизнь. Зинуля прошла в комнату, даже не вытерев туфель, брезгливо огляделась, а кругом, между прочим, идеальный порядок.

– Брасова нет, уехал час назад, – сказал Тори.

– А я к тебе.

– В таком случае, присаживайся. Или ты убить меня пришла?

– Из-за тебя провести в тюрьме лучшие годы? – фыркнула Зинуля, не присев. – Нет уж, извините. А пришла я предупредить, что на развод подала, должно быть, вас это обрадует. Или Брасов у тебя перевалочная база, пока другого не нашла, покруче?

У Тори язык – Зинке не снилось иметь такой ядовитый, остроумный, но она решила не подливать масла в огонь, только бесстрастно слушала.

– Второе предупреждение, – продолжила Зинуля, не дождавись ответа. – На спокойную жизнь не рассчитывайте, я постараюсь вам ее испортить...

– Не сомневаюсь, – все же не удержалась Тори.

– Во-первых, отсужу большую часть, так что ты зря раскатала губешки на богатство Брасова, он останется в одних штанах. Во-вторых, помешаю его бизнесу, у меня тоже есть связи, натравлю на него всяческие инспекции, мне ведь известно, где нужно искать. Так что лучший вариант для вас – собрать чемоданы и свалить из города, или...

– Все сказала? – кончилось терпение у Тори. – А теперь послушай меня. Мы никуда не уедем – это раз. Да будет тебе известно, у меня есть деньги, и если ты обдерешь его как липку, в чем я глубоко сомневаюсь, он в одних штанах не останется – это два. Третье: продолжать дело ты ему не помешаешь, кишка у тебя тонка, Зина. Чего ты злишься? На себя злись, надо было любить Юрку хоть чуточку, заботиться о нем, а не пилить денно и ночью. Тебе же повезло с ним, вот и следовало беречь везение. Но ты ж вела себя с ним, будто он дурак набитый и ничтожество, всем вокруг становилось стыдно, когда на него наезжала. Кто сказал, что ты умней, талантливей, лучше Брасова? Да то, что ты ко мне притащилась с угрозами, а не ему их высказала, доказывает твою глупость. Вернуть его хочешь, но делаешь все, чтоб он ушел еще дальше. Такими способами мужей не возвращают...

– Мне Брасов теперь не нужен, но тебя, курва, я со свету сживу, – процедила Зина.

– Понятно, зачем ты пришла. Я должна испугаться, бросить Юрку, таким образом ты причинишь ему боль и будешь торжествовать. Мимо, Зина. Даже под пистолетом я этого не сделаю.

– Ну, так знай, – елейно произнесла Зина, – я заявлю в милицию, что Юрка убил твоего Роберта, из-за тебя убил.

– М-да, Зинуля, у меня нет слов. Ну, это надо доказать...

– И без доказательств. Его потаскают все равно, а народ у нас живет злоязычный, репутация будет подмочена. Не говоря о нервах, времени, деньгах, которые придется потратить.

– Значит, условия мне ставишь, – улыбнулась Тори. – Я должна бросить Юрку, полагаешь, он приползет к тебе. Зина, ты оптимистка. Лучше подумай, как сохранить мир с Брасовым.

– А ты, реалистка, о себе подумай. Пока я только предупредила, трепещи, если возьмусь за дело, я вас в порошок сотру и по ветру развею. Умоетесь кровавыми слезами. Оба.

Тори поднялась, нахмутив брови:

– Короче, так, Зина, если только со мной или Юркой что-либо случится, ответишь ты, я позабочусь. Хорошенько запомни. Теперь выметайся, мне надоело взывать к твоему разуму, у тебя его нет.

– Не пугай, не боюсь. Вползла в нашу семью как гадюка, детей без отца оставила и хочешь мира? Не будет тебе мира.

Зинуля ушла с гордо поднятым носом, смахнув вазу в прихожей. Тори не так-то легко напугать, но жене Брасова удалось внести негативную струю, распространившуюся по квартире, словно чад. Пришлось открыть

балконную дверь настежь, чад ощущался физически, всей кожей. Спустя минуту Тори забыла о Зинуле: зазвонил телефон.

– Тори, это Глеб.

– А, здравствуй, как дела? – защебетала она.

– У меня неприятные новости, Тори. С Наташкой беда.

– С Наташкой? А что с ней?

– Я сейчас у нее дома, приезжай сюда. Юрке сообщи, пусть тоже придет.

– Да что случилось?

– Тори, лучше приезжай.

Положив трубку, она недоуменно пожала плечами:

– Что еще выкинула наша тихоня из омута?

Сообщив Брасову о странной просьбе Глеба, Тори переоделась и, сев в машину, помчалась к Наталье.

Брасов и Тори подъехали одновременно, поднялись на этаж – дверь раскрыта. Переступив порог, он позвал:

– Глеб!

– Тише, – вышла из комнаты Эллы. – А, это вы... Заходите.

В комнате, помимо Глеба, были медики, очевидно, со «Скорой помощи», стоявшей у подъезда.

– А Наташка где? – спросил Брасов.

Глеб лишь глазами указал на софу. Там лежало нечто большое, полностью накрытое простыней. У Тори вытянулось лицо, чуть слышно она произнесла:

– Наталья... умерла?!

– Наглоталась ваша подружка таблеток, – принялся объяснять врач, указав подбородком на стол. – Средства сильнодействующие, прописывают их при нервном истощении. Одной упаковки хватило б, чтоб переселиться на тот свет, а она, судя по количеству упаковок, две приняла. Поздно спохватились, ночью надо было вызывать нас, может быть, удалось бы спасти. Мы заберем труп на вскрытие. Родственники у нее есть?

– Отец где-то, – скорбно вздохнул Брасов. – Она записку оставила?

– Нет, – сказал Глеб. – Во всяком случае, мы не нашли записок.

Приехали из милиции, походили-посмотрели, их убедили, что криминала нет, они уехали, составив на скорую руку протокол. Медики унесли Наталью, а четверка задержалась в квартире, курили на кухне. Им предстояло обсудить, как быть, но долго молчали, пока Брасов не задал вопрос:

– Вы-то как здесь очутились?

– Вчера она мне позвонила на сотовый, – вяло начал Глеб. – Была возбужденная, у меня создалось впечатление, что у нее крыша поехала...

– Поехала, уверяю тебя, – вставила Тори.

– Я предложил ей приехать к нам, такси, конечно, оплатил бы. Потом, послушав бессвязную речь, хотел сам к ней поехать, но Наташка сказала, что ужасно устала, хочет спать, пообещала нас навестить. Долго рассказывала одну историю...

– Какую? – поинтересовался Брасов.

– Неважно. Бред несла и вдруг отключилась. Я звонил несколько раз, но напрасно. А рано утром мы рванули к ней. Нам никто не открывал, что было делать? А в кухне и комнате горел свет. Тогда я постучался к соседям, попросил инструменты, совместно и взломали замок. Думал, если Наталья ушла, забыв выключить свет, то не обидится на меня, мы же беспокоились. А она лежит на софе. Не дышит. Но мы с Эллой надеялись, поэтому вызвали неотложку.

– М-да... – Мрачный Брасов потер ладонями по коленям. – Хреново, хреново...

– О чем ты? – спросил Глеб.

– Да так... вообще... – машинально обвел он рукой в воздухе, которая после этого безвольно упала на стол. – Теперь к делу, господа. Как ни крути, а отдуваться нам. Глеб, ты поможешь в организации похорон? Понимаю, ты на отдыхе, но у меня большой завал.

– Конечно помогу. Придется задержаться, а мы чемоданы собрали.

Распределили обязанности, только Тори не принимала участия, лишь согласно кивала, когда к ней обращались.

Новый замок купили за углом в хозяйственном магазине, кое-как вставили и закрыли квартиру, хотя для кого беречь старые шкафы и дешевую утварь? Где искать отца, ставшего наследником Натальи? Звонили по ее сотовому всем подряд, кто внесен в адресную книгу, и сообщали о смерти, но на папу не попали.

Во дворе, договорившись о завтрашнем часе встречи, попрощались, сели по машинам и разъехались в разные стороны, ведь у каждого, помимо Натальи, есть свои заботы. Кроме Тори, которой спешить некуда. Ее била дрожь от мысли, что Лешка, Наташка, Роб стали марионетками в чьих-то руках. Теперь настала ее очередь превратиться в управляемую куклу на тонких ниточках. Надо что-то делать, попробовать спастись. Но от кого? Нетерпение заставило ее остановиться. Едва отъехав от дома Натальи, Тори позвонила барышне из регистрационной службы и, представившись,

осведомилась:

– Вы мою просьбу выполнили?

– Почти. Это же не так просто, я теперь роюсь не в компьютерах, а в бумагах, у нас же нигде порядка нет. Через несколько дней, думаю, предоставлю вам список.

– Я очень жду, поторопитесь. – Отключившись, заводя мотор, Тори недовольно, с отчаянием произнесла: – Дура, через несколько дней я могу оказаться рядом с Наташкой в холодильнике морга.

При всей своей сообразительности Тори не могла нащупать концы, определить, кто заварил интригу со смертями. Одно прекрасно понимала: старуха не сумасшедшая, она искала с ней встречи, ее кто-то подослал. Но кто заинтересован уничтожить всех виновников событий двадцатилетней давности? Кто об этом знает? Неужто кто-то проболтался? Как будто безнадежных тупиц среди них нет, но поручиться за каждого Тори не бралась. Интересно, Брасов увидел закономерность в череде смертей? Что он по этому поводу думает? Юрка не глуп, должен догадываться, просто не хочет расстраивать ее.

Состояние Брасова можно сравнить со свободным падением с высоченной башни без страховки. Знаешь, что упадешь, знаешь, что тебя не подхватят и ты врежешься в землю, как пикирующий самолет, а не в состоянии что-либо изменить, ведь ты уже себе не хозяин. У него не хватило терпения доехать до офиса, так как он полагал, что удар скоро нанесут не ему, точнее, ему, но через дочь, поэтому прямо в машине позвонил Илье:

– Где Анжела?

– Не беспокойтесь, Юрий Артемович, если б с ней что-то случилось, я бы узнал и сообщил бы вам.

– Я спрашиваю, где Анжела!

– Сейчас ее ведут двое ребят, они дежурят у школы, соответственно, ваша дочь на уроках. Если хотите, узнаю точно и перезвоню вам.

– Перезвоните.

Брасов смотрел в окно: денек погожий, народу тьма. Ему захотелось пройтись по улице, зайти в парк, посидеть на скамейке, поймать тлеющее солнечное тепло, которого день ото дня становится все меньше. Но что там ждет за каждым поворотом, за каждым деревом и кустом, за людскими фигурами, за столбами? Безопасней остаться в машине, впрочем, Роберта стальной дом на колесах подвел. Позвонил Илья:

– Юрий Артемович, все в порядке, ваша дочь идет домой с

подружками, посторонние к ней не приближались. Простите, чем вызвано ваше беспокойство? Голос у вас тусклый, взволнованный.

– Разве? – удивился Брасов. Ему-то казалось, он великолепно владеет собой. – Может быть, и взволнованный. Наташка умерла.

– Наташка? Какая?

– Какая-какая! Та самая, которая с вами в квартире ночевала, полагая, что на нее вы быстрее поймаете злоумышленников.

– Как же так? – явно расстроился Илья. – Почему?

– Отравилась. Вот так-то.

– Она же боялась за свою жизнь, поэтому ночевала с нами, такие люди не травятся.

– А она отравилась. Наглotalась таблеток, две упаковки съела.

– Мне очень жаль. Непонятная смерть. Юрий Артемович, я могу чем-то помочь?

Брасов раскусил его, Илья намекает: сделайте милость, поставьте меня в известность, что это за браслетики, из-за которых вы и Наташа так переполошились.

– Спасибо, – сказал Брасов в трубку, – ничем. Особенно Наталье.

– А вам? – в лоб спросил Илья.

– Мне вы помогаете. До свидания.

Улицы, пешеходы... Где-то там, среди этих людей, девочка в красном плаще. Брасов искал ее и, если видел красное пятно, просил Игоря:

– Скорость убавь.

Но это оказывалась не она. Все, больше Брасов не будет выслеживать ее, а догонит и схватит, теперь не ускользнет. И если она растает на глазах, тогда он поверит, что существуют параллельные миры, потусторонние силы, колдовство и магия. Поверит и скажет: «Я бессилен перед вами, забирайте меня». Его, но не дочь. Так будет справедливей.

26

«Я хочу, чтоб ты умерла. И ты умрешь. Скоро». Тори эти слова слышала постоянно, что бы ни делала. Она поняла, как сходят с ума. Достаточно навязчивой идеи и ужаса перед ней, поражающего каждую клетку мозга, прорастающего в сердце, легкие, живот, колени, как метастазы. Тори ощущала внутри щупальца, с болью ввинчивающиеся в ткани, наверное, это и есть ужас, ничего подобного она не переживала... Впрочем, один раз пережила, выходит, он вернулся, внедрился в нее по тому же поводу.

При всем том она занималась текущими делами, готовила, гладила, лишь бы загнать страх поглубже. Включив музыку, старательно вслушивалась в мелодии, чтобы забыть. А он подвывал мелодиям, двухголосье изводило. Тори ждала Брасова, тщательно продумывая, в каких выражениях добьется от него правды. Не может быть, чтоб он ни о чем не догадывался.

Брасов приехал поздно, смертельно уставший, сумрачный, за ужином попросил водки.

– Пожалуй, я тоже выпью, – сказала она, поставив непечатую бутылку на стол, принесла рюмки.

Тори тянула с расспросами, надо дать Брасову немного расслабиться, он и так держится на пределе. Выпили по две рюмки, поедая салат, он поинтересовался:

– Из чего это?

– Из морепродуктов. В самый раз на ночь для тебя.

– А мяса нет?

– Есть. Хочешь мяса?

– Хочу. Не люблю я морепродукты, тинной пахнут.

Она знала, что салатик его не устроит, поэтому приготовила горю нежирной свинины в собственном соку с луком. Едва он положил кусок в рот и слегка пожевал, на его физиономии отпечаталось счастье.

– Ммм... – протянул Брасов. – Другое дело. Божественно.

«Пора», – сказала себе мысленно Тори и начала издалека:

– Юра, Наташкину глупую смерть мы не обойдем, как бы тебе ни хотелось это сделать. Давай уж поговорим о ней.

Вот и пришел конец счастью чревоугодия. Брасов налил водки,

опрокинул ее в рот и одним глотком проглотил. Уложив локти на стол, вздохнул, с неохотой произнеся:

– Ну, давай.

– Списать самоубийство Наташки на безумную любовь к Алексею, без которого она жить не в состоянии, я при всем желании не могу, а ты?

– Допустим, и я.

– Понимаешь, – растягивала она слова, – это так и выглядело б, если бы! Если бы не нелепое, необъяснимое падение Алешки с тринадцатого этажа. Если бы не Роберт. Уж он от любви ко мне точно не покончил бы собой таким ужасным способом.

– Он ехал за Нелли, – внес уточнение Брасов, правда, его интонацию нельзя назвать убедительной.

– Из-за нее он тоже не расстался бы с жизнью, скорее кинул бы при малейшей угрозе. Роберт не собирался догнать похитителей и расправиться с ними, не тот он человек, ты это прекрасно знаешь. Основываясь на его логике, я с уверенностью могу сказать, зачем он за ними поехал.

– Зачем же?

– Выяснить, куда увезли Нелли. Но недооценил опасность, не знал, чем закончится поездка. Теперь вспомни, что она говорила. Ее покатали, привезли в город и вышвырнули из машины. Это не блажь, Нелькой заманивали Роберта. Что могло произойти на дороге, я не знаю, но что-то произошло. Знаешь, Юрка, мне кажется, это не просто смерти, кто-то их подготовил. (Брасов лишний раз убедился: умна, чертовски умна.) А теперь скажи, Юра, с тобой за последнее время ничего не происходило... эдакого... необычного, что ли?

Он спрятал взгляд за наклоном головы, засопел, что послужило поводом более активно продолжить расспросы вместе с уговорами.

– Юрочка, милый, не скрывай от меня, говори, как есть. Ты же видишь, кто случайно и якобы по доброй воле уходит из жизни. Я не хочу, чтоб мы с тобой так же... Скажи, происходило? Я должна знать. Мы вместе придумаем, как противостоять... Ты понимаешь? Скажи!

– Сто тысяч лет ждал, когда ты меня назовешь – Юрочка, милый...

– Столько не живут, к сожалению.

– А я все прошлые жизни ждал. Ладно, подожди и ты немного. Я сейчас...

Действительно, недолго ждала, Брасов вернулся, сел и положил на стол браслет из бусин:

– Узнаешь?

Тори сглотнула сухой комок, ее вычислительная машина в голове за

одну секунду просчитала вытекающие последствия. Значит, не ошиблась, Брасов на очереди, как и она. Впрочем, ошибки у нее бывают редко, это исключительное явление.

– Где взял? – подняла на него тревожные глаза.

Вместо ответа Брасов положил второй, она взяла их, сравнила:

– Одинаковые. Что это значит?

– Вот еще, – достал он третий браслет. – Первый нашла Наташка в Лешкиной квартире после его смерти. Но он лежал в моем пиджаке, Зинка сожгла все мои вещи, значит, и браслет сгорел.

– Сожгла вещи? Как глупо. – Но о визите и угрозах Зинули промолчала, не это сейчас главное.

– Второй Наташка нашла на перекладине креста, когда пришла после похорон на Лешкину могилу. Третий после поминок в его же квартире, она осталась ночевать, кто-то вошел ночью в квартиру и положил браслет.

– Как вошел?!

– Наверняка при помощи ключей.

– Боже мой, – взялась за грудь Тори. – Этот человек мог...

– Но не убил ее. Я нанял детектива и посадил его в Лешкину квартиру, Наташка ночевала там же, но напрасно. Есть и четвертый. – Брасов кинул и его на стол. – Он достался мне.

– Тебе?

– Анжеле подарила браслет девочка на тусовке, на счастье. Собственно, я не знаю, какой из них первый, второй... они же одинаковые.

– Какая девочка?

– Хм, правильный вопрос...

Брасов рассказал ей, как по дороге на работу, на одном и том же месте встречал девочку, очень похожую на...

– Этого не может быть, – качала головой Тори. – Ее же нет.

– Да, нет. Но она есть. Если ее придумали, то, скажу честно, сделали это здорово. Может быть, она так же являлась Лешке, Робу...

– Роберт был трус, он бы рассказал мне.

– Тем не менее его нет. Погиб он загадочно, как и Алексей с Наташкой, которая с самого начала твердила, что Лешку убили.

– Каким образом? Ведь никаких признаков...

– Знаю, – вяло перебил Брасов. – И не знаю, как это сделано. Если Наташку обрекли на смерть, то почему ее не убили, войдя в квартиру? Она спала пьяная, ничего не почувствовала, с ней могли сотворить все, что угодно, сфабриковав несчастный случай, самоубийство... Не понимаю.

– Так... А голова последнее время у нее сильно отставала в развитии.

Думаю, ей не только браслеты подбрасывали, просто Наталья скрывала от нас.

– Мне она доверяла, – возразил он. – Браслеты сразу отдавала, но...

– Что – но?

– Мы ни разу не заговаривали о том, чьи они, избегали этой темы.

– Ладно, – махнула она рукой, – теперь мы все равно не узнаем, что ее толкнуло отравиться, Наталья унесла тайну с собой. Дурочка.

– Тошка, а почему ты спросила про странности, происходящие со мной? Неужели и тебе?..

– И мне прислали «подарки», смысл которых я долго не могла понять. По почте прислали.

Тори принесла две коробки, завернутые в серую бумагу, развернула, затем обстоятельно рассказала о старухе-пророчице. Закончив, взялась за щеки ладонями, из глаз выкатилось по слезе, а через паузу призналась:

– Юрка, она так и сказала: «Я хочу, чтоб ты умерла. И ты умрешь. Скоро». Как думаешь, кто она? Родственница? Насколько мне известно, родственников давно нет в живых. Юрка, мне страшно.

Чем утешить себя и ее? Брасов обнял Тори, она склонила голову ему на плечо. Так оба сидели долго-долго.

Глеб настаивал на тщательном исследовании трупа, но причина смерти была более чем очевидной, следов насилия не обнаружили, следовательно, подтвердилось: Наталья ушла из жизни по личной инициативе. Отвезли ее на кладбище, помянули в кафе, после Глеб предложил посидеть еще немного в тихом месте.

– Мы уезжаем завтра, теперь долго не увидимся.

Отправились на машине Брасова и, пока еще рестораны работали под открытым небом, устроились на воздухе, тем более что погода позволяла не торчать в помещении. Есть как будто не хотелось, но заказали к выпивке мясо и зелень, правда, после первой рюмки никто не притронулся к еде.

– Итак, вы завтра уезжаете, – задумчиво произнесла Тори. – Куда?

– Сначала в Москву, – грустно сказал Глеб, – потом в Европу. М-да, я так стремился домой, а все время на похоронах провел.

– Все там будем, – бросила банальную фразу Тори. Тем для разговоров не находилось, а сидение в молчании ей действовало на нервы.

– Когда умирают глубокие старики, их смерть выглядит естественно, – вступила в диалог Элла. – Но молодым жить надо.

– А знаете, – снова заговорил Глеб, – мне кажется, Наташка

чувствовала приближение конца и, как я сейчас вспоминаю, этого страшно боялась.

– Видишь, – хмыкнул Брасов, – а ты упрекал нас, что мы не разглядели в Лешке перемен. Вот так и не разглядели.

– Укор принимаю, – виновато закивал Глеб. – Наталья весь вечер убеждала меня уехать, якобы существует угроза моей жизни.

– Почему она так подумала? – подхватила Тори.

– Да она выражалась очень уж непонятно, недомолвками. Вспомнила историю, когда я был под следствием...

– Мы все тогда были под следствием, – заметил Брасов. – За всю последующую жизнь я столько раз не ходил к следователю на допросы.

– Но дело шили мне, я чудом вывернулся. А Наташка плакала, говорила, что очень виновата, что многие уже поплатились за ту историю. Вы что-нибудь понимаете? О чем она говорила? Кто поплатился? Почему сейчас, как она заверяла, существует угроза моей жизни? От кого?

Брасов выпятил губу, соединив брови, трогая указательным пальцем листочки зелени, несколько раз пожал плечами. Тори взяла инициативу в свои руки:

– Много вопросов и у нас, Глеб, к сожалению, мы ответить на них не можем. Только скажу: в этих смертях – я имею в виду Роба, Алексея, Наталью – есть некая закономерность, как будто их довели до гробовой доски.

– И ты говоришь загадками, – усмехнулся он. – Но вам-то Наташка рассказывала, что с ней происходит?

– Нет, – покачала головой Тори. – Она вела себя агрессивно, непонятно, мы думали, у нее небольшой сдвиг по фазе.

– По отношению ко мне она не вела себя агрессивно, напротив, проявила заботу. Сколько я ни пытался вытащить ее на откровенность, все мои попытки упирались в стенку.

– Глеб, а с тобой здесь странностей не случалось? – задала больной вопрос Тори. – Ну, там... встречи нелепые, невозможные. Или ты что-то находил необычное, с намеком на... на... то, о чем она говорила?

– Золотой орден, что ли, пятнадцатого века? – хмыкнул тот. – Нет, Тори, ничего подобного я не находил. А нельзя ли конкретно, что я должен был найти и кого встретить?

Лихо он ее подловил, впрочем, она дала для этого повод, получив осуждающий взгляд от Брасова. В самом деле, Глеб завтра уезжает, и раз с ним странностей не происходило, то нечего углубляться в проблему, которая теперь касается ее и Юрки. Пусть себе едет с богом, пока цел.

Мастерство Тори заговаривать зубы, уводя в сторону от темы, велико, она и применила его:

– Я ничего не знаю, я всего лишь строю догадки. У меня осталось ощущение, что Наташку пугали. А какие есть способы напугать? Какими-то предметами, записками мистического содержания, визуально, то есть ты встречаешь человека, которого не должен встретить, потому что его нет.

– Нет человека? – заострил внимание Глеб и фыркнул: – Мертвеца, что ли?

– Примерно. Так крышу и сносит. Наталья что-то в этом роде и лепетала, но я не поняла. Ой, ребята, мне уже плохо от наших разговоров. Давайте выпьем и просто помолчим.

– Наверное, ты права, – согласился Брасов. – Сколько бы мы сейчас ни строили предположений, они останутся предположениями, которые часто не совпадают с действительностью.

Вскоре Глеб засобирался:

– Извините, хочу остаток дня провести с родителями. Ну, прощайте.

– Вас завтра проводить? – спросила Тори.

– Не надо, – улыбнулся он стеснительно, Глеб не имел привычки отказывать друзьям. – Мы двинемся затемно, часов в пять утра, верно, Элла?

– Да, – сказала молчаливая сингапурская принцесса, по неизвестным причинам вызывающая у Тори неприязнь. – Трасса будет свободна в это время.

– Можете воспользоваться моей машиной, – предложил Брасов. – Игорь доставит вас в два счета. А мы с Тори посидим еще.

– Спасибо, но лучше возьмем такси, – отказался Глеб. – По пути я к лечащему врачу мамы заеду, узнать, как обстоит дело с ее здоровьем, зачем же шоферу столько ждать?

Взяв за плечи Эллу, он увлек ее к выходу. Тори с Брасовым остались одни, оба задумались. Мысли, конечно, их посетили невеселые.

А место чудное и редкое для городов: кругом пылающие красно-желтыми оттенками клены, деревца рябин и черемухи, кое-где встречаются дубы с березами, но молоденькие. Воздух не наполнен выхлопными газами, тишина божественная, здесь хорошо молчать, да и говорить, ведь за столиками практически никого. Хорошо бы, чтоб и на душе царило спокойствие, но...

– Юра, – обратилась к нему Тори. – Ты не хочешь связаться с милицией?

– Что мы там скажем? Не хочется об этом говорить вслух, но ты же

понимаешь, почему на нас идет атака? Ты выложишь правду?

– Зачем выкладывать? Только то, что стало известно тогда. Мало ли кому показалось, что это не так! Пусть ловят преступников, пусть дадут нам охрану.

– Мы же не знаем, кого надо ловить. Фантом? Где ловить, когда? И как ты объяснишь наш кошмар? Ведь нет убийств, Тори, есть превышение скорости с последующей аварией и два самоубийства. Все! Нас не поймут. Потом, дорогая, ты не думала, что, допустим, фантом выловят. И что он скажет той же милиции? Что мы участники тяжкого преступления?

– Прошло много лет, нам ничего не будет.

– Будет, Тори, – заверил он. – Чертово общественное мнение... Хочешь попасть на страницы газет и в телерепортажи? Хочешь увидеть знакомых, которые воротят от тебя рожи?

– Ну и пусть. Это лучше, чем гроб.

– Не бойся, следующая атака будет на меня.

– На тебя?! И говоришь: не бойся?!

– Я думаю, в планах невидимок повторить тот же сценарий с моей Анжелой, иначе ей не подарили бы браслет, тем самым предупредив меня о своем следующем шаге.

– О господи! – Тори упала лбом на руки. – Нет, нет... Не говори так.

– Не паникуй. Я позаботился о дочери, ее охраняют вооруженные люди с Ильей, охраняют днем и ночью. Пусть только попробуют прикоснуться, их поймают, тогда...

– Что будет? Что ты с ними сделаешь?

– Уничтожу.

Утром, когда пили кофе, Глеб позвонил на сотовый Брасова, тот включил громкую связь, чтоб слышала Тори:

– Ну, как настроение сегодня?

– В пределах нормы, – ответил Брасов. – Вы где?

– У, мы уже далеко отъехали. Юрка, я почему звоню. Вчера приехал к родителям, а там для меня лежало письмо, позавчера отец вытащил из почтового ящика. Без штемпелей, значит, его бросил не почтальон. Извини, я за рулем, Элла прочтет.

Небольшая заминка, только тихая музыка звучала в трубке и – слышался голос Эллы:

– «За все надо платить, час настал. Ты готов заплатить?»

– И все? – спросил Брасов.

– Все.

– Подпись есть? – поинтересовалась Тори.

– А, и ты слушаешь? – не удивился Глеб. – Подписи нет. Тори, ты вчера это имела в виду, когда спрашивала о странностях?

– Примерно. А обратный адрес на конверте есть?

– Посмотри, там есть обратный адрес? – сказал он, видимо, Элле.

– Нет, пусто, – сообщила она. – Только адрес родителей Глеба, его фамилия и имя с отчеством.

– Ребята, за что я должен заплатить и сколько? Вы понимаете хоть что-нибудь в этой хрени? Кто это прислал?

– Глеб, не морочь себе голову, – посоветовала Тори. – Какая тебе разница, что у кого-то пробило крышу?

– Вчера вы от меня многое утаивали, я это понял. Хочу знать, вам приходили подобные послания?

– Не приходили. Клянусь тебе всеми клятвами.

– А Наташке? Я связываю послание с ее предупреждением.

– Не знаем. Глеб, ты уже далеко, жив и здоров, пусть тебя не волнуют ее бредовые идеи.

– Осадок нехороший, будто я действительно кому-то должен.

– Ай, брось, – сказал Брасов. – Осадок и у нас есть, странно, если б его не было после всего-то. Ладно, Глеб, следи за дорогой, как показывает практика, она опасна и коварна.

– Может, вы правы. Позвоню, когда приедем.

– Счастливого пути, – крикнула Тори в трубку.

Отключив телефон, Брасов произнес с грустью:

– Ему повезло, вовремя удочки смотал. Ну и я поеду, мне пора.

Она проводила его до двери, как делала это всегда, заодно напомнила, чтоб не забыл ключи, лежавшие на столике...

– А где ваза? – только сейчас заметил он.

– Разбилась от сквозняка.

– Ты что, дверь открываешь нараспашку? – вытаращился Брасов.

– Однажды. У меня подгорели сырники, дым стоял столбом, я открыла.

– Никогда этого не делай, обещаешь? На кухне вытяжка.

– А я про нее забыла, раньше я столько не готовила.

Вдруг он притянул ее, обхватил руками, словно хотел спрятать, и заговорил быстро, захлеб:

– Тори, прошу тебя, не выходи без меня никуда, никогда, это же нетрудно. Посиди дома... или лучше... Лучше тебе уехать, так мне будет спокойней, за это время, надеюсь, все прояснится. Я куплю путевку... Куда хочешь?

– Без тебя? Нет, не поеду. Не уговаривай. Юрка, Юрка... Я столько потеряла без тебя, теперь ни дня не хочу терять. Иди. Я не выйду из квартиры. Обещаю. А вечером обсудим, что делать. Иди.

Как последний раз, он поцеловал ее в губы – горячо и сильно. А вдруг последний?

В кабинете, до которого не добрался огонь, потому что он расположен на втором этаже и остался в стороне от эпицентра возгорания, Брасов проводил совещание. Отчитывался прораб, занимавшийся восстановлением первого этажа и части второго, его отчет свелся к следующему: денег, денег и денег. Легче возвести новое здание до небес, чем отремонтировать этажи после пожара. Два человека ждали очереди, чтоб отчитаться по спасенному товару – сколько осталось единиц и в каком состоянии; три менеджера должны предоставить сведения о наиболее ходовом товаре и рассказать шефу, как улучшить работу; он собрался выслушать выкладки и бухгалтера.

– Считаю целесообразным нанять еще человек десять, – заканчивал прораб. – Меньшим числом мы не управимся к тому сроку, который вы обозначили, Юрий Артемович.

– Подумаем, – сказал Брасов, это означало, что сначала он посоветуется с бухгалтером. – Теперь ты.

– Да плохо дело. Примерно двести единиц бытовой техники можно запустить на продажу, но максимум, на что мы можем рассчитывать, – отдать за ту цену, за которую брали. Она, простите, провоняла дымком-с, упаковка подпалена...

Зазвонил телефон. На столе Брасова три аппарата, один городской, проходит через секретаршу, прежде она берет трубку. Второй для внутренней связи, третий прямой, номер имеется у незначительного числа людей, он-то и звонил. Брасов снял трубку:

– Слушаю.

– Посмотри в окно. Посмотри в окно. Посмотри в окно.

Голос не голос, во всяком случае, он мало напоминал человеческий, в нашем представлении так говорят роботы, тем более без пауз, повторяя без конца одну и ту же фразу. Брасов встал с кресла, прошел к окну...

Второй этаж – это невысоко. На улице прямо под окном кабинета стояла ОНА, запрокинув голову и глядя на него. Брасов чуть слышно застонал, но этого момента он ждал несколько дней, теперь не даст ей уйти. Не предупреждая, когда вернется, сорвавшись с места, словно ему сообщили о новом пожаре, кинулся к входу.

– Юрий Артемович, вы куда? – подскочила Лина.

А ему некогда даже на ходу кинуть ей фразу, мол, отлучусь ненадолго. Он выбежал из здания, обвел глазами пространство. Она садилась в такси. Номер! Цвет! Приметы! Брасов запомнил и рванул к машине, в которой что-то жевал Игорь, слушая радио.

– Выметайся, живо! – рявкнул шеф. – Ключи от машины!

Растерянный Игорь уступил место, отдал ключи, пролепетав, так как заметил перевозбужденное состояние шефа:

– Вам нельзя за руль, вы скажите, куда вас...

Автомобиль резко сдал назад, после чего взревел, выворачивая на проезжую дорогу, и умчался.

Такси не слишком торопилось, Брасов нагнал его быстро, очевидно, она не догадывалась, что за ней едет жертва ее заговора. Но время от времени авто вырывалось вперед, словно убегало, приходилось и Брасову прибавлять газу, маневрировать, догоняя, радоваться успеху и огорчаться, когда такси загоразивали другие автомобили. Несмотря на горячку, в его мозгу сигнало: Роберт погиб, увлекшись быстрой ездой, осторожней! Да, он помнил о Роберте, но верил, что с ним не произойдет такого. Одновременно высчитывал, куда ее везет таксист, чтоб нечаянно, задержавшись на том же светофоре, который вечно дает стоп-сигнал не вовремя, не потерять их.

Подъезжали к центру. Почему столько народу? Просто кишмя кишат. Некоторые улицы перекрыты. А, да-да, сегодня же праздник, круглая дата со дня основания города. Черт бы побрал это основание!

Такси остановилось в переулке на пересечении с главной улицей, Брасов тоже остановился. Она вышла и легко добежала до угла, свернула. Брасов кинулся за ней... Проклятая толчея! Хаотичная, без системы, все идут, как попало! Где же она, где?..

Вот он, красный плащ и хвост из светлых волос! Не спешит, значит, не подозревает о преследователе. Брасов схватит ее и – будь что будет. А она заорет: «Милиция!» Что тогда делать? Нет, он затолкает ее в первую попавшуюся дверь, схватит за горло и заставит признаться, кто подослал. Только действовать нужно быстро и с напором, с напором... и угрозами ее доконать. А милиция прибежит? Что ж, пусть, пусть. Он обвинит ее в воровстве, покушении на его жизнь, терроризме и всех смертных грехах. Ему поверят, он солидный, известный, уважаемый, а ей – никогда. Посидит девочка в обезьяннике пару суток, потом ее отпустят (Брасов заберет заявление), а он встретит. Уж как встретит!

Расстояние сокращалось, Брасов торжествовал про себя, а пот катился по лицу, вискам и шее, рубашка под пиджаком – хоть выжимай. Догнал! Схватил за запястье, она повернула к нему лицо...

Не та!!! Как же так? Такое уже было с ним. Плащ, волосы, кофточка красного цвета, юбка черная... но не та!

– Извини, обознался, – отпустив ее, проямлил Брасов, озираясь.

– Чокнутый, – буркнула девушка.

Еще одна спина в красном плаще, правда, в противоположной стороне. Неужели он пробежал мимо, не заметив? Брасов ринулся назад, сталкиваясь с прохожими, на бегу извиняясь и не спуская глаз с девочки. Фигура, волосы, даже красные туфли, ремешок сумочки на плече – она, она!

Теперь Брасов просто развернул ее, взяв за плечо, и заглянул в лицо...

Не та!!! Не та, хоть плач, хоть вой! Что за шутки? Молодые девушки оделись, как в инкубаторе? В старомодные шмотки? Или ему уже двоится, троится? Но не это лицо он видел из окна кабинета, то лицо Брасову хорошо знакомо.

– Извини, – вытянув шею, сказал он.

У стены метрах в ста стояла еще одна девушка с парнем, оба о чем-то оживленно разговаривали, жестикулируя, и смеялись. На ней тот же плащ, та же прическа, пышный хвост... С ума сойти!

Как бык, наклонив вперед голову, будто шел бодаться, Брасов

направился к парочке. Такие же туфли на шпильке, одну ногу она поставила на ступеньку... Та же сумка на плече... Но Брасов уже не был так уверен.

Ужас прошелся по его телу, когда она повернул ее к себе. Опять!!! Третий раз за сегодня! Это невозможно. Это фантазмагория.

– Тебе чего, дядя? – выступил вперед парень, а сам-то... Один легкий взмах рукой, нечаянно задень – из него дух выйдет вон.

Брасов даже не удостоил его взглядом, он поедал девушку глазами, не веря, что снова не та. Очевидно, шок был очень сильным, потому что ее голос долетел до него откуда-то издалека, хотя стояла девушка близко:

– Идем. Не видишь – он же пьяный.

Брасов и чувствовал себя пьяным. Не имея больше сил, когда девочка и юноша убежали, он облокотился спиной о стену. Присел на выступ фундамента немного передохнуть, отдышаться, избавиться от наваждений, понять, что происходит. Он не понимал! Оттого, что не понимал, все чувства смешались: негодование, разочарование, отчаяние, растерянность...

Мимо прошла еще одна, Брасов широко распахнул глаза, чтоб лучше рассмотреть. Красный плащ, красные туфельки с острыми носками, волосы! Волосы точно такие же! Ни прядью не отличаются. Хорошо, – еще соображала его голова, – одежда одинаковая, хотя это невозможно, но откуда взялось столько одинаковых голов?

Будто в насмешку девушка мотнула длинным хвостом, оглянулась и подарила ему, а не кому-то другому, очаровательную улыбку без двойного смысла. На руке, придерживающей сумочку, браслет из цветных бусин. Она шла и улыбалась, потому что он смешной: расселся, увалень, еле дышит, обливаясь потоками пота. А она юная, прекрасная, походка у нее танцующая, забот ноль. Есть чему радоваться. Но и эта была не той, кого он так хотел догнать и допросить.

Внезапно Брасов почувствовал себя, как в бане. Он давно установил правило: парься, балдей, но вовремя выйди из парной, иначе сомлеешь. Самочувствие не из приятных. Самое худшее, что может случиться на свете, это остановка сердца. Появляется мнимая легкость, в глазах темнеет, от солнечного сплетения идет слабость, тело не слушается, учащается пульс. У него появились сходные по признакам ощущения, но из парной можно выйти на воздух, вдохнуть прохлады, прилечь, где попало, да и друзья вовремя окажут помощь. А здесь воздуха предостаточно, прилечь нигде, помощи ждать неоткуда.

Брасов упал, видя только ноги, десятки ног и разнообразных туфель. Очень скоро и они расплавились в темноте.

Очнулся и, разумеется, понять не мог, где находится. Однако было комфортно, пожалуй, слишком. Э, да он лежит! Брасов повернул лицо к источнику света – окну, обстановка незнакомая, к счастью, он услышал голос Тори, она с кем-то переговаривалась.

– Тори! – позвал, правда, голос свой не узнал. Какой-то блеющий.

– Юрка! – Она склонилась над ним, лицо обеспокоенное, в то же время радостное.

– Это не наша квартира, – догадался он.

– Юрка, милый... – Тори присела на кровать, взяла его за руку. – Как же ты, негодяй, меня напугал!

– Кто негодяй, я? – Он попробовал пошевелиться, но силенок маловато, видимо, спал долго. – Черт, что со мной? Где это мы?

– В больнице. – Тори гладила по его руке.

– В какой, к черту, больнице? У меня же совещание.

– О, ты еще живешь во вчерашнем дне, – тихо рассмеялась она.

– Объясни толком, что значит, во вчерашнем?

– Вчера ты упал на улице, тебе стало плохо. Хорошо, есть добрые люди, сразу вызвали неотложку, а то бывает, идут мимо, будто не видят.

– Упал... – повторил он, силясь вспомнить этот момент. – На улице. Я был на совещании, это помню прекрасно, а что я делал на улице?

– Это должен ты знать. Твоя Лина сказала, что ты с совещания сорвался, как ужаленный, и куда-то уехал, сев за руль.

Этот момент проступил отчетливо, через минуту-другую Брасов восстановил и причину, почему сбежал с совещания. Ему позвонили, он подошел к окну, увидел ее... Дальше вспоминать не захотел, ибо сердце затарахтело, подсказывая, что ничего хорошего в тот отрезок времени не произошло. Он зажмурился, чтоб не видеть картины из вчерашнего дня, которые вспыхивали, словно вспышка фотоаппарата.

– Юра, тебе плохо?

Он открыл глаза, Тори приблизила лицо к его лицу, очень близко, от нее пахло земляникой и утренней свежестью, какая бывает за городом, если встать рано и войти в лес.

– Мне хорошо, когда ты со мной, – натянул он улыбку. – Слушай, а чего это я вчера упал? Куда? Прямо на пол?

– На тротуар, – поправила она. – Сердце прихватило.

– Инфаркт, что ли?

– Слава богу, обошлось.

– Значит, ты и я в больнице. А я хочу домой, я не люблю больницы.

– Ну, друг мой, мало ли, что ты хочешь. Полежи, отдохни, наберись сил, заодно похудеешь, кормить тебя на убой запрещено, это пойдет на пользу.

– А ты уйдешь? Я от ревности здесь подохну.

– Подохнуть тебе точно не дадут, а я сейчас у мамы, ревновать не к кому, завтра опять приду. Юрка, как я рада, что ты очнулся и вредничаешь.

Она уперлась подбородком в его грудь, смеялась и говорила о всякой ерунде, а он старался не возвращаться мыслями во вчерашний день, наслаждался сиюминутностью. Вот так бы и прожить жизнь в любви и согласии, этого он был лишен, но не дадут – что не дадут, помнил.

Когда Тори уходила, он спохватился:

– А телефон? Где мой телефон? Я же должен проверять, где ты, что делаешь, чем занимаешься.

– На тумбочке. Я его зарядила, зарядка внутри тумбочки. До завтра.

Она послала ему воздушный поцелуй и ушла, Брасов же, вспомнив к этому времени все, схватился за телефон и позвонил Илье:

– Как моя дочь?

– По-моему, отлично. Она не догадывается, что находится под наблюдением. Или вы хотите снять слежку?

– Ни в коем случае. Берегите ее, Илья. Особенно сейчас.

Да, особенно сейчас, ведь он в больнице. Вообще-то, находясь на расстоянии, он и на воле вряд ли способен ей чем-то помочь. Другое дело Илья.

Его хватило на неделю бесполезного лежания, потом он затребовал свои вещи, позвонил Тори, чтобы приехала за ним. Она примчалась, пыталась уговорить его не дурить и полностью пройти курс лечения, да разве ж он послушался! В машине Брасов набросился на нее с поцелуями.

– Юрка, ты ополоумел! – отбивалась Тори. – У тебя постельный режим.

– Да-да, поехали. Сейчас доберемся до кровати и устроим постельный режим до утра. Я соскучился.

– Да я не про этот постельный режим, – трогая машину с места, рассмеялась она. – Я про больничный.

– Тори, – приложил он руку к груди, – ну не могу я там больше находиться. Это же тюрьма. Ничего нельзя! Только и слышишь: больной, лежите! От этого скорее умрешь, чем от бурной деятельности. Дай же мне сигарету!

Если начистоту, то бегство из больницы обусловлено двумя причинами. Первая: если его надумали «нежно» убить, как ту же Наташку, то достанут даже на орбите в космическом корабле. А желательно побороться, что-то предпринять, как-то защититься, чего не получится в больнице. Кстати, за неделю он выработал тактику. Что нужно делать? Конечно, идти в милицию, теперь он это понял. Вторая причина – Тори. Ее рядом нет, значит, ему не спится, не лежится, аппетит пропадает, мысли одна ужасней другой. Способствует это выздоровлению? В таком режиме тревоги долго не протянешь и со здоровым сердцем, следовательно, незачем одиноко валяться на узкой койке в палате, лучше дома поваляться с Тори на широкой кровати. Сколько там радостей в жизни, неужели пренебрегать ими?!

– Скажи, только честно, наши невидимки давали о себе знать? – полюбопытствовал Брасов.

– Представь, я стала о них забывать.

– Напрасно. Я ведь на той улице очутился, потому что мне позвонили и настойчиво предлагали посмотреть в окно. Посмотрел, а точно под окном ОНА стоит, смотрит прямо на меня...

– Не вспоминай, прошу тебя. – Тори догадалась, о ком он говорит, естественно, испугалась повторного приступа.

– Нет, все нормально. Я пока лежал, досконально вспомнил, что

произошло, как видишь, остался жив. Выбежав на улицу...

Детально Брасов и рассказывал, а Тори внимательно слушала, управляя автомобилем, не задавая вопросов, не ахая и не охая, не выражая сочувствия к пострадавшему, как это бывает в подобных случаях. И когда подъехали к подъезду дома, из машины не выходили, потому что Брасов продолжал делиться впечатлениями:

– Знаешь, Тошка, у меня было чувство, будто я очутился на другой планете, где жизнь построена на иных законах. И там то, что у меня в голове, имеет способность оживать, мое воображение рождает вполне реальные образы. Как в «Солярисе», помнишь? Куда ни кину взгляд, везде она, так сказать, размножилась, с той только разницей, что когда я подходил к ней, это была другая девушка. Все у нее то же, от одежды до волос, а лицо другое. Перед смертью, в ресторане, Лешка мне говорил об этом, приплел фильм «Солярис», а я тогда его не понял. Теперь понимаю, что с ним происходили те же события. И знаешь, сейчас мне кажется, его не убили, думаю, он сам прыгнул, потому что ему стало так плохо, как мне. Он хотел избавиться от кошмара и нашел способ, который ему подошел.

– А ты не нашел способа избавиться?

– Нашел. Не знаю, поможет ли, но нашел.

– Какой? – подхватила кровно заинтересованная Тори.

– Расскажу начальнику УВД, мы с ним знакомы.

– Все-все расскажешь?

– А другого выхода нет. У меня было много свободного времени подумать, проанализировать наше положение. Самостоятельно мы себя не сможем уберечь, потому что не знаем, кто играет на нашем прошлом. Прямо сейчас позвоню ему, договорюсь о встрече. Идем?

Начальник находился вне черты города, обещал приехать завтра, а послезавтра прямо с утра, сказал, будет ждать у себя.

– Ну, вот и все, – улыбнулся Брасов. – Послезавтра утром.

– Это правильный ход, Юра, – поддержала Тори. – Худая слава или хорошая, какая разница? Может быть, нас будут клеймить позором, вторгнутся в нашу жизнь, но мы-то будем живы. Хочется в это верить.

И он верил, надеялся.

Не вынес Брасов еще один день сидения в четырех стенах, на следующий день с утра умчался на работу. Тори не возражала, понимала, некоторых людей работа греет и является приоритетной, а у Юрки столько проблем.

Куда ж от них деться – от проблем. Брасова не было всего ничего, а

работа забуксовала, хорошо хоть не остановилась. У него безупречная репутация, поэтому недостающие материалы для ремонта давали в долг, бухгалтер без его ведома не тратила ни копейки. Брасов расплатился с долгами, в конце рабочего дня провел совещание, которое бросил из-за... Но сегодня принял решение не вспоминать о том дне, когда стоял всего на шаг от смерти.

У него вошло в привычку на закуску изучать документы, не потому что не доверял своим работникам: потому что любой человек допускает ошибки, а в его положении погорельца ошибки нежелательны. Поскольку бумаг скопилось много, он задержался надолго, считая, что на завтра откладывают только ленивые, это потом дорого обойдется. Да и время за работой проносится мухой. Позвонила Тори и поинтересовалась, когда он придет.

– Еще часок, и я твой. Да, приготовь жареного до корки мяса, картошки фри...

– Юрка, тебе нельзя.

– Лъзя, лъзя, – хихикнул он. – Иначе я от диеты погибну. Один разок, а с завтрашнего дня, клянусь, буду есть, что дашь.

– Ладно. Но я чувствую себя убийцей.

– Из твоих рук приму и смерть в виде канцерогенов, главное, побольше их наготовь.

Тори отчитывала его, а Брасов тихонько подошел к двери, резко открыл ее и заглянул в приемную. Лина подслушивала! Ну, не зараза, а? Он кашлянул. Лина кинула трубку, преданно уставилась на него.

– Ты свободна, – сказал Брасов.

– Но вы же еще не ушли.

– Тебя кто-нибудь заставляет сидеть вместе со мной? – наехал он на бедняжку. – Я сверхурочные платить не буду из принципа. Домой!

– Но ведь надо закрыть кабинеты...

– Я закрою. Иди, сказал!

Лина неторопливо засобиралась, надела демисезонное пальто, повязала шарфик, взяла сумочку и, вытянувшись в струнку, обожающе уставилась на шефа, мол, вы не передумали? Что за человек! Других за деньги не заставишь работать сверх нормы, а эта бесплатно согласна. Не знает, как доказать шефу свою необходимость.

– До свидания, – сказал он. – Да, завтра с утра меня не будет, появлюсь либо к обеду, либо во второй половине дня.

– Поняла. До свидания, Юрий Артемович.

Напротив здания Брасова, но в разных концах квартала давно стояли два авто. Переговаривались их пассажиры между собой через специальные устройства. Это быстрее, чем пользоваться сотовыми, к тому же переговорные аппараты не прослушиваются, чего не скажешь о сотовой связи.

В дальнем авто, стоявшем за кустами, раздался сигнал, следом голос:

– Секретарша вышла, он один.

– Начинаем, – через плечо бросил молодой человек тем, кто сидел сзади.

– Будьте на стреме, водила ждет его у входа, – сообщили по переговорному устройству.

– Что он делает?

– Дрыхнет.

– Значит, он нам не помеха, давай звонок через пять минут, – сказал молодой человек в устройство и обернулся к сидящим сзади. – А мы заберемся через окно первого этажа, нам подготовили одно сбоку, от нас последнее. Лестница рядом. Идем.

Три человека вышли из машины, как тени, бесшумно перешли широкую проезжую часть и перемахнули через ограду. Последнее окно на первом этаже было загорожено фанерным щитом, два молодых человека осторожно отодвинули его, один пролез внутрь, затем второй. Только третий не принимал никакого участия, стоял и ждал, когда ему очистят путь.

Наконец один из парней запрыгнул на выжженный подоконник, протянул руку бездельнику, тот с его помощью взобрался. Шагали к лестнице с предосторожностями, прежде посветив мобильником и удостоверившись, что впереди нет даже мелких препятствий, на которые можно наступить, отчего возникнет шум. Охрана дежурит у входа в спецпомещение, но услышать могут.

Добрались до лестницы. В здании их две, расположены у торцов, удобно во всех отношениях. Потому и пал выбор на сгоревшую часть: сюда никто просто так не заглядывает. Поднявшись на второй этаж, три человека смелее шли по коридору в противоположный конец.

Брасов снял трубку с аппарата.

– Настал твой черед. Настал твой черед. Настал твой...

С досадой он кинул трубку на аппарат. Тот же механический голос! Нетрудно догадаться, что тебя предупреждают о скором конце, только на какой день и час назначено? Мягко говоря, Брасов завибрировал, а если

учесть, что в огромном здании он один, то можно лишь представить силу вибрации. Охранники внизу, но далеко, надо им позвонить и попросить, чтоб кто-нибудь поднялся к нему, потом вместе спуститься, а там машина с Игорем. Только он протянул руку к аппарату, в приемной раздался шорох, кто-то вошел. Неужели вернулась эта дура?

– Лиана, ты? – громко крикнул Брасов.

Дверь открылась, но вместо Лианы это оказался парень, которому Брасов заказывал Роберта.

– Привет, – сказал он. – За тобой должок.

– Как ты вошел? – с трудом выдавил Брасов.

Но это от неожиданности, первая реакция. Если уж на то пошло, он отдаст паршивцу деньги, пусть катится с ними к черту, не умирать же из-за такой ерунды! Сколько там в сейфе? Не хватит. Отдаст в залог запонки, они золотые, потом оставшуюся часть.

– В щель пролез, – тем временем ответил посетитель.

– Должок, говоришь? – откинулся на спинку кресла Брасов. – Ты настаиваешь? Это же неправильно.

– Правильно, – появился второй молодой человек. – Ты сделал заказ, получил труп, плати.

– Ну, ладно, банкуйте.

Он хотел встать и открыть сейф, но второй сказал:

– Сиди.

– Деньги в сейфе, – сказал Брасов. – Хотите, сами возьмите.

– Не все меряется деньгами, – сказал некто из приемной.

– Кто там? – приподнялся Брасов.

Вошел третий. Юрий Артемович все понял.

В спецпомещении, которое восстановили в первую очередь – ведь без охраны никак нельзя обойтись, – два охранника чайком баловались. Услышав хлопок, замерли.

– Это что? – вымолвил бородатый.

– На выстрел похоже. – Чернявый юноша не был уверен.

– Откуда здесь выстрелам взяться? – хмыкнул бородач. – Взорвался прибор. У моей тещи однажды микроволновка рванула.

– Не заливай, как она может рвануть?

– А вот так. Левак приобрела старая дура по дешевке, даже не в Китае сделано, а местными. Жаль, ее в это время не было на кухне. Ты куда?

Чернявый поднялся, взял фонарь, ведь большая часть первого этажа обесточена.

– Идем посмотрим, что за хлопок. Это где-то в целой части и... по-моему, наверху.

– Ой, Юрий Артемович еще работает в кабинете, может, у него... Пошли?

Они двинули к лестнице, расположенной близко к кабинету.

А три человека к тому времени беспрепятственно добрались до противоположной лестницы, спустились вниз, вылезли через окно. Ограду перелезли с величайшими предосторожностями, опасаясь водителя, которой наверняка слышал выстрел и мог заметить чужаков. Прежде чем отделиться от ограды, нанятый Брасовым киллер вызвал наблюдателя из второй машины:

– Что водила делает?

– Дрыхнет.

– Точно?

– Как то, что меня родила моя мама. Я его хорошо вижу.

Три человека спокойно добежали до авто, запрыгнули в салон и уехали. Вторая машина не задержалась.

А Игорь действительно слышал хлопок, открыл глаза и прислушался. Но никакой паники, шума, значит, ничего страшного не произошло. Он переменял позу, поежился и снова закрыл глаза.

– Нет! – закричала Тори, схватившись за щеки ладонями.

Юрка Брасов, ее Юрка, которого она успела полюбить, ставший родным и близким, полулежал в кресле с простреленным виском. Ей позвонил охранник, просил срочно приехать, так как с Юрием Артемовичем беда. Тори запрыгнула в машину, мчалась через весь город, моля Бога, чтоб Юрка был жив, остальное как-нибудь приложится. Но, влетев в приемную, где сновали люди в штатском, не успевшие ее перехватить, она застряла на входе в кабинет.

– Нет! Нет! Нет! – мотала склоненной головой Тори.

Кто-то взял ее за плечи и оттащил от кабинета, усадил в приемной на стул, протянул стакан воды. А ее трясло, не могла удержать стакан, он упал на пол, не разбился. Тори захлебывалась слезами, корпус то падал вниз на колени, то опрокидывался назад, она кричала, а думала, что любой удар примет стойко, что способна контролировать эмоции. Оказалось, не способна. Потому что больно, больно до такой степени – хоть самой уми.

Рядом на стул сел мужчина, однако дал ей возможность накричаться и наплакаться. После взрыва всегда наступает затишье, ведь у человеческих сил есть предел. Тори сидела, выпрямившись, запрокинув голову, прикрыв

веки.

– Простите, вы ему кто? – спросил мужчина рядом.

– Это жена Юрия Артемовича, – ответил чернявый охранник.

– Да, – вымолвила Тори. – Я жена. Правда, он с первой не успел развестись... Убийцу поймали?

– Похоже, он застрелился.

– Его убили, – вяло проямлила Тори.

– Отпечатки на револьвере Брасова.

– Плевать на отпечатки, его убили. На револьвере? – Тори перевела на мужчину опустошенные глаза.

– Да. Револьвер лежал под правой рукой. Обычный, с барабаном... В барабан вставляются патроны, – пояснил мужчина, а то, может, она не знает, что такое револьвер. – Но барабан пустой, в нем был всего один патрон, которым он...

– У Юры не было револьвера.

– А почему вы думаете, что его убили?

– В здание никто не заходил, – заверил бородач. – Мы бы знали. Секретарша ушла минут за двадцать-тридцать до выстрела. А больше никого в здании не было, ключи от кабинетов на щите все до одного...

– Понятно, – закивал допрашивающий мужчина и обратился к Тори: – У Юрия Артемовича были враги?

– Хм. Были.

– Кто?

– Не знаю.

– Но он вам рассказывал о врагах?

– Конечно.

– Значит, вы должны знать их имена.

– А я не знаю. И никто не знает. Это враги-невидимки. Они есть, но их мы не видели. Ни разу.

Мужчина понял, что сейчас ее допрашивать бесполезно, попросил охранников присмотреть за ней и вошел в кабинет.

29

Следующий день Тори лежала на кровати, не отвечала на звонки, вставала лишь за тем, чтоб набрать в стакан воды. Не ела, много курила. Она осунулась, глаза ввалились, эмоции все до единой улетучились, в голове образовалась дыра, в которой пропадали мысли. Тори тупо смотрела в одну точку, когда же лежание в одной позе становилось невыносимым, меняла положение тела и смотрела в другую точку. Страшное ощущение пустоты окутало Тори. Теперь так будет всегда. Или до тех пор, пока и ее...

Следующим утром, глянув на себя в зеркало, она ужаснулась: от прежней красавицы и следа не осталось. Собственно, зачем ей красота? Кто теперь ее оценит? Да и не нужны ей оценщики. Но человек не может долго находиться в состоянии краха, когда не мил белый свет. В том-то и дело, что он мил.

Тори вымылась под душем, выпила кофе и ответила на первый звонок.

– Девочка моя, – дрожал в трубке голос мамы, – почему не отвечала? Я места себе не нахожу. Приезжай ко мне. Или хочешь, я приеду и заберу тебя?

– Не надо, я в порядке. Пришли ко мне Анну, чтоб помогла мне с... Юрой. Мама, – и заплакала, – мне очень тяжело без него. Юра – это лучшее, что у меня было, такого больше не будет никогда. Почему я раньше не ушла от Роберта?

– Я приеду!

– Нет, нет, нет. Я все... успокоилась. Мне надо побыть одной.

Кое-как и маму успокоила, а следом раздался еще звонок.

– Ты, курва, выметайся из *моей* квартиры. – Конечно же, Зинуля поспешила подлить яду сопернице.

– Не переживай, выметусь, у меня есть свой дом.

– Что, Роба угробила, хапнула моего мужика и его на тот свет спровадила? Ну, так ему и надо. Кстати, я хоронить его не буду, эту обязанность возложу на тебя.

– Справлюсь.

– С тобой люди долго не живут, ты же вампир...

– Заткнись, – грубо оборвала ее Тори.

– Не заткнусь, всех буду предупреждать, чтоб не имели с тобой дел.

Сегодня же чтоб тебя не было в *моей* квартире, иначе вызову милицию и скажу, что ты самозахватом...

Тори нажала на рычаг. Обвела глазами комнату – Юрка постарался купить для нее самую лучшую мебель, получается, купил для Зинки. Какая же она все-таки гадина, торжествует в такой миг.

– Ладно, Зина, с тобой позже рассчитаюсь.

Чтоб рассчитаться, необходимо в себя прийти, но и этого не удалось, пожаловал мужчина, терзавший ее вопросами в ту ночь, когда Юрку нашли застреленным. Оказалось, он из милиции, показал удостоверение, Тори пустила его в квартиру. Начался допрос:

– Вы упомянули врагов Брасова, может, за это время вспомнили что-нибудь полезное для нас, раз подозреваете, что его убили?

– А это не так?

– Ну, пока у нас нет причин заводить уголовное дело.

– То есть Юра застрелился, – фыркнула Тори. – Нет и нет. Он не хотел умирать.

– А что, была угроза его жизни?

– Была, как видите.

– Я вас прошу рассказать, что вам известно.

– Разумеется. Началось месяца два назад с Лешки.

– Кто такой Лешка? – записывая, спросил он.

– Наш друг. Он выбросился с тринадцатого этажа, тоже якобы покончил с собой без посторонней помощи. Никаких признаков, что в его квартире находились убийцы, а они были там, теперь я уверена. Потом Роберт погиб за городом...

– Роберт?

– Мой муж. Его гибель квалифицирована, если я правильно выразилась, как случайность, ну, будто он виноват, потому что превысил скорость.

– А он не виноват?

– Виноват. Но причина в чем-то другом, его заманили на ту дорогу. Позже Наташка травится, это наша подруга со школьной скамьи, мы все учились в одном классе. Выглядит так, будто они все сами...

– А на самом деле?

– Их убили, как и моего Юрку.

– То есть эти смерти...

– Подстроены.

– Есть основания так думать?

– Да, есть. Лешка получил знак... это такой браслет из бусин, простой, никакой цены не имеет, я вам его покажу. – Она принесла браслет, отдала

ему. – После его смерти Наташка получала такие же браслеты...

Она говорила, а милиционер перестал записывать, внимательно слушая ее и глядя в упор. Длинный монолог прервал звонок.

– Извините. – Тори взяла трубку. – Слушаю.

– Это вас беспокоят из регистрационной службы. – Наконец-то барышня позвонила, да только нужна ли Тори ее информация? – Вас больше не интересуют сведения о покупателях и продавцах?..

– Извините, я совсем забыла...

– У меня готов список. Приезжайте забрать его.

– Хорошо, сегодня подъеду.

Тори попрощалась с барышней, взглянула на милиционера и горько усмехнулась. По его глазам и выражению лица видно, что он принял рассказ Тори за бред убитой горем женщины, искренне жалея ее. Вероятно, она плохо излагала суть, неубедительно, путано, но продолжать расхотелось. А будь она на его месте, не зная всей подноготной, поверила бы в какие-то дешевенькие браслетки, старуху-пророчицу, девочку-фантома? Поверила бы, что Брасов гнался за одной девочкой, а это оказывалась совершенно другая, но в той же одежде, с теми же волосами и прической? Что девчонка заходит в дом, но ее никто не видел, хотя должны были увидеть, поверила бы? Нет, разумеется. Потому что история выглядит фантастическим вымыслом больного разума, версией для печати. И если уж основываться на логике, то, простите, зачем убийцам столько хлопот, когда есть способы простые и надежные: пуля, нож, молоток, в конце концов? Никогда она не чувствовала себя так скверно, обманщицей и дурой.

– Извините, я больше не могу уделить вам времени, – потупившись, произнесла Тори. – Давайте в другой раз как-нибудь... Мне надо бежать.

– Хорошо, – поднялся он. – Может, вы сами придете в отделение?

Правильно, зачем же ему мучиться с больной на голову!

– Приду, обязательно приду, – пообещала она.

Тори закрыла за ним дверь и начала одеваться. Когда она задержалась у выхода в поисках ключей, раздался еще один звонок.

– Достали меня сегодня, – возвращаясь в комнату, вскипела она, полагая, что звонит злобная фурия Зинуля, и рывкнула в трубку: – Да!

– Теперь ты, Тори. Теперь ты, Тори. Теперь ты, Тори...

Вот как звучит механический голос, о котором рассказывал Брасов. Значит, идут по горячим следам, соображают, что Тори сейчас в плачевном состоянии, может, надеются, что она умрет от одной мысли о скором конце. И вдруг с ней произошла метаморфоза: Тори не испугалась намека

на скорую смерть, хотя понимала, что помощи ждать неоткуда. Она успокоилась. Абсолютно. Должно быть, спокойствие вызвала неотвратимость. Ничего не осталось, кроме как ждать своего часа. Какая же разница, где ждать, если спрятаться негде? Под крылом мамы? И подставить ее вместе с детьми? Ведь и там найдут.

Вставляя ключ в замочную скважину, она вдруг опомнилась: зачем беречь Зинкино имущество? Да пропади все пропадом, пусть заходят и гребут. Тори со злорадством представила, как завизжит Зинуля, и ее посетила новая идея. Она вернулась в квартиру. Взяв из стопки у компьютера один лист, она настрочила:

«Если со мной что-нибудь случится или меня не станет, знайте: вина лежит на Зинаиде, жене Юрия Артемовича Брасова, который бросил ее и ушел ко мне. Мучимая ревностью и злобой, она убила его, мне удалось это выяснить через день после убийства. Грозилась убить и меня. Ваша Виктория».

Складывая лист, Тори усмехнулась:

– И попробуй теперь, Зинуля, докажи, что ты не верблюд. Надеюсь, до этого не дойдет, но если что... моя смерть принесет тебе массу неприятностей.

Хлопнув дверью и оставив ключи торчать в замке, Тори сбежала вниз, села в машину и рванула на почту. Там она купила два конверта, один большой, второй поменьше, в маленький вложила записку, заклеила и написала: «Для особого случая, раньше не вскрывать. Тори». Затем этот конверт вложила в большой, задумалась, кому бы отправить. Это должен быть надежный человек... Конечно, маме, уж она-то не преминет доставить письмо, куда следует, в случае... Ах как не хочется думать об этом особом случае. Написав адрес, Тори отправила письмо заказным, что надежнее, и вернулась в машину.

– Что еще я не сделала? – спросила себя Тори. – А да! Милая барышня собрала сведения... Зачем они мне? Ну, ладно, проветрюсь, тем более что деньги уплачены. И подумаю, еще подумаю...

Барышня положила список перед ней со словами:

– Вот все покупатели и продавцы. Одно наследование...

– Наследование? – плохо въезжала Тори.

– Когда квартира переходит по наследству, – уточнила девушка, будто заказчица дуб дубом, понятия не имеет, что такое наследство. И продолжила отрабатывать гонорар: – Первые владельцы, фамилию которых вы указали, жили в квартире много лет, а наследник всего ничего,

он же первый и продал квартиру десять лет назад... вот этой женщине.

– Какой наследник? – заострила внимание Тори, но не очень. – У первых жильцов не было наследников.

– По документам были. Каждый гражданин имеет право оставить наследство кому угодно, даже не имея прямых наследников.

Тори мельком глянула в список. Вторая фамилия, следующая за той, которую она указала этой девочке, ее несколько отрезвила. Очень странно.

– Спасибо, вы меня здорово вырuchiли.

Закурив в машине, Тори думала: «Ну и что? Ну, фамилия, мне это ни о чем не говорит. Закрутить кошмар он не мог никоим образом, дурацкая была затея».

Некоторое время ездила по городу, смотрела в зеркало, но за ней не мотались возможные убийцы. Чувствуя голод, зашла в приличное кафе, однако поняла, что ни куска не проглотит, заказала кофе. На стол положила лист со списком, курила, глядя в него. Практически все считали, будто она наделена недюжинным умом, а на поверку оказалось – ум-то средний, иначе он подсказал бы более практичный и действенный ход. Кто же прислал ей бандероли? Столько лет хранить эти вещи! Как же они попали в руки убийце?

Стоп! Наследство! В наследство поучают все до мелочей: квартиру и то, что в ней, – мебель, кастрюли, светильники, одежду, коробочки с «сокровищами» прежних хозяев...

Тори подхватила, кинула деньги на столик, забрала список и ринулась к машине. Выворачивая руль на поворотах, она слышала свой внутренний голос: «Не надо туда ехать, вернись, подумай, чем это может кончиться». Тори отвечала ему вслух:

– Я только посмотрю. Проверю. Тихонько подберусь и проверю. Хочу убедиться, что это не так.

«А если так?»

– Вернусь к машине и поеду в город. В милицию... или сначала переговорю с мамой, она поднимет связи, чтоб на меня не смотрели, как сегодняшней мент.

«А если тебя заметят? Ты же можешь прямиком попасть в лапы хищникам».

– Буду стараться, чтоб не заметили.

«Ты сумасшедшая. Нет, ты дура».

– Наверное. Но я хочу знать. Просто хочу точно знать.

Внутренний голос умолк, видно, устал спорить.

Не доезжая до цели, Тори съехала на обочину, заглушила мотор и

закурила. Теперь нужно дождаться сумерек, они уже подступают, кстати, осенью накрывают землю за считанные минуты. Тори проживала последний месяц заново, проживала все моменты до мелочей, сопоставляя события с жестокой рукой, которая, как ей казалось, не способна наносить столь безжалостные удары.

Тем временем вокруг образовалась густая пелена, уменьшившая видимость. Кое-где загорелся в окнах свет, вспыхнули фонарные столбы. Пора.

Тори вышла из машины, постояла, присматриваясь к местности. Жутковато стало, все же она одна, только не в ее характере отступить и уступать. Тори двинула по дороге, изредка оглядывалась, но кругом безлюдно, даже местные шавки не лаяли, а их здесь держат. Поразительная тишь, слышны лишь ее шаги, да и то тихие, легкие. Впрочем, она старалась не шуметь.

Вот и ограда. Раскидистый куст ее спрячет. Тори подошла к кусту вплотную, отодвинула мешавшие ветки, хотя свет в доме и так виден. Однако хотелось бы рассмотреть, кто там находится, чтоб быть уверенной на сто процентов. Либо на эти же сто процентов получить обратные доказательства.

– Что же ты стоишь, Тори? – раздался за спиной голос.

Вздрагнув, она развернулась и очутилась с ним лицом к лицу.

– Заходи, раз приехала, – сказал он.

Да, не в ее характере отступить, и особенно уступать. Так было всегда. С юности Тори привыкла к поклонению, обожанию, подчинению. Привыкла, что все дается легко, при этом не была заносчивой и надменной. Ей нравилось нравиться, поэтому она учитывала, что, кроме нее, есть другие люди, которые могут менять свое мнение о ней, а как же жить без обожания? За ней увивались многие, кто имел хоть малюсенький шанс обратить на себя ее внимание, а она... она влюбилась в него и – какая ирония судьбы – безнадежно. Как же так, рассуждала она, красивей меня никого нет, а он не видит, что ли? Хитрости Тори было не занимать, она придумала способ чаще оставаться с ним наедине. Глеб никому не отказывался помочь по математике или по физике, это же его конек, заодно проверял на прочность свои знания. Тори попросила его позаниматься с ней алгеброй, непременно дома. Мама оценила Глеба положительно:

– Красивый мальчик. Умный, серьезный, талантливый.

– Перспективный, – дополнил папа. – Ты присмотрись к нему, детка, у него большое будущее.

Как будто от нее все зависит! Но Тори думала, что, увидев, в каких царских условиях она живет, какая она остроумная и общительная, рассмотрев ее достоинства, он немножечко переориентируется, а там завязнет в ней по самые уши. Не тут-то было. Глеб не поддавался на уловки, заставлял зубрить правила, вместо того чтоб целовать прекрасные губы. И после занятий у нее дома, а также после уроков он спешил к Женьке. Тори обижалась: что в ней нашел Глеб? И тогда она приняла решение сделатья ее подругой, узнать, чем Женька лучше, узнать слабые стороны и затем использовать их, дабы отвадить Глеба от подружки. С людьми Тори сходилась запросто, Женька, не подозревавшая коварства, только радовалась.

Разумеется, Женька была очаровательной девочкой с длинными волосами, спадавшими роскошным потоком, с огромными наивными глазницами, менявшими от настроения цвет от светло-голубого до серого. Собственно, Женя стояла на втором месте после Тори, но Глеб почему-то предпочел ее. С первого класса дружила она с Наташкой – вот уж заурядность во всех отношениях, пришлось терпеть и эту блеклую моль.

Что предприняла Тори? Не давала подруге встречаться с Глебом, постоянно держала при себе, находила кучу дел, которые край как нужно переделать вместе, короче, мешала изо всех сил. Идеи ей подавала женская природа. Но... но... но...

Тори рассчитывала на выпускной: Глеб переживет шок, когда увидит ее и поймет, кто ему нужен. И вот она, прекрасней богинь, затянутая в изумительные кружева, причесанная у лучшего парикмахера, подкрашенная визажистом, точно сошедшая с Олимпа, явилась на вручение аттестатов. Ахнули все без исключения, в том числе и Глеб таращился на нее с восторгом, а это повод самой стать горой, которая идет к Магомету, раз он смущается. Тори была уверена, что победа будет за ней, к тому же выпитое шампанское придавало смелости. Для начала она танцевала со всеми подряд, затем, играючи, потащила Глеба.

Впервые он обнял ее, правда, в танце, но близость возбудила ее, жар, которым обдало Тори, казалось, сожжет до пепла. Этот миг нельзя было упустить, она собралась с духом и:

- Скажи, Глеб, я тебе нравлюсь?*
- Ты не можешь не нравиться.*
- А больше, чем нравлюсь, я тебе нравлюсь?*
- Не понял, – озадачился Глеб.*

Она прижалась к нему, так как смотреть в глаза не могла, и на ухо искренне сказала:

- Я хочу, чтоб ты любил меня. Очень хочу.*
- Тебя все любят.*

– А я хочу, чтоб только ты. Мне никто не нужен, один ты... на всю жизнь...

Ее заливала краска стыда, ведь негоже девушке первой падать на колени перед парнем, а он долго молчал, наконец:

- Извини, Тори, я Женьку люблю.*
- Она лучше меня? Чем?*

– Вы разные, я не знаю, кто из вас лучше. – Ему не откажешь в деликатности. – Просто я люблю ее. И это на всю жизнь.

– А я разыграла тебя! – рассмеялась Тори и затарахтела: – Проверяла, насколько ты верен и честен, это сейчас редкость. Женька моя ближайшая подруга, мне не безразлично, в какие руки она попадет. Ты не обиделся?

- Нет, что ты.*

– Ты молодец, заслуживаешь уважения, редко кто откажется от соблазна. Честно, я восторгаюсь тобой. Ой, смотри, мальчишки брейк

танцуют! Идем, посмотрим?

Потом ревела в туалете, напугав Женьку с Наташкой, девчонки не знали, как ее успокоить.

Она любила его не детской любовью, а взрослой, осознанной, хотя любовь и осознанность вещи вроде бы несовместимые, но Тори видела себя только с ним, ответственно готовилась к должности жены великого ученого. Что там Женька – так, школьное увлечение, которое проходит с получением аттестата, а Глеб не настолько туп, чтоб не сообразать, кому отдать предпочтение. Стоит ему намекнуть... И вот облом! Это был удар, мощный и болезненный, она в нем захлебнулась, поэтому отдалась Брасову. Мстила за глупые надежды себе, Глебу, Женьке и несправедливой судьбе.

– Ты проходи, проходи, – повторил Глеб.

Как же полезно слушать внутренний голос! Тори сделала шаг в сторону, намереваясь кинуться наутек, но из темноты выступили две внушительные фигуры, загородив дорогу. Ей ничего не оставалось делать, как войти сначала во двор, затем в дом. Элла читала книгу, подняв глаза на Тори, встала.

– Садись, Тори, – пригласил «гостью» Глеб, указывая на освободившееся кресло.

Два молодчика стали у выхода – смешно, как будто она бандитка, способная причинить хозяевам вред. Глеб – мафиози? Сомнительно. Чувствуется во всем этом нечто несерьезное, дешевое, как в киношке низкого пошиба. Тори достала сигарету, он галантно щелкнул зажигалкой, она закурила, проявив завидную выдержку, уставилась на Глеба, мол, что скажешь? И он сказал:

– У меня была мысль, что единственный человек из вас, кто может меня вычислить, это ты, но до конца не верилось. А когда сегодня мои наблюдатели сообщили, что ты едешь к дачам, понял, что вычислила. Как?

– Ты прислал мне духи «Серебристый ландыш», которые обожала Женька, и коробку с ее вырезками. Написал обратный адрес от ее имени, я поехала туда, но там живет женщина, которая понятия не имеет о прежних хозяевах. Я сделала запрос на покупателей и продавцов, только сегодня получила список, в нем ты указан как наследник.

– Неужели этого достаточно?

– Нет. Но наследство получают вместе с тем, что есть в квартире. Только ты получил доступ к вещам Женьки, которые хранила тетя Оксана.

– Логика у тебя... – одобрительно покачал головой Глеб.

– Моя логика полная дура. Если б я проявила настойчивость и получила список раньше, мой Юрка был бы жив.

– Твой? – До этого Глеб стоял над ней, теперь перешел и сел на выдавший виды стул, водрузив руки на стол. Элла стала за его спиной, как телохранительница. – Ты отняла его у жены, как пыталась отнять меня у Женьки. Дорогая Тори, ты всегда делала так, как удобно тебе. Юрка уже твой. Интересно. Что ж ты раньше его отвергала?

– Дура была.

– Дешевая отмазка: логика у тебя дура, ты дура. Из-за твоей дурости нет нескольких человек, из-за твоей дурости нет Юрки.

– Ты лично в него стрелял?

– Что ты, как можно. Он сам застрелился.

– Не верю.

– Когда я вошел...

– Ты же уехал, – широко распахнул глаза Брасов.

– Сам видишь, я перед тобой, – сказал Глеб.

– Убить меня пришел, как убил Лешку, Наташку и Роба?

– Они сами себя убили, еще двадцать лет назад. Я только настойчиво им об этом напомнил, и все трое не смогли удержаться на земле. А ты оказался крепким.

– Ты же большой ученый, а занимаешься грязным делом.

– Для вас я ученый, слухи сам же и распространял. Меня отчислили из института в тот же год за прогулы, я же не явился вовремя на занятия. Но причина, думаю, была другая: я долго находился под следствием. Из Москвы не уехал, торговал цветочками то в переходах, то на улицах. В мороз это особенно «приятно» – торчат с утра до поздней ночи на улице в надежде, что какой-нибудь гуляка купит три цветочка, чтоб трахнуть бабу. Ненавижу цветы. А потом у меня сразу появилась крупная сумма, я развернулся, не без помощи криминала, естественно. Знаешь, Брасов, я долго ждал этого часа, жизнь на него положил.

– Хорошо, ты пришел меня порешить, но не трогай Тори. Дай слово, что не тронешь, и делай со мной, что хочешь.

– О, ты стал благородным? – искусственно удивился Глеб. – Ценю. У меня есть предложение. Вот револьвер...

Глеб вынул оружие, показал его Брасову со всех сторон, потом, прокручивая барабан, вынимал из него патроны, падавшие ему на ладонь.

– Считал, Брасов?

– Нет.

– В барабане остался один патрон. Слышал – русская рулетка? Это для сильных людей. Я даю тебе шанс, Брасов, за твое заступничество за Тори, мне по душе благородство, видимо, потому, что нечасто я с ним сталкивался. Ты возьмешь револьвер, крутанешь барабан и выстрелишь себе в висок. Если останешься жив – живи. И Тори оставлю. Подумай, шансов достаточно, но их может не быть.

– А если не соглашусь...

– Ты правильно понял, тебя замочат мои ребята, ведь за все нужно платить. Смелей, Юрка, я держу свое слово.

– Давай револьвер.

Это был единственный шанс, Брасов решил его использовать. Он схватил револьвер, крутанул барабан и без паузы, не готовясь к худшему, не прощаясь с жизнью и с Тори, чтоб не пошатнулась решимость, нажал на курок. Громыкнул выстрел. Брасов откинулся на спинку кресла, замер.

– Уходим, – напомнил один из парней.

– А я бы выстрелила в тебя, – сказала Тори.

– А я с тобой в такие игры не играл бы, – усмехнулся Глеб. – Видишь, никто не виноват, это был его выбор.

– Ты еще говоришь о выборе? Его не было, как я понимаю.

– Угу, не было. Вы все сделали его много раньше, но ради тебя он рискнул. Не моя вина, что его забрали небеса.

– Для меня у тебя тоже есть предложения с выбором?

Глеб задумался, вода по дну пепельницы тлеющей частью сигареты...

Примерно в середине ночи позвонили, мама подошла к телефону, Глеб подскочил тоже, услышал в трубке взволнованный голос матери Женьки.

– Глеб, Женя не вернулась домой, – сообщила она. – Ты не знаешь, где она может быть? Женя никогда так не поступала.

– Она собралась на день рождения Роба...

– А ты? Ты был с ней?

– Нет. Мы немного поссорились, она сказала, что не хочет меня видеть, я и ушел. К Робу не поехал. Потом ждал ее в вашем дворе до двенадцати ночи, потом пошел домой. Давайте сходим к Робу?

– Я там была, никто не открывает, – заплакала тетя Оксана.

– Не поднимай панику, – зашикала на нее мама Глеба. – К Тори надо съездить, они ж подружки.

– Была у Тори, – громче заревела тетя Оксана. – Никого нет дома.

– Надо дожидаться утра. Утром придет твоя Женька как миленькая. А

ты задницу ей надери, – посоветовала мама Глеба. – Пусть отец надает ей ремнем, у него рука сильнее.

Не пришла Женька ни утром, ни вечером, ни на следующий день. Подняли на уши милицию, искали по знакомым, а она как в воду канула. Глеб должен был ехать в Москву на учебу, поступил ведь, куда мечтал, но уговоры родителей не помогли, он остался и принимал активное участие в поисках. Прошло несколько дней, поиски постепенно сходили на нет.

Рыбак из дачников пришел на протоку рыбу удить, увидел бугор из листьев, кинул на него рюкзак, чтоб не пачкать. Складной стульчик поставил ближе к воде, наладил удочки, закинул их, а через часок решил перекусить. Потянул рюкзак за ляжки, зашуршали листья, и открылась часть одежды. Рыбак присел перед бугром, разбросал листья, стало очевидным, что здесь лежит человек, а не кем-то брошенная одежда. Когда же рыбак обнаружил, что под листьями мертвая девчонка, кинулся в поселок сообщить в милицию.

Экспертиза показала, что Женька была изнасилована группой, но ее не убивали, умерла она примерно за трое суток до того, как ее нашли.

– Она умерла от истощения, – докладывал следователю эксперт. – Со спермой проблемы, она смешанная, да и другие сложности имеются, чтоб установить точно, кто участвовал в акте насилия. Но есть интересные факты. Девочку где-то держали в течение долгого времени, не давая еды и воды. Держали связанной, о чем говорят кровоподтеки на руках и ногах, она пыталась освободиться, но не смогла. Обезвоживание организма и привело к смерти, это подтверждает кровь. Наиболее важные органы требуют постоянного обеспечения водой, особенно мозга, они высасывают воду, что называется, до капли из всех закоулков, иначе не смогут функционировать. А последняя вода из организма извлекается из стенок сосудов, что приводит к сгущению крови, уменьшению диаметров сосудов, их ломкости. При сгущении крови ее элементы становятся недостаточно активны, теряют межмолекулярные связи, слипаются в ассоциаты – эдакие гроздьи. Не буду вдаваться в скучные тонкости, скажу только, что эти гроздьи молекул не могут проникнуть в мембраны клеток, что сказывается на текучести крови. Поскольку процессы эти довольно быстрые, то, если вода не поступает в организм, смерть наступает в течение трех дней. Отсюда мы можем сделать выводы, что девочка была в заточении больше трех дней, а нашли ее трое суток спустя после смерти, получается, шесть суток.

Шесть суток назад Женя ушла на день рождения.

– И ты хочешь поиграть в русскую рулетку, как Брасов? – спросил Глеб. – Не женское это дело. М-да, потаскали меня тогда за волосы в прямом смысле. Выбивали правду.

– И нас таскали, – напомнила Тори.

– Но вы не сидели в следственном изоляторе, – рявкнул Глеб. – Кстати, все указывало на меня, в том числе и ваши показания, показания соседей, которые видели меня во дворе. Скажи, за что ты ненавидела Женьку?

Из-за него и ненавидела. Но это было в те далекие времена, сейчас она жалела о них, потому что жить с этим багажом оказалось нелегко. Тори сделала выводы, дав себе слово, что больше никогда не пойдет на поводу у своих страстей, не будет умирать от ревности. Но Роберт, как назло, провоцировал.

А тогда немножко надеялась: вот поступит Глеб в Москву, вернется и увидит, что его Женя примитивная провинциалка, которую стыдно показать людям. А Тори его подхватит. Но он вернулся, роман с Женькой разгорелся по-взрослому, ведь им предстояла разлука на целый семестр. Тори выворачивалась наизнанку, чтоб не давать им встречаться, – не помогало, в таких случаях некоторые действуют по принципу: не мне, так и не ей.

К тому времени Роб получил права, как и Тори, ведь оба были из обеспеченных семей, родители их баловали. Папа давал ему машину. Однажды он катал подружек по городу, Женька попросила:

– Подвези меня к памятнику Пушкина, я выйду.

– Мы же собрались на концерт, – вытянулось лицо у Тори. – Я купила и на тебя билет.

– Я не пойду. У Пушкина Глеб ждет, он скоро уедет.

– Кто так делает? – пыхнула Тори. – На тебя нельзя положиться, ты обязательно подведешь.

– Извини, не могу. А мой билет продадите.

Роб и Тори наблюдали, как Женька кинулась на шею Глебу, он оторвал ее от земли, кружил и целовал.

– Интересно, они спят? – озадачился Роб.

– Не знаю.

Только представляя, что Глеб и Женька нежатся в постели, Тори захлебывалась ревностью, будто он являлся ее мужем и подло изменил.

– Мне кажется, Женя уже не девочка, – хихикнул Роб.

– А ты проверь, – подала идею Тори.

– Как? Мне она не даст.

– Сам возьми. Или не умеешь?

– Кто, я? Ну, даешь... Не даст, она от Глеба тащится.

– А мне известно, что во время отсутствия Глеба у нее был парень. И

сейчас есть, только она его нам не показывает.

– Да?! – Не верить Тори причин не было, она же ближайшая подруга Женьки. – Значит, на два фронта работает? Зачем?

– Видишь ли, Глеб поступил не куда-нибудь, а в Москву. Есть гарантия, что после института он заберет ее?

– Думаю, нет. Подыщет в Москве жену с пропиской.

– И она так думает. Второй парень на тот случай, если Глеб ее бросит.

– А нам впаривает, будто недотрога. Вот так тихоня!

– В тихом болоте черти водятся. На дне рождения и попробуй, она выпьет, расслабится...

– А Глеба куда деть? Женька сказала, без него не придет.

– Это я берусь устроить.

Для таких случаев она держала при себе глупую Наташку, через которую запустила утку, будто Глеб приставал к Тори, склонял ее к постели, она, бедная, еле вырвалась.

– Рассказала только мне, тебе ни за что не скажет, – заверяла Наташка, вытаращив глаза от возмущения. – Не хочет тебя расстраивать.

А влюбленные все одинаковы, Женька вспыхнула, наговорила кучу гадостей Глебу и с гордым видом ушла, как раз в день рождения Роба.

Все поступили в институты, кроме Лешки. Во ВГИК его не приняли, он страшно переживал, до такой степени, что не сообразил кинуть документы в другой институт. А когда хватилась, поступать было уже поздно, Лешка озлобился, считая себя обделенным судьбой, завидовал друзьям. Брасов – вахлак, куда ветер дунет – туда и он, особенно если ветер исходил от Тори.

Подвыпили прилично, Наташка, бросившись во взрослую жизнь, как с самолета парашютист, вообще лыка не вязала. Тори не пила, она же на машине, вышла с ребятами на балкон покурить и предложила:

– А давайте попробуем травку?

– Какую? – спросил Брасов.

– Марихуану. Красиво звучит, а?

– Это сушеная конопля, – заметил изрядно окосевший Лешка.

– Марихуана мне больше нравится. В жизни все надо попробовать.

Покурили мальчишки, их повело, со стороны было смешно за ними наблюдать, что и делал Тори, сама-то не затягивалась. Войдя в комнату, она ахнула:

– Наша Наташка сейчас отрубится, мальчишки, я отвезу ее домой и

вернусь, вы тут без нас. – А Роба увлекла на балкон и сказала: – Женю вам оставляю.

Наташка с трудом переставляла ноги, пришлось помогать ей спускаться по лестнице, в машине ее вообще укачало. Тори остановила машину, подруга долго блевала у дерева, потом упала на сиденье и – надо же! – вспомнила:

– А Женька где?

– Ее отвезут.

– Меня мать убьет, когда увидит.

– Тогда поехали ко мне, от нас и позвонишь матери, а я подтверждаю, что ты у меня ночуешь.

В то же время Роберт подсел к Женьке, взял за коленку:

– Какие у тебя коленки... Можно я их поцелую?

– Отстань, Роб. – Женя сбросила его руку.

– Скажи, только честно, ты с Глебом сексом занималась?

Накаченные спиртным и травкой ребята хихикали, забавляясь.

– Что за дурацкие вопросы, Роб? – возмутилась она. – Так, я пошла домой.

– Стой, стой! – забежал вперед Роберт, перегородив собой выход. – Один поцелуй! В губы.

– Да не хочу я с тобой целоваться! – оттолкнула его Женька.

– А что, я хуже других? Нет, скажите, мы хуже?

– Мы лучше! – браво воскликнул Лешка.

– Дай пройти, – потребовала она.

– А че ты, брезгуешь? Ребята, нами брезгуют. Это обидно. Давайте ее поцупаем? Что она там прячет от нас?

– Убери руки, дурак! – пришла она в ярость, отмахиваясь.

Браслетик на ее запястье зацепился за пуговицу Роба, нить порвалась, бусины рассыпались по паркету.

– Смотрите, она кошка. Держи ее. – Роберт толкнул ее к Брасову, тот схватил со спины Женю, она закричала:

– Пусти! Дайте пройти! Ну не надо!

Но Роберт уже растянул красную кофточку, поднял бюстгальтер. Обнаженные груди, торчащие, как два яблока, переключили его на одну волну, глаза его помутнели, остановились. А от того, что Женя отбивалась, проснулись инстинкты дикого и кровожадного зверя, того самого, которого он ощутил в себе при первом половом контакте. Надо ли говорить, что и Лешку с Юркой переклинило? Роберт толкнул Женьку на диван, потребовал, чтоб включили громче музыку и держали кошку. Она

отбивалась, как могла, и кричала:

– Пустите, сволочи! Я вас всех засажу! Твари! Подонки! А!

– У, блин, как туго! – входя в нее первым, выговорил Роберт. – Но хорошо!.. Братцы, Женька девочка! Женя, я тебя люблю... а ты... меня...

Когда он встал, его заменил Лешка, потом и Брасова подтолкнули:

– Чего стоишь? Качай!

Чтоб не выглядит слабаком...

Женьку заперли в комнате Роберта, кинули ей одежду, а опомнились рано утром, когда проснулись. Когда ночью в квартиру звонили, они не слышали, а Женя находилась в тяжелом состоянии, когда вообще ничего не видят и не слышат, потому молчала, хотя звонок в дверь был бы ее спасением. Проснулись рано, жутко хотелось пить, стоило одному зашевелиться, как в кухню потянулись и Роберт с Лешкой.

– Ребята, мы что наделали? – похолодел Брасов. – Нас же посадят!

– И надолго, – подтвердил Лешка. – Припаяют групповщину, а в тюрьме с нами сделают то, что мы с Женькой.

– Не хочу! Не хочу! – забился в истерике Роберт.

– Не истери! – гаркнул Лешка.

– Надо что-то делать... – Брасова била дрожь. – Ребята, она же наступит в милицию. Леха, сходи, поговори с ней... Я не могу. Мне стыдно.

Делать нечего, Роберт в панике, а кому-то нужно сгладить ситуацию. Лешка взял стакан воды, отпер дверь и вошел. Женя не спала, какой тут сон – одна гадость внутри. Она сидела на ковре в углу, словно забившийся щенок, он присел перед ней протянул воду:

– Жень, прости...

Она посмотрела на него, вдруг пришла в себя и выбила стакан из его руки, вода выплеснулась ему в лицо.

– Мразь! – выкрикнула озлобленно Женя. – Ублюдки!

– Спокойно, спокойно... – Он выпрямился, выставив ладони перед собой. – Мы не хотели... Сами не знаем, что на нас нашло...

Женя подскочила и ринулась в комнату, чтобы выбежать их этого ада, но Роберт перехватил ее, прижал к себе:

– Стой, стой... Ну, хочешь, я женюсь на тебе? Честно, женюсь.

– Меня тошнит от тебя, подонок. Вы все... негодяи, сволочи...

Он затолкал ее назад, закрыл и выговорил отчаянно:

– Что делать? Она сдаст нас. Не будем же мы ее держать здесь вечность? Скоро предки приедут... И родственники зайти могут...

– А если... – Лешка не договорил.

– Ну, что, что? – в унисон подхватили Брасов и Роберт.

– Давайте, пока дом спит, отвезем ее на вашу дачу, Роб? Там поговорим, убедим, попросим. Если понадобится, пугнем.

– Она же вой в подъезде поднимет, – возразил Роберт, просчитывая возможные опасности.

– Передадим сонную артерию, – нашелся Лешка. – Помните, как в школе дурачились? Времени хватит дотащить ее до машины, во всяком случае, вниз спустим без шума. Роб, дуй в гараж, выкатывай машину и подгони к подъезду.

За ним наблюдали с балкона, как только Роберт подал авто, Алексей схватил Женю за руки и сзади, а Брасов, купаясь в поту от ужаса, надавил пальцами на шею.

– Потихше, не придуши, – напомнил Лешка.

Она обмякла, оба закинули ее руки себе на плечи и потащили вниз. Приходить в себя Женя начала уже на первом этаже, но поскольку еще плохо сообразала, удалось без шума затолкать ее на заднее сиденье.

Уговоры не подействовали. Если б она хотя бы чуточку хитрости проявила и согласилась бы молчать, дав самую страшную клятву, может быть... Но те, кто говорят, что история не терпит сосласательного наклонения, правы. Девочка находилась в состоянии шока, обиды, отвращения – где тут место хитрости? Осталось напугать ее и сделать покорной, а как? Женю связали по рукам и ногам, кинули в подвал дачи, который был полностью зацементирован, потому следов той местности (земли, глины, характерных для определенных участков) эксперты не обнаружили. Мальчики уехали.

А душонки-то болели, сны снились страшные. Не встречались, прятались по норам, а тут началось: Женька пропала! Созвали совет без женщин, поехали на дачу, чтоб поговорить с девочкой, которая наверняка одумалась, и вдруг...

– Почему она умерла? – трясло Брасова. Алексей и Роберт молчали, стояли над трупом, чувствуя полный крах. – Почему она умерла, почему? Она не должна была... Роб, ты же обещал, что будешь присматривать за ней!. Ты приезжал сюда?

– Нет, – признался тот.

– Почему ты не приезжал? – сцапал его за грудки Брасов.

А Роберту нечего ответить. Боялся? Кого? Что она могла ему сделать связанная? Разнял их Лешка, вытолкнул из подвала, сели они в рядок на ступеньках, курили, едва попадая сигаретами в рот из-за трясущихся рук.

– Мы не учли, что человек долго живет без еды, но без воды... – мрачно

сказал Алексей. – Ребята, а мы ведь убийцы.

– Нет, нет... – заплакал Брасов. – Так глупо... Не хочу в тюрьму. А нам припаяют... страшно подумать сколько. Это все ты, Роб. Тебе трахнуть ее захотелось, как будто у тебя с этим проблемы...

– А ты не трахал? – огрызнулся Роберт.

– Заткнитесь оба, – тихо произнес Алексей. – Мы теперь одной веревкой повязаны, глупо искать виноватых, виноваты все. Теперь ничего не исправишь. Ее спрятать нужно. Надежно спрятать, только вот куда?

– Есть место, тут недалеко, – оживился Роберт. – Там вообще никого не бывает. Давайте дождемся ночи и отвезем ее туда, а?

Это был единственный выход. Женю уложили в багажное отделение и повезли в лесочек к протоке. Роберт светил фонарем, а Брасов с Алексеем несли ее, когда доставили, выяснилось, что забыли лопату. Поссорились, но не придумали ничего лучше, как засыпать опавшими прошлогодними листьями, сверху сорванными листьями и травой.

Вопреки ожиданиям нашли ее слишком скоро, что привело в неопиcуемый ужас всю троицу, но самосохранение штука сильная, находит лазейки. Главное, заранее позаботиться об алиби, договориться, чтоб не было разногласий, и заручиться свидетельскими показаниями. Кто пойдет в свидетели? Тот, кто тоже может пострадать, то есть Тори с Наташкой.

– Наташка дура набитая, – возражал Брасов. – Она запутается, проколется.

– А без нее одна Тори не нужна, – на возражение ответил возражением Лешка. – Все равно будут допрашивать нас, Тори, Наташку. Что девчонки наболтают? Кстати, Наталья пьяная была, может, ни черта не помнит, ей надо попробовать внушить нашу версию, иначе нам крышка.

К Тори отправили Роберта, заставив наизусть выучить слова, которые ей следует говорить, и ни на йоту больше.

– Понимаешь, Тори, у нас будут большие проблемы.

– У кого – у нас? – Она рассчитывала на мелодраму, но никак не на трагедию, посему впала в не меньшую депрессию. – О чем ты?

– Видишь ли, я отвез Женьку домой, мы все отвезли...

– Ты же пьяный был и подкуренный.

– Мы частника поймали, высадили ее на углу, чтоб во двор не заезжать, и поехали спать. А подтвердить некому. Где искать частника? Мы ни марку, ни номер не помним. Ты не могла бы с Наташкой подтвердить... что мы вместе отвезли ее?

– На одной машине? – фыркнула Тори. – Шесть человек и водитель седьмой, где мы там разместились?

– На колени вас взяли.

– И частнику не жаль было машины? – съязвила она.

– Так за бабки же. Мы ему хорошо кинули. На нас же свалят, а мы ни при чем, клянусь!

– А кто ее изнасиловал и убил?

– Откуда я знаю, с кем она встретилась по дороге домой! – воскликнул Роберт. – Мы высадили ее на углу, ей еще квартал надо было топтать по темному переулку. Прошу тебя, выручи нас. И договорись с Наташкой, а?

Счетчик Тори просчитал, как калькулятор: если Роба начнут крутить, то он припомнит, кто его подбил на секс с Женькой. Он труслив и любит сваливать вину на ближнего, значит, продаст ее, тогда и ей придется хреново. Может, не так хреново, как парням, но свое получит. А позора сколько будет...

– Хорошо, – опустила она голову. – Я поговорю с Наташкой, но не ручаюсь, что она согласится.

– А ты убеди. Она друг нам или кто?

Убедить она умела. Вечерком обе сидели в закутке и курили, Наталья, впервые приобщившись к спиртному, приобщалась и к сигарете – все надо попробовать. Тори выложила просьбу, Наталья потерялась:

– Но мы уехали с тобой вдвоем. Какие к нам претензии?

– Сначала ответь: ты веришь, что Лешка (его сознательно упомянула первым, зная, как Наташка млела при нем), Роб, Юрка способны сделать такую гадость?

– Нет, что ты!

– В таком случае, мы обязаны их выручить. Кстати, плохо будет дело и у нас с тобой, если на ребят преступление повесят. Получается, мы бросили подругу, зная, что там произойдет.

– Как мы могли знать, откуда? – попробовала возразить перепуганная до смерти Наташка.

– Это следователю будешь объяснять. А он вывернет, что мы тоже совершили преступление, не столь тяжкое, но преступление. Это я тебе как будущий юрист говорю.

– Ладно, – захныкала Наталья, согласившись.

– Поехали к мальчишкам.

– Зачем?

– Себя спасти. Договоримся, что нам всем говорить.

Договорились, но этого было мало, следователь выжимал из них

последние соки, особенно страдала Наталья, позже жалуясь друзьям:

– Он на меня так смотрит, так смотрит... Будто все знает.

– А что он знает? – хмыкал Лешка.

– Что я вру.

– Ты не врешь. Или хочешь, чтоб мы залетели в тюрьгу за чьи-то пять минут удовольствия?

– Нет, не хочу. А это... не вы?

– Нет!!! – орал на нее Роберт. – Иди, иди, раз боишься, скажи следователю, что мы договорились. Тогда легко не отделаешься, за лжесвидетельство тебе срок полагается.

Наталья только ревела, конечно, держала язык зубами. В конце концов вмешался отец Роберта, дело прекратили за недостаточностью улик. Много позже, когда они собирались вместе, дали слово друг другу никогда ни словом не упоминать эту историю. И держали его, будто забыли. А не забыли.

И что, все это выложить Глебу? Да он тут же расчленит ее на мелкие кусочки, по живому резать станет.

– У меня не было к ней ненависти, – сказала она. – Ненавидя, не дружат, а мы с Женькой дружили.

В то же время Тори озадачилась: откуда ему известно, что в смерти Женьки виноваты именно они? Он не может знать этого наверняка, только предполагать, потому что правды тогда не узнали. Теперь она задала ему вопрос:

– А ты не боишься, что допустил ошибку и убил не тех людей?

– Стоп, Тори, я не убивал. Никого.

– Допустим. Но ты создал условия, чтоб они ушли из жизни. Ответь, не боишься, что взял грех на душу?

– Ты мастер сопли разводить. Нет, не боюсь.

– Откуда такая уверенность...

– Она не у меня появилась, у следователя, который поверил мне, потому что не находил доказательств, работающих против меня. Но начальство шило дело мне, будто я с группой товарищей решил наказать Женьку за то, что она пошла к Робу без меня. Юношеская ревность. Максимализм. Нетерпимость. А началось-то с тебя, Тори. Ведь ты рассорила нас с Женькой, сделала это намеренно через Наташку, чтоб она отправилась к Робу без меня, так же?

– Чепуха.

– Да не отпирайся, Наташка перед отравлением позвонила мне и повинилась, все выложила, точнее, недостающие детали, хотя я и без нее все просчитал.

– Наташка?

– Да, она. Наташка всегда знала, кто виноват, но трусливо молчала. А девятнадцать лет назад следователь нашел доказательства на вашу пятерку. Видишь ли, Тори, вы были молоды и дураки, думали, одни в огромном доме. Но курили на балконе, а сверху и внизу соседи, они кое-что слышали, в частности, как ты сказала Робу на балконе: «Женю вам оставляю». Из дома напротив видели утром, как девушку в бесчувственном состоянии увезли наши мальчишки. На даче нашлись свидетели. Но отец Роба выкупил сына, заодно и вас всех. А знаешь, что сделали со

следователем? Уволили за несоответствие. Но он добился, чтоб меня отпустили, пригрозив предать дело гласности. Я этого долго не знал, только через много лет, когда получил наследство, отыскал следователя, чтоб поблагодарить за то, что меня от тюрьмы спас. Тогда-то он рассказал мне, старый уже был, а совесть его мучила. С тетей Оксаной я поддерживал связь, она же одна осталась. Отца Женьки долбанул инфаркт, из него он не выкарабкался, так что ей пришлось хоронить сразу двоих: дочь и мужа. Когда я пришел к ней после изолятора, прямо спросил: «Вы верите, что я убил Женю?» Она сказала, что никогда не сомневалась во мне. Так мы и подружились. Я высылал ей деньги, выкраивая из своих заработков, она ведь болела, а умирая, оставила мне квартиру, благодаря чему я поднялся, потому что продал ее. Знаешь, чем занялся? Цветочками! Которые ненавижу. Они все могли бы жить, но ты им не дала, поэтому тебя я оставил на закуску, чтоб прочувствовала до костей, как это – терять близких, думать о приближающейся смерти.

– Что ж ты так долго ждал, народный мститель?

– Денег, Тори, денег. Монтаж, который придумала Элла, требовал большого количества участников, а им нужно платить. Платить хорошо. Брасов тебе, надеюсь, рассказывал, как вошел в дом за якобы Женькой, а консьержка убеждала его, будто в подъезд никто не входил?

– Рассказывал.

– С ней мы договорились, сколько бы Юрка ни предложил, я даю вдвое больше. А люди, мало того что устроили себе развлечение, еще деньги получили. За каждым из вас постоянно следили...

Она подалась корпусом к нему, коварно усмехнулась:

– Не боишься, что тебя сдадут?

– Нет, – точно так же подался корпусом он к ней и улыбнулся. – Люди, которых я нанял, из определенной среды, они не сдадут, там ваши правила не работают, там они более жесткие. В общем, мне нужны были деньги и... Женька.

– То есть? – подняла она брови.

– Мы с Эллой годами искали точную копию Женьки, точную! Ну, волосы можно приобрести, я заранее заказал за границей несколько одинаковых париков из натуральных волос, ведь по плану наши Женьки однажды должны появиться разом. Им сшили одинаковую одежду, которая была в тот день на Жене, на заказ сшили обувь. Сначала девочки разыграли Лешку, потом Брасова. Нашу Женю мы нашли среди юных проституток, выкупили, теперь понимаешь, о каком контингенте я говорил?

– А Юрка опасался, ты с его дочерью поступишь так же, как они с

Женькой.

– Я не зверь, мне нужны были только ваши жизни.

– Да кто ты такой, черт возьми, чтоб судить-рядить? – пыхнула Тори. – Даже суд после десяти лет не наказывает за преступления. Люди меняются...

– Вот именно, – перебил Глеб, – судить вас поздно. К тому же от наших судов успешно откупаются, я сам не раз так делал, когда меня прижимали. Мой бизнес не очень чистый. За красивыми цветочками прячется безобразно уродливая рожа. А теперь скажи, Тори, страшно тебе было?

Когда-то она его любила, сейчас ненавидела, оба чувства по степени силы равны, поэтому зло сказала:

– Мне было страшно, потому что я не знала, кто прячет свою уродливую рожу за мистикой.

– Ты еще не знаешь, что такое страх перед смертью, но у тебя он будет коротким, а Женька умирала мучительно и долго. Не знаешь, как умирают без воды? Сначала мучит нестерпимая жажда, потом наступает сухость во рту, когда языком не пошевелить, далее гипотония, тахикардия, западают глаза, нарастает нарушение сознания, затем шок и смерть. А при голоде это вообще выглядит страшно, кишки скручивает, будто внутренности у тебя кто-то выедает. Я проверял на себе, правда, до нарушения сознания не довел.

– Ты просто маньяк.

– И как маньяк доведу начатое до конца. Заберите ее, – приказал он двум парням, те подхватили Тори под руки. – Увезите подальше.

На следующий день Тори обнаружили в машине недалеко от города в роще с простреленной грудью в области сердца.

А еще через пару дней Глеб приехал к Бумеру. Мнимая Женька разминала ему шею, высунув от усердия язык. Увидев, кто пожаловал, она улыбнулась и легла животом на пушистый ковер перед телевизором, поедая попкорн.

– Я попрощаться, – сказал Глеб. – И сказать спасибо за помощь.

– Свои люди, сочтемся.

– Прими подарок, джип я оставляю тебе.

– Ммм... – одобрительно крякнул Бумер. – Мне он нравится, хотя предпочитаю бумеры. Ты доволен?

– Да.

– А я рад, что тебе помог. Бумер помнит тех, кто его выручает, товарища никогда не оставит.

– Женя, – обратился к девушке Глеб, оговорившись.

– Меня зовут Сима, – бросила она через плечо, болтая босыми ногами.

Конечно, не Женя. Внешность та же, нутро другое. Сима – маленькая ласка, в свои годы знающая, как угодить мужчине, притом в меру хищная.

– Ты можешь идти, Сима, куда хочешь.

– Я с ним останусь, – не оборачиваясь, указала она рукой на Бумера. –

Он мне нравится.

– Твое дело. Ну... – Глеб поднялся. – Прощай.

Бумер тоже поднялся, махнув рукой, затем подав ее Глебу:

– Мир тесен, особенно наш, встретимся. Когда уезжаешь?

– Прямо сейчас.

– Счастливо тебе.

Глеб забрался в машину, Элла выехала с территории, на которой расположен дворец Бумера, и помчалась к трассе через весь город, объезжая участки скопления автомобилей. Иногда она поглядывала на Глеба, а тот насупился, смотрел прямо перед собой, сжав губы. Он человек жесткий, Элла это знает, поэтому сначала задала дежурный вопрос, чтобы проверить его настроение:

– Как ты?

– Нормально.

– Нормально – ни о чем не говорит. Тебя что-то мучит?

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, через паузу ответил:

– С мучениями покончено.

– Скажи, тебе не жаль их? – Но спохватилась, не желая его сердить, дала задний ход: – Если не хочешь отвечать, не говори.

– Почему же, отвечу. Однажды Брасов сказал: «Никого не стоит жалеть. Что бы с нами ни происходило, мы не заслуживаем жалости. Все до одного. А знаешь, почему? Тот, кто оставляет за собой право на заведомую ошибку, не должен рассчитывать на сочувствие». Это его слова.

– Он не знал, кому говорил, – заметила Элла.

– Но он тысячу раз прав. Я много лет жил с чувством вины, если б не психанул тогда, когда Женька наехала на меня, с ней не случилось бы того, что случилось. Я ее очень любил, мне было невыносимо тяжело. Особенно когда закрывал глаза и видел ее в подвале, связанную. Что она испытала, когда ее насиловали три кабана? Ужас, стыд, отвращение, унижение?

– Все месте и еще больше.

– А когда лежала в темном подвале? Я почему-то представлял, как в темноте по ней бегают крысы. Должно быть, крыс там не было, подвал цементом покрыт, но от этого не легче.

– А ты не думал, что, поженившись, вы не сошлись бы характерами, ссорились бы по пустякам, ревновали и, в конце концов, развелись бы?

– Нам не дали этой возможности. А во мне убили мечту стать ученым, великим физиком.

Внезапно Глеб выпрямился, будто чего-то испугался. Элла насторожилась:

– Что с тобой?

– Знаешь, Элла, Женька отпустила меня.

– Как это?

– Закрываю глаза и больше не вижу ее. – Он зажмурился, посидел так, потом посмотрел на Эллу. – Не вижу. Такого не было. Выходит, я свободен?

– И хорошо. Смотри лучше на меня.

Зина стояла над столом, листая телепрограмму, как вдруг прибежала дочь из школы, не умчалась к себе, а выпалила:

– Ма, тебя там спрашивают.

– Кто? – оторвалась от чтения программки на сегодняшний день Зина.

– Не знаю, дядьки какие-то.

– Пошли их подальше.

– Ага, сама пошли их. Они взрослые.

Три «дядьки» вошли в дом, мерзавка домработница пустила. Зина уже лелеяла надежды устроить ей выволочку, стрессы желательно сбрасывать, в этом смысле домработница, как никто, подходит.

– В чем дело? Вы кто? – сухо поинтересовалась она.

– Милиция, – улыбнулся молодой человек.

– Что вам нужно?

– Вы, – сказал солидный мужчина, от которого ее чуть не стошнило, как только она увидела его, потому что он был похож на покойного мужа. – Вы подозреваетесь в убийстве.

– В чем, в чем? – нервно хохотнула Зинуля. – Кого я убила?

– Перед смертью сожительница вашего мужа написала письмо, можете ознакомиться с его содержанием.

Пожав плечами, опустив углы губ вниз, Зинуля взяла отпечатанный лист, видно, копию, начала читать:

– «Если со мной что-нибудь случится или меня не станет, знайте: вина лежит на Зинаиде, жене Юрия Артемовича Брасова, который бросил ее и ушел ко мне. Мучимая ревностью и злобой, она убила его, мне удалось это выяснить через день после убийства. Грозилась убить и меня. Ваша...» Ах,

курва облезлая... Негодяйка! Это же клевета!

– Но Виктория убита, – заметил Брасов номер два.

– Да триста лет она мне приснилась! – заверещала Зинуля. – Чтоб из-за этой выдры и моего борова я в тюрьме влачила жизнь? Да на хрен они мне...

– Гражданка, вы задержаны.

– Что?!! Как! Это же не я!

– Разберемся, не волнуйтесь, – приблизился улыбчивый мент с... наручниками. – Если найдем доказательства вашей непричастности, отпустим.

Илья с Андроном шли вдоль улицы, можно сказать, прохлаждались.

– Загадочная история, – глянув на свинцовое небо, произнес Илья. – Три самоубийства, одна авария, одно убийство, причем кружок один. Чего это их всех потянуло на тот свет?

– Показалось, что там лучше, – заключил Андрон.

– Но последнее убийство наводит на нехорошие мысли, что они не сами туда ушли. А браслетики? Что они означают? Их ведь подбрасывали с какой-то целью. Наталья кого-то боялась, Брасов был как комок оголенных нервов. Надеюсь, ты не думаешь, что Брасова и его любовницу застрелила жена?

– Брасов застрелился сам. Если честно, я вообще о них не думаю.

– Нет, в данном деле не так-то все просто, как выглядит, – не слушал Илья. – Наверное, я займусь этой увесистой стопкой смертей, пока нет заказов.

– Зачем?

– Просто хочется знать, где собака зарыта. – Он остановился, глядя себе под ноги, и повторил: – Очень хочется знать.